

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIHK 175 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÕID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
III

TARTU 1965

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIHK 175 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ÕIGUSTEADUSLIKKE TÖID
ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ
III

TARTU 1965

Redaktsioonikolleegium: J. Ananjeva, H. Kadari, E. Laasik (vast. toimetaja), J. Mäll, P. Vihalem.

Редакционная коллегия: Ж. Ананьева, П. Вихалем, Х. Кадари, Э. Лаасик (отв. редактор), И. Мялл.

PROFESSOR V. E. GRABAR — PROGRESSIIVNE VENE JA NÕUKOGUDE RAHVUSVAHELISE ÕIGUSE TEADLANE

(100. sünni-aastapäevaks)

Õigusteaduse doktor A. Uustal

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

Enam kui 160-aastase¹ olemasolu vältel on Tartu Riikliku Ülikooli Õigusteaduskonnas töötanud paljud väljapaistvad teadla-

¹ Õigusteaduskonna moodustamise Tartu Ülikoolis nägi ette Ülikooli põhimäärus, mille kinnitas Paul I juba 4. mail 1799. a. Selle kohaselt pidi teaduskonnas moodustatama neli kateedrit ja nimelt: 1. positiivse riigi- ja rahvaste õiguse ning poliitika, 2. tsiviil- ja kriminaalõiguse, 3. kohaliku provintσιαalõiguse ja 4. praktilise õigusemõistmise kateeder.

Tegelikult alustas Ülikool tegevust 1802. a. õpperingkonna kuraatori ajutise põhimääruse alusel. Ka selles nähti ette õigusteaduskonna moodustamine, ainult mõningal määral muudetud kateedrite koosseisuga. 1802. a. ajutise põhimääruse alusel moodustati õigusteaduskonnas järgmised kateedrid: 1. õigusteaduse entsüklopeedia ja positiivse riigiõiguse, 2. kriminaal- ja tsiviilõiguse, 3. kohaliku provintσιαalõiguse ja 4. Venemaa õiguse ja kantselei asjaajamise kateeder.

Rida muudatusi kateedrite jaotuses tehti juba 13. septembril 1803. a. kinnitatud uue Ülikooli põhimäärusega. Uue põhimäärusega luuakse õigusteaduskonnas samuti põhiliselt 4 kateedrit (korralist professuuri) ja nimelt: 1. positiivse riigi ja rahvaste õiguse ning poliitika, 2. saksa ja rooma era- ning kriminaalõiguse, 3. Liivimaa provintσιαalõiguse, 4. Eesti ja Soome provintσιαalõiguse kateeder. Peale eelnimetatute oli ette nähtud veel erakorraline professor Venemaa õiguse ja hiljem professor Venemaa teoreetilise ja praktilise õiguse mõistmise alalt.

Põhilised muudatused tõi õigusteaduskonna õppeplaani 1820. a. vastuvõetud uus põhimäärus. Selle alusel moodustati õigusteaduskonnas: 1. positiivse riigi ja rahvaste õiguse ning poliitika, 2. Rooma ja Saksamaa eraõiguse ja protsessi, 3. kriminaalõiguse- ja protsessi, 4. Venemaa õiguse ja 5. Kura-, Liivi- ja Eestimaa provintσιαalõiguse kateeder.

1865. a. tehti Ülikooli uue põhimäärusega mõningad muudatused ka õigusteaduskonna kateedrite koosseisus. Nimelt moodustati selle alusel õigusteaduskonnas kuus kateedrit: 1. rooma õiguse, 2. Venemaa õiguse, 3. kriminaalõiguse, 4. ja 5. Liivi-, Eesti- ja Kuramaal kehtiva kohaliku õiguse ja juriidilise praktika ja 6. riigi- ja rahvaste õiguse kateeder.

Selline kateedrite jaotus püsis kuni 1918. a., mil teaduskond, pärast Baltimaade okupeerimist sakslaste poolt, evakueerus Voroneži.

Vt. «Die Universität Dorpat (1802—1918)», Skizzen zu ihrer Geschichte, zusammengestellt von Hugo Semel, Dorpat 1918, lk. 51—60; Биографический

sed, kes on aidanud kaasa meie ülikooli tutvustamisele kodumaa teadlaste laiades ringkondades, aga samuti kandnud tema nime kaugele väljapoole kodumaa piire.²

Õigusteaduskonnas varajasematel aastatel tehtud teaduslikust uurimistööst tuleks eriti esile tõsta uurimusi rahvusvahelise õiguse³ valdkonnast. Need uurimused aitasid kaasa selle teadusharu progressiivsele edasiarendamisele ja reaktsiooniliste suundade ning seisukohtade väljajuurimisele rahvusvahelise õiguse teadusest. Õigusteaduskonnas töötanud rahvusvahelise õiguse teadlaste hulgas paistab eriti silma professor V. E. Grabar, kelle sajandat sünni-aastapäeva tähistame käesoleval aastal. Veerand sajandit oma küllalt pikast ja väga viljakast teadlaseelust töötas V. E. Grabar Tartu ülikoolis. Neid aastaid nimetab ta ise «õnnelikumaks ajaks oma elust ja kõige viljakamaks teaduslikus tegevuses»⁴.

словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902), т. II, под ред. Г. В. Левицкого, Юрьев 1902.

² Õigusteaduskonnas XIX sajandil ja XX sajandil alguses töötanud tuntu- maist teadlastest võiks nimetada: Vene riigi ja õiguse ajaloo uurijaid G. Ewersi ja A. Reutzi; kohaliku provintsiiaalõiguse uurijaid I. L. Mütheli ja F. G. Bunget; rahvusvahelise kriminaalõiguse uurijat V. E. Rohlandi, kriminaliste M. A. Dja- kopovi, P. P. Pustoroslevi jt.

1829. a. professor A. Reutzi sulest ilmunud töö «Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung» venekeelne tõlge oli aastakümneid kõigis Venemaa ülikoolides ametlikuks õpikuks Venemaa õiguse ajaloo alalt. Professor F. Bunge toimetusel ilmus koguteos «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten, t. I—VI, Reval 1853—1865», on veel praegu hädavajalikuks allikmaterjaliks varasemate perioodide õiguse ajaloo uurijaile.

1828—1839. a. töötas Tartu Ülikooli juures professorite instituut, mis val- mistas ette õppejõude teistele ülikoolidele. Instituudi lõpetasid paljud õigustead- lased, kes töötasid hiljem teistes ülikoolides. Neist võiks nimetada rahvusvaha- lise õiguse teadlast, Peterburi Ülikooli professorit I. I. Ivanovskit ja kriminaal- õiguse eriteadlast Kalmõkovi, vt. В. Э. Грабарь, Материалы к истории литера- туры международного права в России (1647—1917), М. 1958, lk. 265—270.

³ Esimestes õppekavades kuulus rahvusvaheline õigus eridistsipliini — positiivse riigi ja rahvaste õiguse (õigusteaduse entsüklopeedia) ning poliitika koosseisu. Iseseisva distsipliinina nähti rahvusvahelise õiguse õpetamine ette alles 1865. a. põhimääruses.

1802. a. alustas õigusteaduskond tegevust ainult 2 õppejõuga ja 27 üliõpi- lasega. Õppejõududeks olid kohaliku provintsiiaalõiguse professor I. L. Müthel ja kriminaal- ja tsiviilõiguse professor K. F. Meier. Positiivse riigi ja rahvaste õiguse lugemist alustati alles 1817. a.

Rahvusvahelise õiguse õppejõududest võiks esile tõsta veel professor A. Bulmerincqi, kes luges nimetatud õppeainet 1854—1875, siirdudes hiljem Hei- delbergi ülikooli.

Professor A. Bulmerincq oma tuntud töös «Systematik des Völkerrechts», Dorpat 1858, katsetab leida uut rahvusvahelise õiguse süsteemi. Sellega ühes loobub ta juba sajandeid rahvusvahelise õiguse kursustes valitsenud H. Grotiusse antud süsteemist.

⁴ В. Э. Грабарь, Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете, «Ученые записки Тартуского государственного университета», № 35, Таллин 1954, lk. 55.

V. E. Grabar sündis 22. jaanuaril 1865. a., s. t. ajal, mil Ida- ja Kesk-Euroopas valitses veel absolutism, Balkani rahvad vaevlesid Türgi ülemvõimu all, töölisklass kavandas alles oma revolutsioonilist võitlust kapitalismi kukutamiseks.

Tuntud teadlane suri 26. novembril 1956. a.⁵, s. t. ajal, mil Nõukogude Liidus oli täielikult võitnud sotsialism, maailmas aga oli kujunenud võimas sotsialismileer, mille otsustav osa rahvusvahelise õiguse progressiivsel edasiarenemisel on märkimist vääriv. Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni poolt deklareeritud rahvaste enesemääramise õiguse õhutusel olid Aasia ja Aafrika rahvad alustanud ulatuslikku võitlust häbiväärse koloniaalsüsteemi lõplikuks likvideerimiseks.

Oma pika elueaga on V. E. Grabar ühendavaks lüliks progressiivse vene teaduse ja nõukogude teaduse vahel. Rahvusvahelise õiguse teadlasena seisis ta nõukogude diplomaatia — uut tüüpi diplomaatia hälli juures, aidates kaasa esimeste sammude teostamisele ja uute vormide ning rahvusvahelisõiguslike instituutide leidmisele, mis olid paratamatult vajalikud sotsialistliku riigi, seni rahvusvahelisel arenil veel mitteeksisteerinud riigi rahvusvaheliste suhete korraldamiseks teiste riikidega.

1922.—1923. a. oli V. E. Grabar Lausanne'i konverentsil Nõukogude delegatsiooni liikmena. See oli konverents, mis mängis teatud osa imperialistide poolt meie noore töölis-talupoegade vabariigi vastu suunatud diplomaatilise ja majandusliku blokaadi likvideerimisel.⁶ 1924. a. valiti V. E. Grabar Ukraina NSV Teaduste Akadeemia tegevliikmeks. Ta võttis aktiivselt osa 1926. a. kehtestatud konsulaarmäärustiku väljatöötamisest, mille alusel veel praegu teostatakse Nõukogude Liidu konsulaarsuhteid välisriikidega, oli aastaid NSV Liidu Välisasjade ja Väliskaubanduse Rahvakomissariaadi eksperdik-konsultandiks.

V. E. Grabar ei ole teadlane, keda tuntakse ainult tema kultuurilise või teadusliku pärandi järgi. Nõukogude rahvusvahelise õiguse teadlaste nii vanem kui ka keskmine põlvkond tunneb teda isiklikult hästi, on kuulnud tema ettekandeid konverentsidel ja muudel teaduslikel üritustel, arutanud temaga mitmesuguseid teaduslikke probleeme. Paljud nende hulgast on tema õpilased. Tema tööd on veel praegu rahvusvahelise õiguse teadlastele vajalikeks käsiraamatuteks.

V. E. Grabar sündis Viinis. Oma lapsepõlve veetis ta onu juures Taga-Karpaatide Ukrainas, Užgorodi lähedal.⁷ Kogu tema järg-

⁵ Владимир Эммануилович Грабарь (некролог), «Советское государство и право», 1957, № 1. Prof. V. E. Grabar (nekroloog), «Tartu Riiklik Ülikool», 30. novembril 1956. a.

⁶ vt. Лозаннская конференция, «Дипломатический словарь», т. II, Москва 1961, lk. 205—209.

⁷ В. Н. Дурденевский, Владимир Грабарь — юрист и историк (к 60-летию научной деятельности), «Вестник Московского университета», 1949, № 7, lk. 113 jj.

neva elu määras ära kohaliku rahva vabadusvõitlus Austria-Ungari kaksikmonarhia ja selle raames teostatava Austria ülemvõimu vastu. Kuna teadlase isa oli üks aktiivseid rahvuslikust võitlusest osavõtjaid, oli perekond sunnitud evakueeruma ja valima oma uueks koduks Venemaa. V. E. Grabar lõpetab gümnaasiumi Kiievis, mille järel astub Moskva ülikooli õigusteaduskonda.

Õigusteaduskonnas õppimise ajal ilmnevad temas teadusliku uurija anded. 1888. a. kirjutatud auhinnatöö «Rahvusvahelised jõed» — («О международных реках») eest antakse talle kuldauraha.

Pärast ülikooli õigusteaduskonna lõpetamist otsustaski ta end pühendada teaduslikule tööle ja siirdub enesetäiendamiseks välismaale — Pariisi.

Pärast kaheaastast välismaal viibimist nimetati ta 1893. a. Tartu Ülikooli Õigusteaduskonna rahvusvahelise õiguse dotsendiks.⁸

Nagu V. E. Grabar ise märgib, valis ta provintsiülikooli oma tulevaseks töökohaks seepärast, et «luges kasulikuks noorele teadlasele alustada oma tegevust provintsiaalses ülikoolis», aga veel enam seepärast, et talle meeldis jätkata uurimistöös «positiivset suunda, mis oli juurdunud Tartu ülikoolis rohkem kui teistes ülikoolides»⁹.

Tartus algas tema pidev viljakas teaduslik uurimistöö, mis kestis üle 60 aasta. Tema sulest on ilmunud enam kui 140 trükitud teaduslikku uurimistööd, monograafiat, teaduslikku artiklit mitmetes erinevates keeltes (vene, ukraina, saksa, prantsuse, inglise, ladina).

Senini on tema järelejäanud teaduslikust pärandist viimaseks trüki ilmunud tööks 1964. a. ilmunud «Первоначальное значение римского термина *ius gentium*».¹⁰

Uuritavate probleemide ring on äärmiselt lai. Siia hulka kuuluvad: rahvusvaheliste jõgede õiguslik režiim, diplomaatiline õigus ja konsulaarõigus, õhuruum, rahvusvahelised organisatsioonid, sõjaõiguse normid ja tavad jt.

Kuid kõige südamelähedasemateks olid talle alati probleemid rahvusvahelise õiguse ajaloo alalt. Kuigi ta uuris mitmesuguseid probleeme positiivse rahvusvahelise õiguse valdkonnast, pöördus ta ikka ja jälle tagasi ajaloo juurde. Tööd sellest valdkonnast moodustavad kaheldamatult kõige väärtuslikuma osa tema teaduslikust uurimistööst, mis kindlustas talle maailmakuulsuse.

⁸ Приказ от 6 июля 1893 г., Центральный Государственный исторический архив ЭССР (ЦГИА), ф. № 402, ед. хр. 499, лк. 7.

⁹ В. Э. Грабарь, Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете, «Ученые записки Тартуского государственного университета», Таллин 1954, № 35, лк. 55.

¹⁰ Первоначальное значение римского термина *ius gentium*. Из научного наследия проф. В. Э. Грабаря, «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 148, Тарту 1964.

Põhiliselt teenivad need tööd ühte suurt eesmärki, mis V. E. Grabar seadis enda ette juba esimeste töödega. Nimelt püütakse neis väga ulatusliku allikmaterjali varal näidata, et rahvusvaheline õigus ja ka rahvusvahelise õiguse teadus eksisteerisid juba orjanduslikus ühiskonnas ja feodalismi perioodil.

Nende seisukohtadega kummutas ta veel XIX sajandi lõpul ja XX sajandi algul rahvusvahelise õiguse teoorias valitsevaks olnud seisukohad, mis eitasid rahvusvahelise õiguse olemasolu neil perioodidel.

Näiteks väitis Peterburi ülikooli tuntud professor F. Martens oma rahvusvahelise õiguse kursuses, et otseselt rahvusvahelisest õigusest ei saa rääkida vana- ja keskajal seepärast, et riikidevahelistes suhetes puudus veel õiguslik kord ja seaduslikkuse austamine.¹¹

Samasugusel seisukohal asusid veel: L. Oppenheim, J. de Louter jt.¹²

Juba oma esimeses ulatuslikumas uurimuses rahvusvahelise õiguse ja õigusteaduse tekkimise kohta, milleks on magistridissertatsioon «Римское право в истории международно-правовых учений»¹³ esitas V. E. Grabar arvukalt faktilist materjali, mis näitas, et juba Rooma tundis paljusid rahvusvahelisi lepinguid, tavaõiguslikke rahvusvahelise õiguse norme ja siseriiklikke seadusi, mis reguleerisid Rooma suhteid tol perioodil rahvusvahelisel areenil eksisteerinud rahvaste ja riikidega ja olid aluseks hilisemale riikidevahelisi suhteid reguleerivale õigusele — rahvusvahelisele õigusele.

Teaduslikes töodes kuni V. E. Grabari magistridissertatsiooni trüki ilmumiseni oli pühendatud palju tähelepanu rooma õiguse retseptatsioonile Lääne-Euroopa riikide tsiviilõiguses. Kuid rooma õiguse osa rahvusvahelise õiguse kujunemisel ja selle edasiarendamisel oli jäänud teadlastel peaaegu tähele panemata. Ainult üksikute teadlaste töodes võis XIX sajandil kohata pealiskaudseid andmeid Roomas tuntud seadustest ja lepingutest, mis reguleerisid rahvusvahelise õiguse valdkonda kuuluvaid küsimusi.¹⁴ Samuti oli jäänud peaaegu tähele panemata rooma ja järgnevate autorite osa rahvusvahelise õiguse teaduse kujunemisel ja selle arengus.¹⁵

¹¹ Ф. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. I, СПб., 1904, lk. 25.

¹² Оппенгейм Л., Международное право, т. I, полутом I, М. 1948, lk. 85; J. de Louter, Le droit international public positif, t. I, Oxford 1920, lk. 77.

¹³ В. Э. Грабарь, Римское право в истории международно-правовых учений, Юрьев 1901.

¹⁴ vt. Müller-Jochmus, Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, Leipzig 1848; Chauveau, Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité, Paris 1891.

¹⁵ H. Grotius oma 1625. a. ilmunud töös «De iure belli ac pacis» väidab küll, et keskaegsed rooma õiguse tõlgendajad «tahtsid lahendada kõik tülid valitsejate ja rahvaste vahel Rooma seaduste alusel, ühendades viimastega isegi kaanonid», kuid järgnevad autorid pöörsid sellele probleemile vähe tähelepanu.

Niisugune suhtumine rooma õigusesse oli seletatav sellega, et tavaliselt püüti siduda rahvusvahelise õiguse tekkimist ja tema arengut vaid Lääne-Euroopa nn. tsiviliseeritud rahvaste tegevusega ja ristiusuga.

Tuntud inglise rahvusvahelise õiguse eriteadlane L. Oppenheim väidab näiteks, et rahvusvaheline õigus oma esialgsel kujul «on kristliku tsivilisatsiooni produkt».¹⁶

Uhes sellega eitatakse väljaspool Euroopat asuvate riikide ja rahvaste osa, aga samuti ka ristiusku mittetunnistavate rahvaste» (seega ka roomlaste enne ristiusu vastuvõtmist) osa rahvusvahelise õiguse kujunemisel.¹⁷

V. E. Grabar analüüsib esimese teadlasena üksikasjalikult rooma õigust rahvusvahelise õiguse seisukohalt. Ta näitas, et paljud *Corpus Juris Civilis*'e sätted reguleerisid küsimusi, mis kuuluvad rahvusvahelise õiguse valdkonda. Sellisteks küsimusteks olid: merede õiguslik režiim, suhtumine välismaalastesse, välisriikide saadikute õiguslik režiim, poolte õigused ja kohustused relativastatud konfliktides, sõjavangide õiguslik režiim.

Ta annab uudse käsitluse ka *ius gentiumist*. Senini vaatlesid teadlased seda Roomas tuntud õigust kui õigust, mis reguleeris tsiviilõiguse valdkonda kuuluvaid küsimusi ja kuulus seega eraõiguse koosseisu.

V. E. Grabar näitas, et *ius gentium* reguleeris küsimusi, mis puudutasid mitmesuguseid riikidevahelisi suhteid, peamiselt sõjalisi konflikte ja sellest tulenevaid küsimusi, nagu sõda, sõjaline okupatsioon, territooriumi vallutamine, vaherahu, rahulepinguid. Kuid peale selle ka küsimusi, mis puudutasid rahumeelsete suhete arendamist riikide vahel, nagu seda on saadikute õiguslik seisund jt.¹⁸ Sellega näitas V. E. Grabar, et reguleeritavate küsimuste poolest vastab rooma *ius gentium* kaasaja rahvusvahelisele õigusele, millega on täiesti põhjendatud see seisukoht, et termin «rahvusvaheline õigus» tuleneb terminist «*ius gentium*».

Edasi näitab V. E. Grabar, kuidas mitmete koolkondade, nimelt kanonistide, glossaatorite ja postglossaatorite tegevuse tulemusel kujunesid rooma õiguse alusel mitmed kaasaja rahvusvahelise õiguse instituudid.

Rooma õiguse taaselustamine algas sellega, et ta võeti XI

¹⁶ Л. Оппенгейм, Международное право, т. I, полутом I, lk. 27, 85. Paljud autorid, nagu A. Heffter, F. Martens nimetavad oma rahvusvahelise õiguse kursused «tsiviliseeritud rahvaste» või Euroopa rahvusvaheliseks õiguseks». vt. A. В. Гефтер, Европейское международное право, СПб. 1880.

¹⁷ Hilisemad uurimused on näidanud selliste seisukohtade täielikku ekslikkust. Paljud kaasajal tuntud rahvusvahelise õiguse instituudid on kujunenud väljaspool Euroopat, Hiinas, Indias, Lähis-Ida maades ja hiljem on need üle võtnud Euroopa rahvad. vt. E. A. Коровин, История международного права, вып. I, М. 1946; Д. Б. Левин, История международного права, М. 1962.

¹⁸ В. Э. Грабарь, Римское право в истории международно-правовых учений, lk. 5 jj.

sajandil asutatud Bologna ülikooli õigusteaduskonna õppekavva. Samal ajal feodaalse killustatuse ja paljude feodaalsete väikeriikide kujunemisega rahvusvahelisel areenil laienevad ja diferentseeruvad ka riikidevahelised suhted. Arenev rahvusvaheline kaubandus tõstab päevakorda probleemid välismaa kaupmeeste ja üldse välismaalaste õiguslikust režiimist, kaldariikide ülemvõimust meredel, riigi territooriumi koosseisust jt.

Tekkis vajadus leida riikidevahelise suhtlemise laienemise tulemusena kujunenud praktiliste küsimuste lahendamiseks mingisugused õigusnormid. Glossaatorid ja postglossaatorid leidsid sellised õigusnormid rooma õigusest. V. E. Grabar näitas, et glossaatoritel oli rooma õiguse kasutamiseks praktikas üleskerkinud küsimuste lahendamiseks ka teatud õiguslik alus, sest pärast Rooma impeeriumi lagunemist jäi sellel territooriumil elavate rahvaste teadvusse ikkagi püsima ettekujutus «Rooma impeeriumi ühtsusest ja rooma õiguse kohustuslikkusest kõikidele rahvastele, kes elasid nendes piirides».¹⁹

Glossaatorid ja postglossaatorid kasutasid praktikas tõusvate küsimuste lahendamiseks analoogia põhjal rooma õiguse norme. Niisugune võte oli sagedasti väga kunstlik, sest võrreldes orjandusliku ühiskonnaga olid nüüd juba tunduvalt edasiarenenud riikide vaheliste suhete pinnalt kerkivad praktilised probleemid komplitseeritumad ja lasksid end seepärast väga raskesti suruda rooma õiguse kitsastesse raamidesse. Kuid sellega tuli leppida kui paratamatusega, sest teisi õigusnorme, millel oleks olnud rooma õigusega võrdne autoriteet erinevate rahvaste juures, ei tuntud.

Analoogia kunstlikkusest annab väga selge pildi V. E. Grabari magistridissertatsioonis toodud Accursiuse gloss — nn. *Glossa ordinaria sive magna*. Glossi aluseks on praktikas üleskerkinud küsimus ja nimelt, kas võib Bologna kodaniku üle Modena kohut mõista viimase statuudi alusel. Glossis vastatakse küsimusele eitavalt ja viidatakse seejuures Justinianuse koodeksile lib. 1, tit. 1, l. 1. Koodeksi vastavas seaduses on öeldud: «Meie soovime, et kõik rahvad, keda valitsetakse meie armust, võtavad vastu usu, mille andis roomlastele püha apostel Peetrus». Accursius varustab eeltoodud teksti järgmise glossiga: «Imperaatorite arvamusel kohaselt on seadus kohustuslik neile rahvastele, keda nad valitsevad, järelikult, neile, kes nendele ei allu, ei ole seadus kohustuslik. Seepärast ka Bologna kodanikule ei ole Modena statuudid kohustuslikud»²⁰

Koodeksi vastavas osas, nagu nägime, räägitakse ristiusu vastuvõtmisest roomlaste poolt, glossis aga koguni küsimusest, milliste seaduste alusel tuleb välismaalaste üle kohut mõista.

V. E. Grabar näitas, et glossaatorid lahendavad rooma õiguse

¹⁹ В. Э. Грабарь, Римское право в истории международно-правовых учений, lk. 225.

²⁰ Sealsamas, lk. 32.

alusel selliseid rahvusvahelisõiguslikke probleeme, nagu rahvusvahelise õiguse subjektid, sõdade lubatavus, sõjavangide õiguslik seisund jt. Nad tunnistavad rahvusvahelise õiguse subjektideks sõltumatuid riike. Rooma juristide (Ulpianus) ja ajaloolaste (Titus Livius) töodes esinevale sõdade jaotusele vastavalt jaotasid ka nemad sõjad õiglasteks ja ebaõiglasteks. Õiglased, lubatud sõjad olid need, mis kuulutas valitseja, või mille eesmärgiks on õigusrikkumiste heastamine. Nende eesmärkide puudumisel lugesid nad sõdu ebaõiglasteks ja keelatuiks. Sõjavangide suhtes õigustasid nad nende orjadeks muutmist. Sõjavahenditena tunnustasid nad sõjakavalust, keelasid aga igasugused reeturlikud võtted. Nad tunnustasid saadikute puutumatus. Ka mitmed riigi territooriumi õigusliku seisundiga ja territoriaalse ülemvõimuga seotud küsimused leiavad lahenduse glossides²¹.

V. E. Grabar näitas samuti oma töös, et glossaatorite seisukohti arendasid osalt edasi, osalt andsid aga rooma õiguse alusel täiesti omalaadse lahenduse mitmetele rahvusvahelise õiguse valdkonda kuuluvatele küsimustele postglossaatorid, kelle väljapaistvaimaks esindajaiks olid Bartolus (1314—1357) ja tema õpilane Baldus.

Postglossaatorid ei piirdu rahvusvahelises õiguses ainult lühikeste glosside kirjutamisega, vaid nad koostasid juba ulatuslikke uurimusi mitmete rahvusvahelise õiguse probleemide kohta. Näitena toob ta oma töös Bartoluse traktaadi «Saarest» (De Insula)²², milles lahendatakse riigi ülemvõimu probleem kaldalähedastel meredel. Rooma õiguse alusel tuleb Bartolus järeldusele, et riigi ülemvõim ulatub kaldalähedastele meredele laeva kahe päevateekonna kaugusele. Selles mereribas asuvad saared kuuluvad samuti kalda omanikule. Selle väitega on Bartolus esimene, kes püüab kindlaks määrata territoriaalvete laiust ja lahendada probleemi, mis veel tänapäeval on vaieldav praktikas ning viimastel aastatel on tekitanud rea teravaid konflikte riikide vahel.²³

Oma seisukoha rajab Bartolus paavst Bonifacius VII dekretaalide kogu kuuendas raamatus leiduvale glossile. Tekstis käsitletakse küsimust: kus peab kogunema konklaav uue paavsti valimiseks sel juhul, kui paavst sureb merel laeva pardal?²⁴ Glossis märgitakse, et paavst on sellisel juhul surnud linnas, mille lähedasel merel asus laev paavsti surma momendil.

Selle alusel tulebki Bartolus järeldusele, et riigi ülemvõim

²¹ В. Э. Грабарь, Римское право в истории международно-правовых учений, lk. 284—289.

²² Sealsamas, lk. 46.

²³ Näiteks konflikt Suurbritannia ja Islandi vahel seoses sellega, et viimane riik suurendas oma territoriaalvete laiuse 12 meremiilini.

²⁴ Vastavalt kehtivale korrale peab konklaav kogunema linnas, kus suri paavst.

merel ulatub 100 itaalia miili kaugusele rannikust, kuna sellises kauguses asuv koht loetakse veel «lähedal asuvaks».

V. E. Grabar näitas seejuures, et rooma õiguse kasutamine analoogia alusel praktikas esinevate probleemide lahendamiseks postglossaatorite poolt oli sagedasti veelgi kunstlikum kui see oli glossaatoritel. Teinekord asuvad postglossaatorid isegi seisukohadele, mis on otseses vastuolus rooma õigusega. Näiteks vastavalt praktilistele vajadustele tunnustas Bartolus keisri kõrval rahvusvahelise õiguse subjektideks ka linnad, kui neile oli antud erilised statuudid (chartad) või nad tegelikult ei tunnistanud enda üle mingisugust teist kõrgemat võimu. Viimane seisukoht on vastuolus rooma õiguses tunnustatud keisri võimu ülimuslikkusega.

Juhul aga, kui postglossaatorid ei leidnud rooma õigusest mingisugust normi praktikas esinevate probleemide lahendamiseks või rooma õiguse kasutamine näis neile isegi liiga kunstlikuna, pöördusid nad erilise õiguse — loodus- ehk rahvaste õiguse poole, kust nad leidsid neile vajaliku normi. Selliselt lahendab Bartolus probleemi oma traktaadis «Repressaalidest».²⁵ Rooma õiguse keeles otseselt repressaalid ja seda seepärast, et igasuguse ülekohtu puhul võidi pöörduda imperaatori poole kaitse saamiseks. Kuid hiljem, kui Itaalia linnad ei tunnistanud enda üle mingit kõrgemat võimu, ei olnud neil ka võimalust kellegi poole pöörduda kaitse saamiseks. Sellises olukorras muutusid repressaalid sagedasteks nähtudeks ja neid tunnustati üldiselt praktikas. Kooskõlas praktikaga leiabki Bartolus, et juhul kui ei ole võimalik saada kõrgemalt võimult abi või ei ole muud võimalust ülekohtu heastamiseks, on repressaalid jumaliku õiguse ja rahvaste õiguse alusel lubatud.

Glossaatorid ja postglossaatorid löid omapäraselt rahvusvahelise õiguse normid rooma õiguse alusel. Lahendades mõnd praktilist küsimust, löid nad sellega pretседendi, mida kasutati hiljem teiste samasuguste küsimuste lahendamiseks. Nii oli kaheldamatult rooma õigusel suur tähtsus paljude rahvusvahelise õiguse normide kujunemisel.

V. E. Grabari magistritöö kui omalaadne uurimus rahvusvahelise õiguse ajaloo alalt sai nii kodu- kui ka välismaa teadlaste üldise tunnustuse.²⁶

Magistridissertatsiooni jätkuks on V. E. Grabari sulest 1916. a. ilmunud uurimus: «Rahvusvahelise õiguse küsimusi Balduse juriidilistes konsultatsioonides»²⁷ (Вопросы международного права в юридических консультациях Балда).

²⁵ В. Э. Грабарь, Римское право в истории международно-правовых учений, lk. 229, allmärke 1, lk. 290—293.

²⁶ Osa magistridissertatsioonist ilmus juba varem prantsusekeelse eriväljandena, vt. V. Hrabar, L'Époque de Bartole (1314—1358) dans l'histoire du droit international, Paris 1900.

²⁷ В. Э. Грабарь, Вопросы международного права в юридических консультациях Балда, Петроград 1917.

Nagu pealkirjast nähtub, käsitletakse selles töös paljude rahvusvahelise õiguse valdkonda kuuluvate küsimuste lahendamist teise postglossaatorite koolkonna tähtsama esindaja, Bartoluse õpilase Balduse (1327—1400) juriidilistes konsultatsioonides, mis ta andis praktikas esinenud küsimuste kohta. Nendes konsultatsioonides lahendatakse rooma õiguse alusel paljud rahvusvahelised probleemid, nagu küsimus riigivõimu ülimuslikkusest, riigi sõltumatuses, rahvusvaheliste lepingute kohustuslikust jõust, lepinguliste kohustuste üleminekust valitseja järglastele, riigile kuuluvaist territoriaalseist ja valitseja isiklikest õigustest, repressaalidest jm. Peale rahvusvahelise avalikõiguse lahendatakse konsultatsioonides ka paljud rahvusvahelise eraõiguse valdkonda kuuluvad probleemid.²⁸ Ka sellel teosel oli suur tähtsus rahvusvahelise õiguse ja rahvusvahelise õiguse teaduse tekkimisega ja arenguga seotud küsimuste lahendamisel.

Tartu ülikoolis töötamise ajal valmis V. E. Grabaril veel käsikirjas doktori-dissertatsiooniteemal: «Rahvusvahelise õiguse teadus Inglismaal kuni reformatsioonini», mis kahjuks hävis Esimese maailmasõja ajal. Sellest ilmus 1917. a. üks osa ajakirjas «Юридический вестник» pealkirja all: «Понятие естественного права и международного права в английской литературе XII—XVI веков»²⁹.

Nimetatud uurimuses näidati esmakordselt, et ka Inglismaal käsitlesid mitmed autorid oma töödes feodalismi perioodil rahvusvahelise õiguse valdkonda kuuluvaid küsimusi ja on ekslik väita, nagu sel perioodil ei tuntud Inglismaal rahvusvahelist õigust kui erilist õigusharu, mis reguleerib riikidevahelisi suhteid.

V. E. Grabaril ilmusid veel kaks ladinakeelsete allikmaterjalide kogumikku pealkirjade all: 1) «De Legatis et Legationibus» ja 2) «De Legatorum Jure».³⁰

Nimetatud töödest leiame arvukalt väljavõtteid varajasematest kirjanduslikest allikatest diplomaatiliste esindajate õigusliku režiimi kohta. Nagu õigustatult märgitakse, on need nüüd juba kirjanduslikuks harulduseks muutunud kogumikud hädavajalikuks allikmaterjaliks kõigile, kes uurivad diplomaatilise õiguse ajalugu.

Kõigi nende uurimuste teostamine nõudis äärmiselt suurt hoolt ja vaeva, sest allikmaterjalid, mille alusel nad koostati, olid laiali pillatud mitmete välismaa (Inglismaa, Prantsusmaa, Itaalia, Hispaania) raamatukogude vanade raamatute ja käsikirjade fondidesse. Kuid V. E. Grabar temale omase hoole ja äärmise püüdlikkuse ning täpsusega tuli sellega edukalt toime.

²⁸ Töös vaadeldakse selliseid rahvusvahelise eraõiguse valdkonda kuuluvaid probleeme nagu: välismaalaste õigus- ja teovõime, seaduste kollisioonid jt.

²⁹ В. Э. Г р а б а р ь, Понятие естественного права и международного права в английской литературе XII—XVI веков, «Юридический вестник», 1917, № 1.

³⁰ «De Legatis et Legationibus». Tractatus Varii, Derpt 1905; «De Legatorum Jure», Tractatum catalogus completus, Jurjev 1918. On huvitav märkida, et mitmed välismaa autorid, nagu inglanna Barends ja kanadalane Ader annavad väga kõrge hinnangu nendele kogumikele.

Tartus töötamise ajal alustas V. E. Grabar materjali kogumist ka teiste tööde jaoks, mis ilmusid alles hiljem, peale tema lahku- mist või on osalt säilinud käsikirjas.³¹

Selliseks tööks on ka hiljuti trükitis ilmunud uurimus *ius gentiumi* kohta.³² Nagu ta ise rääkis, algas materjalide korjamine selle- teemalise uurimuse jaoks juba sajandi alguses. Kuid samal ajal ilmunud šveitslase Bögli töö umbes samal teemal³³, sundis teda oma kavatsusest loobuma. Kuid nimetatud ajalooline probleem, millele on pühendatud väga palju uurimusi, jäi ka edaspidi talle südamelähedaseks ja ta jätkas materjalide kogumist. Viibides 1952. a. Tartus seoses Tartu Riikliku Ülikooli 150 a. juubelipidus- tustega meenus talle juteldes nende ridade kirjutajaga oma kuna- gine kavatsus ning ta otsustas selle ellu viia. Sel eesmärgil külas- tas V. E. Grabar isegi raamatukogu ja tutvus seal leiduva uuema kirjandusega nimetatud probleemi kohta. Uurimus *ius gentiumi* kohta on üks viimastest tema poolt lõpetatud teaduslikest uurimust- est ja senini viimane tema trükitis ilmunud töö.

Nimetatud töös annab ta võrreldes seniste seisukohtadega täiesti uudse lahenduse *ius gentiumile*. Ta näitab, et oma esialgsel kujul mõeldi *ius gentiumi* all norme, mis reguleerisid suhteid sugu- harude vahel ja sisuliselt tähendab kaasaegses mõttes rahvusvahe- list õigust. Hiljem Rooma riigi kujunemisega jagunes ta kaheks osaks. Osa, säilides *ius gentiumi* nimetuse all, jätkas ka edaspidi Rooma suhete reguleerimist välisriikidega. Teine osa aga kujunes siseriiklikuks õiguseks, mis sai hiljem nimetuse *ius civile*.³⁴

Kõige ulatuslikumaks õigusajalooliseks uurimuseks on juba Moskvas töötamise ajal koostatud ja alles pärast surma trükitis ilmunud V. E. Grabari töö: «Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917)».³⁵ Seda võib õigu- sega nimetada tema elutööks, mis on kokkuvõtteks peaaegu 40-aas- tasele uurimistööle. Nagu märgivad töö sissejuhatuses toimetajad, nimetab autor temale omase tagasihoidlikkusega tööd ainult «Материалидека» rahvusvahelisõigusliku kirjanduse kohta Vene- maal.³⁶ Tegelikult on ta sisult palju rikkam. Ta sisaldab analüüsi

³¹ Selliseks tööks on näiteks artikkel rahvusvahelise õiguse ajaloo kohta, vt. V. E. Grabar, *Esquisse d'une histoire littéraire du droit international au moyen âge du IV au XIII*; «Revue de droit international», vol. XVIII, XIX, 1936. Käsikirjas on säilinud artikkel rahvusvahelise õiguse ajaloo kohta Prantsusmaal.

³² Первоначальное значение римского термина *ius gentium*. Из научного наследия проф. В. Э. Грабаря, «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 148, Тарту 1964.

³³ Hans Bögli, *Beiträge zur Lehre vom ius gentium der Römer*, Bern 1913.

³⁴ vt. Первоначальное значение римского термина *ius gentium*, lk. 38.

³⁵ В. Э. Грабарь, *Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917)*, Москва 1958.

³⁶ Sealsamas, lk. 3; Retsensent V. M. Koretski nimetab pealkirja «liiga tagasihoidlikuks», vt. В. М. Корецкий, *Памятник русской науки междуна- родного права. Советский ежегодник международного права, 1959*, Москва 1960, lk. 438—439.

Venemaal 3 sajandi vältel rahvusvahelise õiguse alal ilmunud teoste kohta. Kuid peale teoste analüüsi leiame me siit ulatuslikke eluloolisi andmeid nende autorite kohta, aga samuti ka üksikasjalikke uurimusi mitmesuguste rahvusvahelisõiguslike probleemide kohta (näiteks Relvastatud neutraliteedi deklaratsioon 1780 jm.)

Eriti hinnatavaks tuleb lugeda ka töös toodud andmeid rahvusvahelise õiguse (ja ka rea teiste juriidiliste distsipliinide) õpetamise kohta Venemaa ülikoolides.

Retsensent, Ukraina TA akadeemik V. M. Koretski märgib õigusega, et uurimus on omapäraseks «mälestusmärgiks» vene rahvusvahelise õiguse teadusele. Retsensent, hinnates töö suurt väärtust, leiab, et «nüüd ei saa ükski rahvusvahelise õiguse teaduse ja selle üksikute harude või probleemide uurija mööda minna sellest tööst».³⁷

Nimetatud töös lükkab V. E. Grabar ulatusliku materjali alusel ümber mõnede kodanlike autorite alaväärastava suhtumise vene rahvusvahelise õiguse teadusesse ja näitab, et rahvusvahelise õiguse teaduse tase Venemaal ja samuti ka rahvusvahelise õiguse õpetamine meie ülikoolides ei jäänud sugugi maha Läänest. Ta oli isegi ees paljude probleemide ja instituutide progressiivse käsitluse poolest.

Ajaloolisi probleeme käsitlevatest uurimustest võiks veel nime-tada ajakirjas «Вопросы истории» ilmunud artiklit «Вселенские соборы XII—XV вв. как органы международного общения»³⁸, kus käsitletakse kirikukogude osa riikide esindajate nõupidamiste, kongresside ja konverentside organiseerimisel ja töö korraldamisel kasutatavate protseduurireeglite väljatöötamisel.

Õigusajalooliste tööde kõrval on V. E. Grabar kirjutanud arvu-kalt uurimusi rahvusvahelise õiguse aktuaalsete probleemide kohta. Nende uurimuste diapason on väga lai. Siin näeme töid diplomaatilise õiguse, mereväinade, õhuõiguse, riikide võrdsuse, sõja- ja rahuprobleemide jm. kohta. Kõiki neid iseloomustab põhjalik kirjanduse tundmine ja iseseisev küsimuse lahendamine. Ta ei kirjuta uurimusi mitte selleks, et veel kord korrata ühe või teise autori seisukohti, vaid alati annab uuritava küsimuse omapoolse-iseiseiva lahenduse.

V. E. Grabari head allikmaterjalide ja kirjanduse tundmist näitasid mitmete raamatute kohta kirjutatud retsensioonid. 1910. a. Gorjainovi ulatusliku uurimuse «Bosporus ja Dardanellid» (ca 500 lk.)³⁹ kohta kirjutatud retsensioonis näitas V. E. Grabar palju põhjalikumalt Vene-Türgi vahel XVIII s. lõpul ja XIX s. algul

³⁷ В. М. Корецкий, цит. соч. lk. 445.

³⁸ «Вопросы истории», 1945, nr. 3, 4, lk. 86—98. Nimetatud tööle teatud täienduseks on V. E. Grabari kirjutatud töö «Вселенские соборы западно-христианской церкви и светские конгрессы XV века», vt. «Средние века». вып. 2, Москва 1942, lk. 253—277.

³⁹ Горьяинов, Босфор и Дарданеллы, 1907.

sõlmitud lepingute ja neid suhteid käsitleva kirjanduse tundmist kui retsenseeritava monograafia autor. Mainitud kriitilise artikli eest määras Vene Teaduste Akadeemia talle 1911. a. kuldmedali.

Tartus töötamise ajal kirjutatud töödest võiks originaalsuse ja praktilise tähtsuse poolest esile tõsta uurimust riikide reaalse ja juriidilise võrdsuse kohta.⁴⁰ Möödunud sajandi lõpul ja käesoleva sajandi algul arenes rahvusvahelis-õiguslikus kirjanduses ulatuslik vaidlus riikide poliitilise ja juriidilise võrdsuse küsimuses. Ühed teadlased (Baty, Rivier)⁴¹ tunnustasid täielikku riikide võrdsust nii poliitiliselt kui ka juriidiliselt ja ei andnud suurriikidele mingeid eelisõigusi, teised (Pollock, Liszt)⁴² nõudsid suurriikidele suuremate õiguste andmist rahvusvahelistel konverentsidel, umbes nii, nagu see on suurema aktsiate arvuga aktsionäridel aktsiaseltsi peakoosolekul.

Nimetatud vaidluses asus V. E. Grabar üldiselt viimatinimetatud teadlaste seisukohale, kuid lahendas küsimuse siiski erinevalt. Ta tunnustas riikide täielikku poliitilist võrdsust. Kuid juriidiliste küsimuste arutamisel rahvusvahelistel konverentsidel nõudis V. E. Grabar suurriikidele suuremate õiguste andmist. Ta väitis, et rahvusvaheline võrdsus tähendab «suveräänsuse võrdsust, mitte aga vahendite ja võimsuse võrdsust... Klaas on samuti vett täis nagu bassein, kuid tal ei ole kaugeltki sellist ulatust.»⁴³ Võrdsustada klaasi basseiniga — tähendab kaheldamatult mittevajaliku ja rahvusvahelistes organisatsioonides sagedasti kahjuliku fiktsiooni tunnustamist. V. E. Grabari teoreetiline seisukoht leidis praktilise lahenduse mitmete haldusliitude töös, kus küsimuste lahendamisel antakse liidust osavõtjaile hääli vastavalt nende majanduslikule võimsusele.

Teatud määral kajastab nimetatud seisukohta ka Julgeolekunõukogus kehtiv suurriikide ühehäälsuse põhimõte:⁴⁴

Teoreetilistes uurimustes on V. E. Grabar progressiivseks teadlaseks, kes võitleb rahvusvahelise õiguse progressiivse edasiarendamise eest. Ta nõuab reaktsiooniliste instituutide (sõjaõigus) väljalülitamist rahvusvahelisest õigusest, et nimetatud õigus saaks igati kaasa aidata riikide heanaaberlikule suhtlemisele ja rahvusvahelise rahu kindlustamisele. Oma sissejuhatavas loengus Tartu ülikoolis, mille ta pidas teemal: «Sõda ja rahvusvaheline

⁴⁰ В. Э. Грабарь, Начало равенства государств в современном международном праве, «Известия Министерства Иностранных Дел», 1912, № 1.

⁴¹ Baty, International Law, London 1909, lk. 17—19; Rivier Principes du Droit des Gens, vol. I, Paris 1896, lk. 123.

⁴² F. Liszt, Das Wesen des völkerrechtlichen Staatenverbandes und der internationale Prisenhof, Breslau 1910, lk. 24; F. Pollock, «Nakal Annual», 1908, part I, chap. VII.

⁴³ В. Э. Грабарь, Начало равенства государств в современном международном праве, «Известия Министерства Иностранных Дел», 1912, № 1, lk. 18.

⁴⁴ Н. А. Ушаков, Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций, Москва 1956, lk. 60—61.

õigus»,⁴⁵ annab ta purustava hoobi Saksamaa militaristlikku «raua ja vere» poliitikat õigustavale reaktsioonilisele suunale rahvusvahelises õiguses. Saksamaa imperialistlikku poliitikat õigustavad autorid (Erlangeni Ülikooli professor Lueder, kindralid Moltke, Falkenstein jt.) ülistasid sõda ja nägid temas inimühiskonna arengut edasiviivat nähtu, õigustasid piiramatut vägivalda sõjalistes konfliktides. Nii väitis üks preisi kindraleid, Falkenstein 1870. a. sõja ajal «Sõjas on vaid üks õigus, mis surub maha kõik muu, see on — jõud.»⁴⁶ V. E. Grabar näitas selliste väidete alusetust. Lepingute ja tavaõiguslike normide alusel tuleb ta järeldusele, et ka relvastatud konfliktides reguleerivad riikidevahelisi suhteid rahvusvahelise õiguse normid, mida peavad täitma sõdivad pooled. Kuid ta astus isegi veel sammu kaugemale. Täiesti vastuolus tol perioodil veel rahvusvahelise õiguse doktriinis valitseva seisukohaga, mis õigustas sõda, vaatles sõda kui ühte viisi rahvusvaheliste tülikäsimuste lahendamiseks.⁴⁷ V. E. Grabar nõuab sõja keelamist. Ta väidab: «Rahvusvahelise õiguse teadus on teadus rahust. Tema ülesanne on: kindlustada maa peal rahu, kõrvaldada sõda rahvusvahelistest suhetest»⁴⁸. See soov leidis kinnituse rahvusvahelises õiguses alles umbes pool sajandit hiljem.

Mõistes hukka sõjad ja võideldes rahu kindlustamise eest rahvusvahelistes suhetes, väljendas V. E. Grabar eesrindlike inimeste huve, võitles nende ideede eest, mille eest praegu peab otsustavat võitlust kogu progressiivne inimkond eesotsas nõukogude rahvaga. Paljastades reaktsiooniliste, sõda õigustavate vaadete alusetust, on nimetatud töö veel praegu aktuaalne, kuna ta näitab ka praegu Läänes üha laiemalt levivate seisukohtade ekslikkust, mis imperialistlike suurriikide huvides õigustavad piiramatut vägivalda rahvusvaheliste probleemide lahendamisel.

Tema järjekindlat võitlust igasuguste reaktsiooniliste tendentside vastu rahvusvahelise õiguse teoorias, samuti ka igasuguste ebaausate võtete vastu teaduslikus uurimistöös näitab veel kriitiline artikkel Petrogradi ülikooli tolleaegse õppejõu E. K. Simsoni töö «Rahvusvahelise õiguse süsteem»⁴⁹ kohta.

Simson tuleb oma töös järeldusele, et rahvusvaheline õigus ei

⁴⁵ В. Э. Грабарь, Война и международное право, «Ученые записки Императорского Юрьевского Университета», 1893, № 4.

⁴⁶ Tsiteeritud V. E. Grabari töös «Война и международное право» järgi, vt. op. cit., lk. 7.

⁴⁷ Vt. näiteks Ф. Лист, Международное право, Юрьев 1902, lk. 313; Ф. Мартенс, Современное международное право цивилизованных народов, т. II СПб. 1905, lk. 517—519; К. Gareis, Institutionen des Völkerrechts, Giessen 1901, lk. 223.

⁴⁸ В. Э. Грабарь, Война и международное право, «Ученые Записки Императорского Юрьевского Университета», 1893, № 4, lk. 25.

⁴⁹ Э. К. Симсон, Система международного права, т. I, основные понятия. СПб., 1900.

ole iseseisev õigusharu, vaid ta moodustab riigiõiguse osa, nn. välise riigiõiguse. Seejuures püüab Simson end ülistada ja näidata, et ta on ainuke teadlane, kes loob originaalse töö rahvusvahelise õiguse valdkonnas.

V. E. Grabar näitas oma kriitilises artiklis «Ebaõnnestunud katse rahvusvahelise õiguse natsionaliseerimiseks»,⁵⁰ et Simson oma seisukohtadega ei ole sugugi originaalne, kuna juba varem paljud saksa autorid püüdsid muuta rahvusvahelist õigust väliseks riigiõiguseks. Ta paljastas ka nende seisukohtade reaktsioonilised eesmärgid, kuna nende kaasabil püütakse üksikute riikide poolt siseseadusandluses vastuvõetud, ilmselt reaktsioonilisi seisukohti teha kohustuslikuks teistele riikidele ilma nende nõusolekuta.

V. E. Grabar näitas veel, et E. Simsoni töö ei ole üldse originaalne, iseseisev teaduslik uurimus, vaid selles on palju sõnasõnalisi tõlkeid teistest töödest ilma allikatele viitamata, sealhulgas ka E. Simsoni õpetaja, Tartu ülikooli professori K. Bergbohmi loengutest. Nagu märgib V. N. Durdenevski, mattis V. E. Grabar oma kriitilise artikliga maha E. Simsoni edasise teadusliku karjääri.⁵¹

Originaalse uurimustöö kõrval sai V. E. Grabar laialdaselt tuttavaks tuntud saksa autori F. Liszti rahvusvahelise õiguse kursuse venekeelse tõlke korraldamise ja redigeerimisega. V. E. Grabar täiendas tööd arvukalt uute materjalidega teooriast ja Venemaa lepingulisest praktikast. Tööle lisati täiesti iseseisva osana Peterburi ülikooli professori B. E. Nolde kirjutatud rahvusvaheline eraõigus. Tõlke redigeerimisel parandas V. E. Grabar F. Liszti töö saksakeelses väljaandes esinenud arvukad vead (üle 200) ja ebatäpsused, mille eest autor avaldab tänu redigeerijale järgmise saksakeelse väljaande eessõnas.⁵²

V. E. Grabari redigeeritud F. Liszti töö venekeelne tõlge ilmus meil 6 väljaandes ja oli aastakümneid ülikoolides peamiseks õpikuks. Viimane, 6. väljaanne, mis ilmus 1926. a.⁵³, on täiendatud arvukate materjalidega Nõukogude Liidu rahvusvahelisest praktikast ja niivõrd laiendatud, et siin vaadeldakse õigustatult V. E. Grabari töö kaasautorina.

⁵⁰ В. Э. Грабарь, Неудачная попытка национализации международного права, Юрьев 1901.

⁵¹ В. Н. Дурденевский, Владимир Грабарь — юрист и историк (к 60-летию научной деятельности), «Вестник Московского Университета», 1949, № 7. Критический анализ Е. А. Коровина работы «Международное право переходного времени», М. 1925, показывает, что в основе его работы лежат работы, которые он цитировал, в частности, работы В. Е. Грабаря, Das heutige Völkerrecht vom Standpunkte eines Sowjetjuristen, «Zeitschrift für Völkerrecht» 1927, nr. 2.

⁵² Трудно заметить, что автор пытается уменьшить количество изменений, сделанных им («manche Fehler»).

⁵³ Франц Лист, Международное право, переработал и значительно дополнил проф. В. Э. Грабарь, Ленинград 1926.

Suure osa V. E. Grabari teaduslikust pärandist moodustavad biograafilised tööd tuntud rahvusvahelise õiguse teadlaste elust ja loomingust. Entsüklopeediates ilmuvad tema lühiartiklid Accursiuse, Balduse, Bartoluse, A. Bulmerincqi, C. Calvo, G. F. Martensi, D. I. Katšenovski, V. A. Nezabitoovski jt. kohta.⁵⁴ V. E. Grabar kirjutas Tartu ülikooli 100. aastapäeva puhul väljaantud koguteosesse paljude õigusteaduskonna õppejõudude elulood.⁵⁵

Olles saanud üldise tunnustuse rahvusvahelise õiguse ajaloo uurijana, teeb Pariisis asuv Rahvusvahelise Õiguse Instituut 1925. a. V. E. Grabarile ettepaneku kirjutada sellekohane artikkel H. Grotiusse kuulsa töö «De iure belli ac pacis» ilmumise 300. aastapäeva tähistamiseks. Ta kirjutabki töö pealkirja all «Hugo Grotiusse osa rahvusvahelise õiguse teaduslikul edasiarendamisel». Selles töös näitas V. E. Grabar ulatusliku allikmaterjali alusel, et H. Grotiusse osa rahvusvahelise õiguse edasiarendamisel ei ole nii suur, kui tavaliselt arvatakse Lääne-Euroopa kirjanduses. Grotius on pigem hea juba esitatud seisukohtade süstematiseerija ja populariseerija kui uute printsiipide looja.

Seda teesi arendas V. E. Grabar edasi NSVL Teaduste Akadeemia Õiguse Instituudi teaduslikul sessioonil 1946. a., mis oli pühendatud Hugo Grotiusse 300. surma-aastapäevale. Ettekandes teemal: «Hugo Grotius ja Alberico Gentilis kui kahe suuna esindajad rahvusvahelises õigusteaduses»⁵⁶, lükkas ta ümber sajan-deid püsinud seisukoha, mis tunnistas H. Grotiusse rahvusvahelise õiguse loojaks, selle isaks. Ta näitas, et juba H. Grotiusse eelkäijad andsid oma uurimustes temale vajalikud seisukohad ja vajalikku materjali kuulsa töö kirjutamiseks. Sellest teeb V. E. Grabar järelduse, et H. Grotiusse tööd võib «lugeda nagu paljude autorite kollektiivseks tööks»⁵⁷.

Ka need viimati nimetatud uurimused näitavad, et V. E. Grabar ei armasta käia juba varem talletud radu. Ta suhtub kõigisse seisukohtadesse sügava kriitikaga ja teeb järeldusi ainult allikmaterjalide alusel, neid igakülgselt hinnates ja üksikasjalikult uurides. Ka selles väljendub tema kui teadlase suurus.

Kõrvuti viljaka teadusliku töö ja õppetööga täitis V. E. Grabar Tartu ülikoolis mitmeid administratiivseid ülesandeid. Ta oli korduvalt õigusteaduskonna dekaaniks⁵⁸ ja pikemat aega ülikooli raamatukogu direktoriks. Veel praegu võlgname temale tänu raa-

⁵⁴ Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона.

⁵⁵ Ta kirjutas E. Böckeri, A. Bulmerincqi, F. Lampe, E. Löningi ja C. Bergbohm'i elulood, vt. Биографический словарь проф. и преподавателей Императорского Юрьевского университета, т. 1, lk. 621—633, 638—641.

⁵⁶ В. Э. Г р а б а р ь, Гуго Гроций и Алберико Джентили как представители двух направлений в науке международного права», «Известия Академии Наук», отд. экономики и права, 1946, № 1.

⁵⁷ Sealsamas, lk. 13.

⁵⁸ V. E. Grabar valiti õigusteaduskonna dekaaniks 1906. ja 1915. aastal; vt. RAKA, Fond nr. 402, nimistu 3, s.-ü. 499.

matukogu selle perioodi fondide väga täieliku ja oskusliku komplekteerimise eest rahvusvahelisõigusliku kirjandusega.

Nii moodus pikk eluaeg pidevas töös ja võitluses uute progressiivsete rahvusvahelise õiguse instituutide ja normide eest, mis paremini aitaksid kaasa heanaaberliku koostöö arendamisele riikide ja rahvaste vahel.

Neile, kes mäletavad V. E. Grabari, on ta meeles alati lahke, abivalmis vanema seltsimehena, kes kunagi ei keeldunud oma abist või autoriteetsest nõuandest.

ПРОФЕССОР В. Э. ГРАБАРЬ — ПРОГРЕССИВНЫЙ РУССКИЙ И СОВЕТСКИЙ УЧЕНЫЙ — МЕЖДУНАРОДНИК

Доктор юрид. наук А. Т. Уусталь

Кафедра государственного и административного права

Резюме

22 января с. г. юристы отметили знаменательную дату — столетие со дня рождения бывшего профессора международного права в Тартуском университете В. Э. Грабаря.

В. Э. Грабарь родился в 1865 году в Вене. Свою молодость он провел в Закарпатской Украине, недалеко от Ужгорода.

Преследуемая местными властями за участие в национальном освободительном движении, семья Грабаря вынуждена была эмигрировать. Она избирает своей новой родиной Россию. По окончании гимназии В. Э. Грабарь поступает на юридический факультет Московского университета. Уже в студенческие годы обнаруживается его влечение к науке. Он пишет конкурсную работу «Международные реки», за которую ему присуждается золотая медаль университета.

Окончив университет, В. Э. Грабарь решает посвятить свою жизнь научной работе. С целью совершенствовать свое образование он едет в Париж. После двухлетнего пребывания за границей, в 1893 году В. Э. Грабарь избирается доцентом международного права на юридическом факультете Тартуского университета. Двадцать пять лет своей продолжительной и плодотворной жизни ученого он проводит в Тарту, откуда в 1918 году вместе с университетом эвакуируется в Воронеж. Позже он работает в Московском университете и в Институте права Академии Наук СССР. В 1924 году он избирается действительным членом Академии Наук Украинской ССР. Он один из тех немногочисленных ученых юристов царской России, которые отдали свои большие

знания в распоряжение молодого советского государства. В первые годы советской власти он состоит консультантом Народного комиссариата иностранных дел и внешней торговли, активно содействуя выработке новых международно-правовых институтов, безусловно необходимых для упорядочения международных отношений социалистической страны с иностранными государствами. На Лозаннской конференции 1922—1923 г. он входит в состав советской делегации. Он принимает участие в выработке Консульского устава СССР, который вводится в действие в 1926 году.

Круг изучаемых им вопросов весьма обширен. В него входят проблемы войны и мира, правовой режим международных рек и проливов, воздушное право, дипломатическое и консульское право, международные конференции и др. Но ближе всего ему были проблемы из истории международного права и истории правовой науки. Исследования в этой области обеспечили ему всемирную известность.

Первым и одним из наиболее обширных исследований по истории международного права В. Э. Грабаря была магистерская диссертация «Римское право в истории международно-правовых учений». В. Э. Грабарь был первым юристом, который на основе разработки многочисленных источников показал, что еще в древнем Риме были известны многие нормы права, которые регулировали отношения с иностранными государствами и составляли международное право в современном смысле. Таким образом, он опроверг укоренившееся в научной литературе мнение, будто древний мир и средние века не знали международного права.

В этой же работе В. Э. Грабарь показывает, как римское право при посредничестве средневековых авторов (глоссаторов и постглоссаторов) послужило основой для образования многих современных институтов международного права.

Наиболее важным исследованием В. Э. Грабаря по истории права является его труд «Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917)», вышедший в свет после его смерти (в 1958 г.). Эту работу с полным правом можно назвать трудом его жизни, так как она является итогом его почти сорокалетней научно-исследовательской деятельности. Как отмечают редакторы работы, автор со свойственной ему скромностью называет ее лишь «Материалами». В действительности же содержание этого исследования гораздо богаче. Оно дает подробный анализ работ по международному праву, опубликованных в России на протяжении трех веков. Кроме того, В. Э. Грабарь приводит многочисленные биографические сведения об авторах работ. Член Академии Наук Украинской ССР В. М. Корецкий указывает в своей рецензии на работу В. Э. Грабаря, что исследование является своеобразным памятником русской науке международного права. Признавая большую цен-

ность работы, рецензент отмечает, что теперь никакой исследователь международного права или отдельных его отраслей или проблем не может пройти мимо этой работы. Последним из его до сих пор вышедших из печати исследований подобного рода является опубликованная в 1964 году в «Ученых записках Тартуского государственного университета» работы «Первоначальное значение термина *ius gentium*».

В своих теоретических исследованиях В. Э. Грабарь ведет борьбу против реакционных направлений в науке международного права. В своей вступительной лекции в Тартуском университете на тему «Война и международное право» он нанес сокрушительный удар по установкам тех авторов, которые оправдывали германскую политику «железа и крови», восславляли войну и защищали неограниченный произвол в военных конфликтах. В. Э. Грабарь требует запрещения войны. Он утверждает, что наука международного права — это наука о мире. Ее задачей является «обеспечить мир на земле и устранить войну из международных отношений».

По оригинальности и практическому значению следует отметить исследование В. Э. Грабаря о реальном и юридическом равенстве государств. Он признает юридическое равенство государств. Но при решении вопросов в международных организациях он требует предоставления больших прав великим державам. Означенная теоретическая установка нашла применение в работе международных организаций. В известной мере эта установка отражается и в принципе единогласия (вето), применяемого в работе Совета Безопасности ООН.

Находящийся в Париже Институт международного права в 1925 г. сделал предложение получившему в этой области всеобщее признание В. Э. Грабарю написать статью по поводу 300-летия известной работы Г. Гроциуса. Статья была написана и озаглавлена «Роль Гуго Гроциуса в научном развитии международного права». В этой статье В. Э. Грабарь на основе обширного материала показал, что роль Гроциуса в развитии международного права не так велика, как обычно полагают в Западной Европе. Гроциус скорее хороший систематизатор и популяризатор, чем создатель новых принципов международного права.

Значительную часть научного наследия В. Э. Грабаря составляют опубликованные в энциклопедиях справочные статьи о жизни и творчестве многих ученых по международному праву. Интересно отметить, что в сборнике, опубликованном по случаю столетнего юбилея Тартуского университета, большинство биографий преподавателей юридического факультета написаны В. Э. Грабарем.

Наряду с составлением оригинальных работ В. Э. Грабарь завоевывает себе популярность редактированием русского перевода учебника международного права известного немецкого автора

Ф. Листа. Русский перевод учебника выдержал 6 изданий и долгое время являлся у нас основным учебником по международному праву. Последнее издание его вышло в Ленинграде в 1925 году. Это издание В. Э. Грабарь в такой степени дополнил новыми материалами, что его по праву считают соавтором книги.

Наряду с плодотворной научной и педагогической работой В. Э. Грабарь занимал в Тартуском университете различные административные должности. Неоднократно он был деканом юридического факультета (в 1906 и 1915 году) и продолжительное время работал директором библиотеки университета.

В. Э. Грабарь навсегда останется в памяти своих коллег неизменно внимательным и чутким старшим товарищем, который никогда никому не отказывал в помощи или в авторитетном совете.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ПРОКАТА ЛЕГКОВЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Ст. преподаватель Э. Л. Плоом

Кафедра гражданского права и процесса

Правила пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусматривают ответственность абонента за нарушение принятых на себя обязанностей. Установленные основания ответственности абонента направлены на обеспечение исполнения таких его обязанностей, от которых зависит нормальное использование предметов проката в дальнейшем (своевременный возврат автомобиля, возврат инструментов, исправность спидометра и т. д.) или которые направлены на возмещение причиненного автохозяйству ущерба, если предмет проката (автомобиль) поврежден. При этом ответственность первого вида обычно носит штрафной, а второго — компенсационный характер.

1. Планирование выдачи автомобилей по графику будущим абонентам и реальное выполнение составленных планов, несомненно, зависят от своевременного возврата автомобилей абонентами, получившими их во временное пользование. Поэтому, согласно единым тарифам, при задержке легкового автомобиля пользователем сверх установленного договором срока каждые сутки просрочки оплачиваются в полуторном размере абонементной платы, установленной для первых 10 суток пользования автомобилем.¹

Установление такой ответственности вполне обоснованно. Однако на практике встречаются случаи, когда абонент не имеет возможности вернуть автомобиль в предусмотренный срок не по своей вине, а в результате происшедшей аварии или вследствие выбытия автомобиля из его владения. Поскольку при таких обстоятельствах, начиная с соответствующего момента, пользование автомобилем фактически прекращается, судебная практика исходит из того, что прокатная плата за этот период с абонента

¹ См. СП РСФСР 1962 г. № 13, ст. 75.

не взимается.² Тем более следует учитывать эти факты при привлечении абонента к ответственности, если он своевременно извещил о них автохозяиство.³

Правилами и договором проката легковых автомобилей предусмотрена специальная ответственность абонента за умышленный срыв и порчу опломбирования спидометра или его привода. Согласно единым тарифам, за пользование легковым автомобилем с неисправным спидометром плата за пробег взимается из расчета 500 км за каждые сутки пользования автомобилем. Но при определении платы за пользование автомобилем с неисправным спидометром суды решают вопрос с учетом обстоятельств дела, продолжительности времени пользования автомобилем и т. д.⁴ Однако надо отметить, что в «Единых тарифах», в «Правилах пользования» и в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката мысль об ответственности абонента за пользование автомобилем с неисправным спидометром выражена не одинаково. Так, п. 12 «Правил пользования легковыми автомобилями на условиях проката» устанавливает, что в случае срыва троса и пломбы спидометра с абонента взыскивается за пробег 500 км в сутки; п. 2 «з» Договора определяет, что за умышленный срыв или порчу опломбирования спидометра или его привода абонент обязан платить за пробег 500 км в сутки; п. 3 «Единых тарифов РСФСР» гласит, что за пользование легковым автомобилем с неисправным спидометром или нарушенной пломбировкой спидометра плата за пробег взимается из расчета 500 км за каждые календарные сутки пользования автомобилем.⁵ Таким образом, «Правилами» предусматривается ответственность абонента в случае вообще срыва троса и пломбы спидометра, договором — за умышленный срыв или порчу опломбирования спидометра, а «Единые тарифы» исходят из факта пользования автомобилем с неисправным спидометром, не придавая значения умыслу самого абонента.

Какое же из трех вышеуказанных правил считать правильным? Выше отмечалось, что при возникновении неисправности в приводе или механизме спидометра абонент обязан на ближайшей станции техобслуживания или автобазе составить акт и устранить дефект с последующим опломбированием спидометра. Надо отметить большое значение показателей спидометра для установления абонементной платы, нормального проведения ремонта автомобиля, для снабжения автохозяиства запасными де-

² См. Н. Г. Катаянц, Договор проката легковых автомобилей. «Ученые записки ВИЮН», 1963, № 17, стр. 137.

³ Такая обязанность прямо предусмотрена п. 11 Правил проката легковых автомобилей ЭССР.

⁴ См. Н. Г. Катаянц, Договор проката легковых автомобилей. «Ученые записки ВИЮН», 1963, № 17, стр. 133.

⁵ См. СП РСФСР, 1962 г. № 13, ст. 75.

талями. Вполне понятно, что показатели спидометра отражают действительный пробег автомобиля лишь тогда, когда он правильно рассчитывает повороты карданового вала. И, наоборот, он не может показывать действительного пробега автомобиля, если был выведен из строя как в результате умышленного срыва или порчи со стороны абонента, так и по другим причинам. Поэтому цель установления рассматриваемой ответственности заключается не только в том, чтобы устранить факты умышленного срыва или порчи спидометра со стороны абонента, а в том, чтобы устранить случаи пользования прокатным автомобилем с неисправным спидометром. Для достижения такой цели необходимо возлагать на абонента ответственность за то, что он пользуется автомобилем с неисправным спидометром, независимо от причин выхода спидометра из строя, так как он не выполняя принятой по договору обязанности обеспечить ремонт и новое опломбирование спидометра на ближайшей станции обслуживания или в автохозяйстве. Поэтому нужно признать правильным установление ответственности за пользование легковым автомобилем с неисправным спидометром или нарушенной пломбировкой спидометра, как это предусматривается «Едиными тарифами», и применить такую же редакцию в «Правилах» и в договоре проката легковых автомобилей.

«Правилами» и договором специально предусматривается ответственность абонента за поломку и утерю инструментов, которые были ему выданы вместе с автомобилем. В большинстве случаев «Правила проката» предусматривают ответственность в размере выше стоимости утерянных инструментов⁶, а, согласно «Правилам» некоторых союзных республик, ответственность устанавливается в размере, возмещающем лишь причиненный ущерб. Так, например, «Правила» ЭССР предусматривают, что в случае поломки или утери инструментов абонент обязан вернуть их автохозяйству согласно заводскому стандарту (п. 21 Правил и п. 4 Договора). В принципе с таким предписанием можно согласиться, но в практике возникают трудности в связи с тем, что абонент не всегда имеет возможность вернуть утерянные или поломанные инструменты ввиду их дефицитности. Для устранения задолженности абонента перед автохозяйством стороны должны в конечном счете пойти на денежное возмещение причиненного ущерба. Поэтому было бы целесообразно дополнить п. 21 «Правил» и п. 4 «Договора» ЭССР указанием на обязанность денежного возмещения в случаях, когда замена поломанных или утерянных инструментов окажется невозможной. Альтернативное построение «Правил» в этом вопросе обеспечит их выполнимость на практике. Поскольку, однако, некото-

⁶ См. например, О. А. Красавчиков и др. Договор имущественного найма в советском гражданском праве, Учебное пособие, Свердловск, 1963, стр. 67—68.

рые инструменты и другие предметы, выдаваемые абоненту вместе с автомобилем, являются дефицитными (например, шины), целесообразно установить денежное возмещение утерянных и поломанных инструментов и деталей в размере выше их стоимости (например, в полуторном размере), чтобы отдельные абоненты не были материально заинтересованы в их продаже или присвоении.

Кроме рассмотренных случаев ответственности абонента перед автохозяйством за нарушение конкретных принятых на себя по договору обязанностей, «Правила» предусматривают общую меру воздействия на неисправных абонентов. Так, например, п. 22 «Правил» ЭССР гласит, что в случае нарушения «Правил» абонент лишается права пользования автомобилем на условиях проката. Такая же формулировка имеется и в «Правилах» РСФСР и других союзных республик. Тем самым, кроме имущественных санкций, «Правила» устанавливают за их нарушение общее положение, в известной мере ограничивающее правоспособность абонента. Так как названная норма «Правил» имеет общий характер, возникает вопрос: за нарушение каких предписаний абонент лишается права пользования автомобилем в будущем и какой орган уполномочен лишать названного права абонента? Многочисленные обязанности абонента, установленные «Правилами» и договором, можно разделить на три группы: а) обязанности, обеспечивающие нормальное техническое пользование автомобилем, б) специальные прокатные обязанности; в) обязанности по соблюдению правил уличного движения.

Так как факты нарушения правил уличного движения рассматриваются лишь органами ГАИ и только последними нарушители штрафуются или, в зависимости от характера нарушения, лишаются шоферских прав дисквалификационной комиссией ГАИ, становится ясным, что никакие другие органы, кроме ГАИ, не могут ни обсуждать указанные нарушения, ни принимать решение об ограничении права пользования автомобилем. Если факт нарушения уличного движения оказался таким, что дисквалификационная комиссия ГАИ признает необходимым лишить шоферских прав абонента на определенное время, абонент автоматически теряет право получить автомобиль в пользование на условиях проката на соответствующий срок.

Обратимся теперь к обязанностям абонента по обеспечению нормального технического пользования и к его специальным прокатным обязанностям. Если в результате нарушения указанных обязанностей возникло повреждение или ухудшение частей или деталей автомобиля, то ясно, что виновный абонент должен нести ответственность за причиненный ущерб. Но п. 22 «Правил» Эстонской ССР и аналогичные пункты «Правил» других республик, устанавливая возможность лишения права абонента пользования автомобилем, несомненно, имеют в виду и случаи, когда

совершенные нарушения не привели к повреждениям автомобиля. В таких случаях также необходимо воздействовать на абонента, который недобросовестно относится к своим обязанностям. Однако вряд ли подобные нарушения обосновывают такое наказание абонента, как лишение его права пользования автомобилем на условиях проката. Такое наказание надо применять лишь в отношении злостных нарушителей действующих установлений.⁷

Неясным является вопрос о том, какой орган компетентен лишать абонента права пользования легковыми автомобилями на условиях проката при подобных нарушениях.

Как мы видели, факты нарушения правил уличного движения рассматривают органы ГАИ, которые в лице дисквалификационной комиссии решают вопрос и о лишении водительских прав. Выдвинутое в литературе предложение о том, чтобы решение по вопросам «автопрокатной» судьбы абонента принимались компетентным административным органом либо судом⁸, нельзя признать удачным. Такие вопросы надо решать проще, не перегружая административные или судебные органы. Правильно отмечается в литературе, что решение вопроса о возможности выдачи автомашин напрокат данному конкретному контрагенту не может быть предоставлено одной из сторон договора — автохозяйству.⁹ Но на практике в некоторых местах этот вопрос разрешен вполне удачно, а именно, вопросы о нарушениях обязанностей со стороны абонентов рассматриваются общественной комиссией, которая в своем решении лишает права абонентов-нарушителей пользоваться автомобилями на условиях проката. Представляется, что передача такого вопроса в ведение общественной комиссии, которая состоит из самых активных абонентов, среди которых имеются инженеры по профессии и т. д., целесообразна и оправдана. Она действует самостоятельно и является вполне способной защищать интересы как автохозяйства, так и абонентов.

2. Вопрос об ответственности за повреждение легкового автомобиля является главным вопросом в рассматриваемой области отношений. Во время пользования автомобилем на условиях проката ему могут быть причинены повреждения в результате аварии, происшествия, ненадлежащего технического ухода и др. Такие результаты, как авария, происшествие и выход автомобиля из строя, нередко возникают либо вследствие виновного поведения самого абонента, либо по вине третьих лиц, либо вследствие выдачи автомобиля напрокат в неисправном состоянии, т. е. по вине автобазы, либо наконец в силу случайных обстоятельств.

⁷ См. О. А. Красавчиков и др. Договор имущественного найма в советском гражданском праве. Учебное пособие. Свердловск, 1963, стр. 67.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 66.

В советской юридической литературе и в судебной практике нет общего мнения о том, должен ли всегда нести ответственность перед автохозяином за причиненный ему ущерб только абонент, или действительный причинитель ущерба, т. е. лицо, в результате виновного поведения которого был непосредственно причинен ущерб. Ясно лишь одно, что если ущерб был причинен виновным поведением абонента, он несет ответственность перед автохозяином. В литературе правильно отмечается некоторыми авторами, что абонент может нести ответственность перед автохозяином только за те убытки, которые причинены по его вине.¹⁰ Однако судебная практика и некоторые авторы распространяют ответственность абонента и на такие случаи причинения ущерба автохозяину, в которых отсутствует его вина. Так, например, М. Карташева указывает, что в случае повреждения автомашин по вине третьих лиц ответственность перед автохозяином несет абонент,¹¹ т. е., по ее мнению, ответственность абонента наступает независимо от его вины.

Как было указано выше, иногда авария, происшествие возникают вследствие того, что автомобили выдаются автохозяином в пользование с некоторыми дефектами и неисправностями. Д. Левенсон правильно отмечает, что если абоненту не были и не могли быть известны дефекты, недостатки автомашины, вследствие которых наступил вред, он подлежит освобождению от гражданской ответственности.¹² И в самом деле, если, например, авария происходит в результате того, что была плохо заклеена камера, или если в пути машина загорелась из-за плохого состояния электропроводки, то ясно, что автохозяин выдало автомобиль со скрытыми недостатками, и потому само должно нести вредные последствия. По такому пути в некоторых случаях идет и практика. Например, абонент Таммекинд получил из Тартуского автобусного и таксомоторного парка напрокат автомобиль, в моторе которого после проезда 230 км произошла авария. Комиссия, осмотрев аварийный мотор, отметила в аварийном акте № 126 от 31 июля 1963 г., что в результате большого износа мотора клапан впал в IV цилиндр, что и явилось причиной аварии, причем комиссия правильно решила отнести убытки за счет автохозяина. Однако довольно часто еще прокатные автохо-

¹⁰ См. например, Э. М. Тынисмяэ, Договор проката легковых автомобилей. «Вестник Ленинградского университета», серия экономики, философии и права. Вып. 4, № 23, 1962; его же: Договоры бытового обслуживания граждан по советскому гражданскому праву. Автореферат. Л. 1963, стр. 16; Левенсон. Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность», 1961, № 6, стр. 65; Н. Г. Катанян, Договор проката легковых автомобилей. «Ученые записки ВИЮН», выпуск 17, 1963, стр. 171, и др. авторы.

¹¹ См. М. Карташева, Некоторые правовые вопросы бытового проката. «Советская юстиция» 1962, № 4 стр. 12.

¹² См. Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность» 1961, № 6, стр. 65.

заявства неосновательно требуют от абонентов возмещения ущерба, который возник вследствие выдачи в пользование легковых автомобилей в явно неисправном состоянии, т. е. по вине самого автохозяйства. При этом надо отметить, что судебные органы такие иски иногда неправильно удовлетворяют. Так, например, абонент Ладва взял напрокат из Тартуского автобусного и таксомоторного парка легковой автомобиль «Москвич-407». Через два дня в пути случилась авария, в результате чего автомобиль перевернулся, и автохозяйству был причинен ущерб в сумме 300 руб. 54 коп. Как видно из акта автотехнической экспертизы, причиной аварии являлась поломка левой полуоси, которая имела до этого трещину. Несмотря на то, что, по мнению эксперта, высказанному на судебном заседании, бездефектная полуось в таких условиях не сломалась бы, автохозяйство обосновывало свое требование тем, что при выдаче автомобиля абоненту его исправность была засвидетельствована личной подписью абонента. Названный иск решением от 5 июня 1962 г. народного суда г. Тарту был удовлетворен в размере $\frac{1}{3}$ причиненного ущерба.¹³ Или, например, другое аналогичное дело, которое рассматривалось несколько раз судебными органами. Абонент Скацков получил 14 сентября 1962 г. в Таллинском парке легковых автомобилей напрокат автомашину «Москвич» 407 и в тот же день из-за внезапного разрыва автопокрышки во время движения произошла авария, в результате которой автомобиль перевернулся и был поврежден кузов. После этого абонент заплатил за ремонт автомобиля промкомбинату «Юхендус» 115 рублей. Абонент Скацков предъявил иск к Таллинскому парку легковых автомобилей, требуя от последнего возмещения расходов по ремонту автомобиля. При этом Скацков сослался на акт аварии, из которого видно, что на автомашину была поставлена дефектная автопокрышка с камерой меньшего размера, чем предусмотрено для «Москвича-407», и, таким образом, в разрыве боковины автопокрышки и камеры он себя виновным не считает. Учитывая эти моменты, народный суд Центрального района г. Таллина решением от 10 декабря 1962 г. иск Скацкова к автопарку удовлетворил, ссылаясь на ст. 403 ГК (имеется в виду ст. 403 ГК 1922 г. Э. П.). В кассационной жалобе ответчик указал, что автопарк не мог поставить камеру марки «М» старого выпуска, так как в автохозяйстве таких камер нет, а замена камеры возможна со стороны его клиентов. Верховный Суд ЭССР отменил решение народного суда и указал, что последний неправильно руководствовался ст. 403 ГК, так как иск вытекает из договора бытового проката и материальный закон применен неправильно. Данное дело было снова рассмотрено народным судом. Указав на то, что автомобиль перевернулся сразу после

¹³ См. Дело № 2—455 Нарсуда города Тарту за 1962 год.

разрыва покрышки (доказано свидетелями и актом ГАИ) и что авария могла быть вызвана разрывом баллона (заключение экспертов), тем более, что на покрышке ее обнаружены дефекты, которые могли явиться непосредственной причиной автоаварии, народный суд констатировал отсутствие вины истца в автоаварии и признал исковое требование обоснованным.

Но при определении размера возмещения суд учел, что авария произошла вследствие дефектов, которые могли быть обнаружены ответчиком лишь после прохождения автомашиной 8 тыс. км.¹⁴ и применил принцип смешанной материальной ответственности. Верховный суд ЭССР отметил и данное решение народного суда и, приняв дело к своему производству, в решении от 14 августа 1963 г. отметил, что иск Скацкова не подлежит удовлетворению, так как в соответствии с п. 3 договора проката, заключенного между сторонами, абонент обязан возместить весь ущерб, причиненный в результате аварии.¹⁵

Таким образом, было принято решение, по которому абонент был принужден нести материальную ответственность за вину автохозяства. Надо отметить также, что при рассмотрении указанных дел суды, установив, что при получении автомобиля абонент подтвердил своей подписью его исправность (хотя бы он на самом деле был в неисправном состоянии) или же заключил договор, по которому принял на себя ответственность независимо от вины, приходят к выводу о допустимости возложения безвиновной ответственности на абонента. Однако возложение ответственности на абонента за вину другого контрагента — автохозяства необоснованно. В самом деле, абонент, получив в пользование автомобиль, подтвердил подписью его исправность. Но автохозяство при выдаче автомобиля прямо отрицало наличие у него каких-либо дефектов, так как п. 1 подписываемого абонентом договора гласит, что автохозяство обязуется предоставить абоненту автомобиль в технически исправном состоянии и первым подписывает названный договор, и если после этого абонент в результате своей доверчивости, неопытности или невнимательности подписывает договор, то возлагать ответственность на абонента за вину автохозяства лишь по таким соображениям явно-несправедливо. Это послужило бы почвой для злоупотреблений некоторых работников автохозяства, которые передавали бы абонентам машины с дефектами, а затем за их счет покрывали свою нераспорядительность и бесхозяйственность или свои махинации.¹⁶ М. О. Рейхель отмечал в свое время, что надо возложить на наймодателя ответственность за существенные

¹⁴ Авторезина проверяется автохозяством у легковых автомобилей при ТО-2, т. е. после пробега 8000 км.

¹⁵ См. Дело № 2—279 Нарсуда Центрального района Таллина за 1963 год.

¹⁶ См. Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность» 1961, № 6, стр. 65.

недостатки сдаваемого в наем имущества в тех случаях, когда он знал или должен был знать о недостатках.¹⁷ Но, как мы видели, автохозяйство в рассматриваемых случаях прямо отрицает наличие каких-либо дефектов, а потому тем более должно нести ответственность.

Если автохозяйство передало абоненту автомобиль с дефектами, то во всяком случае оно исполнило принятое на себя обязательство перед абонентом ненадлежащим образом и обязано нести все последствия, связанные с ненадлежащим исполнением своего обязательства.

Во время пользования автомобилем на условиях проката могут быть причинены повреждения в результате виновного поведения третьих лиц, причем вина абонента в этом полностью отсутствует. Ущерб прокатному хозяйству причиняется третьими лицами при двоякого рода обстоятельствах: во-первых, когда абонент сам пользуется автомобилем и третьи лица причиняют автомобилю повреждения вследствие нарушения правил уличного движения или другими неправомерными действиями и, во-вторых, когда автомобилем, сданным абоненту напрокат, пользуются непосредственно третьи лица. При этом нужно отграничить для решения вопроса об ответственности перед автохозяйством случаи, когда автомобиль вышел из владения абонента по его воле, от тех случаев, когда автомобиль вышел помимо его воли.

Как разрешается судебными органами вопрос об ответственности перед автохозяйством за повреждение автомобиля, причиненное третьими лицами, в случаях, если машиной пользовался в момент повреждения сам абонент? Например, народный суд Морского района г. Таллина удовлетворил иск Таллинского парка легковых автомобилей к абоненту Вяли о взыскании с него стоимости автомобиля «Москвич-407», который был приведен в полную негодность. Обстоятельства аварии заключались в том, что автобус, принадлежащий Ленинградскому автобусному парку № 1, для предотвращения столкновения с конной повозкой, управляемой гр. Уукиви, тормоза, выехал на левую часть шоссе и наехал на прокатный автомобиль. ГСК Верховного Суда ЭССР, имея в виду отсутствие вины в поведении абонента Вяли, отменила решение народного суда и взыскала в пользу автохозяйства причиненный ущерб непосредственно с виновных, т. е. с гр. Уукиви и Ленинградского автобусного парка № 1.¹⁸

Но иногда по аналогичным делам принимаются иные решения. Так, например, автобазой легковых автомобилей № 12 предъявлен иск к абоненту Г. о взыскании 1338 руб., затраченных на ремонт автомашины. При рассмотрении дела было уста-

¹⁷ См. М. О. Рейхель, О взаимопомощи и добросовестности в гражданском праве. «Советское государство и право» 1948, № 10, стр. 65.

¹⁸ См. Дело № 2—909 Нарсуда Морского района Таллина за 1962 г.

новлено, что абонент Г, следуя на автомобиле, для предотвращения столкновения с повозкой, управляемой гр. Н., затормозил машину, но так как асфальт был мокрым, машина перевернулась и получила повреждения. Суд взыскал ущерб в пользу автохозяйства с гр. Н., указав в решении, что по вине последнего была создана аварийная обстановка. Однако Московский городской суд отменил решение и указал, что ответчик Г. получил машину по договору проката и дал обязательство, которым взял на себя полную материальную ответственность за порчу предмета проката, поэтому суд неосновательно освободил его от этой ответственности перед ателье проката, возложив ее на третье лицо.¹⁹

При разрешении дел о взыскании стоимости ремонта поврежденных машин в практике судов наблюдаются разногласия. В некоторых случаях суды учитывают отсутствие вины абонента, в других нет.

Как мы отметили, ущерб может быть причинен со стороны третьих лиц и при других обстоятельствах, а именно, когда они непосредственно управляют прокатным автомобилем. Вопрос об ответственности перед автохозяйством за причиненный ущерб достаточно ясен, если прокатный автомобиль вышел из владения абонента по его воле. Правила и договор прямо запрещают абоненту передавать управление автомобилем другому лицу²⁰, и если, несмотря на запрещение, абонент все-таки передал автомобиль другому лицу, то в этом заключается уже вина абонента и он сам должен нести ответственность перед автохозяйством за любые вредные последствия, которые вызваны поведением третьего лица.

По-иному, однако, надо решать вопрос об ответственности абонента перед автохозяйством, когда автомобиль вышел из его владения помимо его воли, т. е. если отсутствует его вина. Можно привести пример из судебной практики, который указывает, что судебные органы учитывают отсутствие вины в поведении абонента в таких случаях. Так, например, Таллинским парком легковых автомобилей был предъявлен иск к абоненту Кокла о взыскании за расходы на ремонт автомобиля, полученного абонентом от автопарка в пользование. Из материалов судебного дела видно, что абонент Кокла, получив от автохозяйства напрокат автомобиль «Москвич-423» 2 ноября 1961 г., поставил автомобиль у своего местожительства на дворе, закрыл ключом двери автомобиля и ворота двора. Однако в ночь на 3 ноября, когда абонент находился на работе, гр-не Вундер и Пыдер взломали двери и угнали названный автомобиль для совершения ими намеренного

¹⁹ Пример из работы М. Карташева, Некоторые правовые вопросы бытового проката.

²⁰ Такое запрещение, например, предусматривают п. 20 «б» Правил и п. 2 «б» договора пользования легковыми автомобилями в условиях проката Эстонской ССР.

преступления. После совершения преступления произошла авария, в результате чего возник ущерб для автохозяйства в сумме 730 рублей. Народный суд, правильно учтя в решении, что со стороны абонента Кокла были приняты все зависящие от него меры для сохранения автомобиля и он не мог предотвратить возникновения причиненного ущерба, отказал в удовлетворении предъявленного к нему автохозяйством иска и указал, что ущерб должны возместить виновные в этом Вундер и Пыдер.²¹

При установлении вины абонента в случае выхода автомобиля из его владения возникает вопрос о том, какие меры должны быть им приняты для обеспечения сохранности автомобиля. Этот вопрос надо всегда решать, исходя из конкретных обстоятельств. Но представляется неправильным требовать от абонента, кроме обычных (закрывание дверей автомобиля ключом, оставление автомобиля на дворе), еще каких-либо дополнительных мер (особые замки и т. д.).

М. Карташева поддерживает практику, по которой ответственность абонента наступает в тех случаях, когда ущерб прокатному хозяйству был причинен виновным поведением третьих лиц.²² Но Н. Г. Катанян возражает против такого порядка и правильно отмечает, что это создает значительные затруднения для абонентов и ухудшает их положение по сравнению с общими условиями ответственности по советскому гражданскому праву, которая, по общему правилу, наступает лишь при наличии вины.²³

Во всех вышеуказанных случаях повреждения предметов проката были причинены виновным поведением абонента, автохозяйства или третьих лиц. Но автомобиль может быть поврежден и при отсутствии чьей-либо вины. В связи с этим возникает вопрос, кто должен нести ущерб в таких случаях? В литературе большинство авторов правильно отмечают, что если вред возник в результате случайных причин, ущерб должно нести автохозяйство, выдавшее легковой автомобиль напрокат.²⁴ Однако в судебной практике встречаются и решения, по которым случайно причиненный ущерб возлагался на абонента. Так, например, абонент Ладеберг предъявил иск к Таллинскому парку легковых автомобилей о взыскании с последнего 220 рублей, так как он

²¹ См. Дело № 2—1773 Нарсуда Центрального района Таллина за 1962 год.

²² См. М. Карташева, Некоторые правовые вопросы бытового проката. «Советская юстиция», 1962, № 4, стр. 12.

²³ См. Н. Г. Катанян, Договор проката легковых автомобилей. «Ученые записки ВЮЮН», выпуск 17, 1963, стр. 141.

²⁴ См. Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей. «Советская юстиция», 1961, № 6, стр. 65; В. Рахмилович, О страховании гражданской ответственности. «Советская юстиция», 1962, № 4, стр. 21; Э. Д. Соколова, Правовое регулирование бытового проката. Автореферат канд. дисс. М. 1963, стр. 12; ее же: Об ответственности граждан, взявших легковой автомобиль напрокат. Вестник Московского университета. Серия X. Право. 1962, № 3, стр. 56 и др. авторы.

отремонтировал автомобиль после случайно причиненного повреждения. Из материалов дела видно, что абонент Ладеберг 27 октября 1962 г. ехал на автомобиле «Москвич-423» из Пылтсама в Таллин. На Таллинском шоссе внезапно из леса выбежал лось и попал на капот легкового автомобиля. До полной остановки автомобиля (36 метров от пункта, где лось прыгнул на автомобиль) лось разбил переднее стекло автомобиля и передние двери, а также повредил капот автомобиля. Из аварийного акта, составленного работниками ГАИ, и из постановления об отказе от возбуждения уголовного дела выясняется, что абонент выполнял все правила уличного движения, что он не мог предвидеть данное происшествие и не имел никакой возможности для предотвращения случившегося. Но народный суд отказался от удовлетворения иска абонента и отметил, что, поскольку автомобиль был в пользовании абонента на основе договора проката и повреждения были причинены автомобилю во время пользования, расходы по ремонту должны быть возложены на абонента Ладеберга.²⁵ Известно, однако, что в отношениях по договору имущественного найма риск случайной гибели предмета найма всегда несет его собственник, а не наниматель. Нет никаких оснований возлагать такой риск на абонента и в отношениях по договору бытового проката, который представляет собой новую, прогрессивную форму обслуживания населения. Нужно также отметить, что на практике повреждения автомобилей по случайным обстоятельствам встречаются настолько редко, что автохозяйства не понесут существенного материального ущерба при применении к этим отношениям общих правил советского гражданского законодательства. А если, кроме того, будет введено страхование прокатных автомобилей, как настойчиво предлагается в теории, то случайно причиненный ущерб всегда будет возмещен автохозяйству.

Во всех рассмотренных случаях, когда ответственность за повреждение автомобиля, вызванное по вине автохозяйства, по вине третьих лиц и случайными обстоятельствами, была неосновательно возложена на абонента, судебные органы ссылались на то, что между автохозяйством и абонентом существуют договорные отношения, а потому абонент обязан возместить ущерб, если автомобиль получил повреждение во время пользования им. Как надо относиться к такому обоснованию судебных решений? Следует отметить, что возложение на абонента ответственности независимо от вины действительно не противоречит закону. Абонент принимает на себя такую ответственность по договору проката, а ст. 37 Основ допускает установление ответственности независимо от вины по договору. И если судебные органы удовлетворяют подобные иски и взыскивают с абонентов в пользу ав-

²⁵ См. Дело № 2—258 Нарсуда Центрального района Таллина за 1963 год.

тохозяйства причиненный не по их вине ущерб, то такие решения являются вполне соответствующими закону. Однако возникает вопрос, является ли правильным установление ответственности абонента в такой мере в Правилах проката? В литературе справедливо отмечается, что автохозяйства очень широко формулируют ответственность абонента.²⁶ В самом деле, согласно Правилам, абонент несет ответственность за все возможные случаи причинения ущерба, в том числе и за вину самого автохозяйства. Допускаемое законом установление по договору ответственности независимо от вины для прокатных отношений едва ли приемлемо, ибо тем самым гражданине, прибегающие к пользованию автомобилями из общественного фонда, попадают в гораздо худшее положение по сравнению с общими условиями гражданской ответственности. Обязуясь нести полную материальную ответственность за сохранность автомобиля, взятого напрокат, абонент старательно относится к выполнению своих обязанностей. Но ответственность без вины снижает чувство ответственности за свои поступки и уменьшает стимул для надлежащего исполнения обязательства. Несмотря на то, что уже несколько лет назад предлагалось отменить ответственность абонента за вину третьих лиц и за случайные повреждения, в Правилах проката продолжает сохраняться прежний порядок. Объясняется это, по-видимому, тем, что такой порядок выгоден автохозяйствам, которые могут требовать возмещения ущерба, причиненного третьими лицами, как от них, так и от абонента, отвечающих к тому же за случай и за собственную вину автохозяйства. Но такие условия не соответствуют интересам граждан и самой идее проката, как прогрессивной форме обслуживания населения.

По изложенным соображениям представляется целесообразным в типовых договорах, в соответствии с общими условиями гражданской ответственности, указать, что абонент отвечает за сохранность автомобиля при наличии его вины.

Выше, рассматривая ответственность абонента перед автохозяйством за утерю и поломку инструментов, за просрочку возврата автомобиля и за срыв троса и пломбы спидометра, мы убедились, что установленная ответственность абонента в таких случаях имеет штрафной характер. Напротив, предусмотренная «Правилами» ответственность за повреждение автомобиля имеет в виду лишь возмещение причиненного ущерба. Так, например, «Правила» Эстонской ССР определяют, что за повреждение автомобиля и автошин с абонента взыскивается стоимость причиненного ущерба (п. 21 Правил); по «Правилам» РСФСР абонент возмещает автохозяйству стоимость причиненного ущерба (п. 9). Но автохозяйства не удовлетворяются получением только

²⁶ См. Д. Левенсон. Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность» 1961, № 6, стр. 65. Н. Г. Катанян. Договор проката легковых автомобилей, «Ученые записки ВИЮН», выпуск 17, 1963, стр. 141.

возмещения расходов, произведенных для ремонта автомобиля, а требуют, кроме этого, прокатную оплату за время, в течение которого автомобиль находился в ремонте. Это значит, что от абонента, кроме положительного ущерба, взыскиваются еще и неполученные автохозяином доходы, которые он получил бы, если бы автомобиль не нуждался в ремонте. Однако взыскание с абонента прокатной оплаты за время, когда автомобиль находился в ремонте, породило определенные трудности в судебной практике. Часто выясняется, что автомобиль находился в ремонте длительное время по вине самого автохозяина, или что во время его ремонта в гараже автохозяина имелись другие исправные автомобили, на которые не было спроса, а, тем не менее, автохозяин требует от абонентов за время ремонта уплаты прокатных сумм. Поэтому судебная практика пришла к общему мнению о том, что с абонента должны взыскиваться прокатная плата лишь за время, необходимое для исправления конкретных дефектов автомобиля, соответственно калькуляциям. Так, например, абонент Корк возвратил в установленный срок, 27 июня 1961 г., автомобиль Таллинскому парку легковых автомобилей, но в поврежденном виде. Так как автохозяин отказался принять автомобиль в неисправном виде, абонент оставил его на дворе автохозяина и согласился уплатить прокатную оплату за 12 дней, нужных для ремонта автомобиля. Через 7 месяцев автохозяин обратилось в суд и потребовало взыскать с абонента прокатную оплату за 52 дня, в продолжение которых автомобиль стоял в ожидании ремонта и находился в ремонте. Этот иск был народным судом удовлетворен в полном объеме, однако решение было отменено Верховным Судом ЭССР. При этом Верховный Суд указал, что иск подлежит удовлетворению частично, а именно — за 12 дней, которые действительно являлись необходимыми для отремонтирования автомобиля.²⁷ Несомненно, что только такое решение может быть признано правильным. Абонент не должен нести ответственность за плохую организацию работы автохозяина, в результате чего автомобиль стоял в неисправном виде в ожидании ремонта в течении 40 суток на территории автохозяина. Но в некоторых случаях аварией автомобилю причиняются такие существенные повреждения, в результате которых он для ремонта оказывается негодным. При таких обстоятельствах автомобиль списывается и виновный (по действующему порядку — абонент) должен уплатить автохозяину стоимость автомобиля. При этом возникает вопрос о том, какие цены следует применять, — оптовые или розничные, так как автохозяин получают автомобиль по оптовым ценам и поэтому балансовая стоимость автомобиля значительно меньше его розничной цены. В судебной практике взы-

²⁷ См. Дело № 2—115 Нарсуда Морского района гор. Таллина за 1962 г.

скание производится по балансовой стоимости. Так, например, автохозяином был предъявлен иск к абоненту Ш. о возмещении вреда, причем расчет убытков основывался на розничной цене автомашины. Народный суд Краснопресненского района удовлетворил иск частично, считая, что сумма его должна основываться на балансовой стоимости машины. Московский городской суд оставил решение в силе.²⁸

Д. Левенсон полагает, что надо исходить из розничной цены, поскольку окончательным носителем имущественной ответственности во всех случаях является физическое лицо.²⁹ Э. М. Тынисмяэ, возражая Д. Левенсону, пишет, что для взыскания с абонента стоимости автомобиля, исходя из розничной цены, оснований нет, ибо розничная цена установлена государством на случай перехода права собственности от государства к гражданину. Но так как собственником прокатного автомобиля всегда остается государство, поэтому, полагает Э. М. Тынисмяэ, и убытки подлежат возмещению, исходя из действительной (т. е. балансовой) стоимости автомобиля.³⁰ Представляется, что действительно надо исходить из оптовых цен, т. е. балансовой стоимости автомобиля, но не потому, что собственником прокатного автомобиля всегда остается государство, как отмечает Э. М. Тынисмяэ, а потому, что цель данного вида ответственности заключается в том, чтобы обеспечить возмещение причиненного реального убытка. А так как автомобиль значился на балансе автохозяином по оптовым ценам, его списание с баланса в результате его гибели причинило автохозяину убыток, равный оптовой цене, и уплата автохозяину оптовой цены автомобиля возмещает причиненный ущерб в полном объеме. Принятие же за основу розничной цены приводило бы к тому, что возмещение превысило бы убытки, и, таким образом, происходило бы неосновательное обогащение автохозяина.³¹

3. Ответственность абонента в «Правилах» и в договоре пользования легковыми автомобилями на условиях проката сконструирована, как мы видели, очень широко. В то же время второй контрагент по действующим «Правилам» не несет перед абонентом никакой ответственности. Выше нами было поддержано предложение освободить абонента от ответственности за повреждение автомобиля, если такие последствия возникли в результате технической неисправности автомобиля, т. е. по вине автохозяина. Но и такой порядок не гарантирует еще полной

²⁸ См. Д. Левенсон, Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность» 1961, № 6, стр. 64.

²⁹ Там же.

³⁰ Э. М. Тынисмяэ, Договоры бытового обслуживания граждан по советскому гражданскому праву. Автореферат канд. дисс. Л. 1963, стр. 17.

³¹ См. Н. Г. Катанян, Договор проката легковых автомобилей, «Ученые записки ВИЮН», выпуск 17, 1963, стр. 143.

охраны всех интересов и права абонента как гражданина советского общества. Выдача абоненту автомобиля в неисправном состоянии может причинить, кроме повреждения автомобиля, более серьезные последствия. Мы имеем в виду возможность причинения смерти или увечья здоровью абонента. Если, например, прокатному автомобилю были причинены повреждения, а абоненту — повреждение здоровья или смерть по вине третьих лиц, то они отвечают перед автохозяйством за повреждение автомобиля и перед абонентом или его иждивенцами в общем порядке за причинение вреда или смерти, т. е. гарантируются все права гражданина и его иждивенцев и др.

Однако, если такие же последствия были причинены по вине автохозяйства, то ответственность за повреждение здоровья или смерти абонента ни автохозяйство, ни кто-либо другой не несет. Более того, в таких случаях автохозяйство требует от абонента возмещения ущерба за повреждение автомобиля, так как абонент взял на себя обязанность вернуть автомобиль в исправном состоянии. Ясно, что такой порядок не соответствует принципам советского права и морали нашего общества. Поэтому нужно его отменить и в Правилах пользования легковыми автомобилями на условиях проката предусмотреть, что автохозяйство возмещает вред, причиненный абоненту по вине автохозяйства. Только тогда можно будет сказать, что прокат действительно построен на началах, соответствующих его целям полезной и надежной формы обеспечения потребностей населения в предметах проката.

4. Важным вопросом в общей проблеме ответственности за вред, причиненный прокатным автомобилям, является вопрос о том, кто отвечает перед третьими лицами за причиненный вред — абонент или автохозяйство. Согласно Основам (ст. 90), а также гражданскому законодательству союзных республик (ст. 454 ГК РСФСР и ст. 458 ГК Эстонской ССР), ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, несет его владелец. Такое же мнение отстаивается и в литературе.³²

При прокатных отношениях возникает вопрос о том, кого надо считать владельцем прокатного автомобиля — автохозяйство, которое передало автомобиль в пользование, или абонента, получившего его в пользование. Правильное решение данного вопроса имеет очень важное значение, так как от этого полностью зависит определение субъекта, несущего ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Вопрос же о том, кого считать владельцем прокатного автомобиля, выданного абоненту в пользование, не получил единого разрешения в литературе. Так, некоторые авторы утверждают, что при передаче маши-

³² См. Б. С. Антимонов, Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Госюриздат, 1952, стр. 243—247.

ны напрокат переносится с владение.³³ Против такого мнения выступил В. Рахмилович, который пишет, что ответственность должна лежать на автопредприятии, в ведении которого находится машина и которое обязано осуществлять за ней технический и иной надзор, а потому обязано принимать все возможные и изыскивать новые меры повышения безаварийности.³⁴ Несомненно имеется разница между владением по смыслу ст. 454 ГК РСФСР и владением автомобилем по договору проката, причем последнее по своему содержанию оказывается несколько уже, как правильно отмечает Э. Д. Соколова.³⁵ Поэтому владение по договору проката не охватывает и всех обязанностей владельца по повышению безопасности пользования источником повышенной опасности. Но меры, которые нужно принимать для обеспечения безопасности эксплуатации автомобиля, должны осуществляться в момент его выдачи автохозяйством, а в ходе пользования автомобилем — абонентом, т. е. лицом, во владении которого автомобиль находится. Практически автохозяйство лишено возможности осуществлять за автомобилем технический и иной надзор в течение довольно продолжительного времени, пока он находится в пользовании и во владении абонента. Такие обязанности полностью переносятся на абонента и не лежат на автохозяйстве, как ошибочно полагает В. Рахмилович. Возложение ответственности на абонента, как на нанимателя, за вред, причиненный третьими лицами, в связи с владением источником повышенной опасности, который принадлежит другому лицу, аналогично тому, что наниматель, не являющийся собственником, согласно ст. 29 Основ и ст. 157 ГК РСФСР, наделяется такими же средствами защиты владения, как и собственник.

Интересное решение вопроса об ответственности за вред, причиненный третьим лицам, предлагает О. А. Красавчиков, который считает необходимым ввести солидарную ответственность обоих контрагентов в случаях невинного причинения вреда третьим лицам, а в случае причинения вреда третьим лицам вследствие технической неисправности автомашины обязанность возмещения вреда должна быть возложена на ту из сторон договора, по

³³ См. Б. С. Антимонов, там же, стр. 272; Г. Добровольский, Новое в судебной практике о возмещении вреда. «Социалистическая законность», 1960, № 8, стр. 59; Д. Левенсон. Договор проката легковых автомобилей. «Социалистическая законность» 1961, № 6, стр. 65; Н. Г. Катанян. Договор проката легковых автомобилей. «Ученые записки ВЮОН», 1963, № 17, стр. 146—147; Э. Д. Соколова. Об ответственности граждан, взявших легковой автомобиль напрокат. «Вестник МГУ», серия X. Право. 1962, № 3, стр. 56—57; Э. М. Тынисмяэ. Договор проката легковых автомобилей. «Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права. Вып. 4, 1962, № 23, стр. 110.

³⁴ См. В. Рахмилович. О страховании гражданской ответственности. «Советская юстиция» 1962, № 4, стр. 22.

³⁵ См. Э. Д. Соколова. Об ответственности граждан, взявших легковой автомобиль напрокат. «Вестник МГУ». Серия X. Право, 1962, № 3, стр. 57.

вине которой такая неисправность произошла.³⁶ Эта точка зрения исходит, следовательно, из разного построения ответственности перед третьими лицами в зависимости от наличия или отсутствия вины договорного контрагента. Но она противоречит ст. 90 Основ, которая строится по одному и тому же принципу в отношениях с потерпевшим независимо от наличия или отсутствия вины.

Ошибочно указывают на момент вины при регулировании ответственности за причиненные увечья и другие последствия Правила пользования легковыми автомобилями на условиях проката. Так, п. 23 Правил Эстонской ССР устанавливает, что абонент несет полную материальную и уголовную ответственность за увечье и другие последствия, вызванные по его вине. Из этого можно сделать лишь один вывод, что по Правилам как будто при отсутствии вины абонента (в случае небрежности пострадавшего или случайного причинения вреда) за вред должен отвечать не абонент, а автохозяйство. Но такой вывод находится уже в противоречии со ст. 90 Основ, которая устанавливает ответственность владельца источника повышенной опасности независимо от его вины. Поэтому в Правилах и в будущем в типовом договоре вопрос об ответственности перед третьими лицами должен быть решен без указания на вину, т. е. одинаково как для случаев виновного поведения абонента, так и для случаев невиновного причинения вреда, как правильно предлагает Э. М. Тынисмяэ.³⁷

Однако это не означает, что в случае причинения вреда третьим лицам прокатным автомобилем автохозяйство никогда и ни перед кем ответственности не несет. Мы полностью поддерживаем точку зрения Э. Д. Соколовой и др.³⁸ авторов, согласно которой автохозяйство должно нести ответственность тогда, когда вредный результат наступил по вине автохозяйства. Вина автохозяйства может заключаться при этом в выдаче автомобиля в технически неисправном состоянии, в преждевременном износе отдельных частей и агрегатов и т. д. Но и в таких случаях автохозяйство отвечает лишь перед абонентом в порядке регресса, а не перед потерпевшим, т. е. перед третьими лицами непосредственно, как думает А. Д. Соколова, или солидарно с владельцем, т. е. абонентом, как полагает Э. М. Тынисмяэ.³⁹ Абонент, как при-

³⁶ См. О. А. Красавчиков, Договор проката легковых автомашин. «Советское государство и право» 1962. № 11, стр. 77.

³⁷ См. Э. М. Тынисмяэ, Договор проката легковых автомобилей. «Вестник ЛГУ». Серия экономики, философии и права. Выпуск 4, № 23, 1963, стр. 111.

³⁸ См. Э. Д. Соколова, Об ответственности граждан, взявших легкой автомобиль напрокат. «Вестник МГУ». Серия X. Право. 1962. № 3, стр. 57; Э. М. Тынисмяэ, Договор проката легковых автомобилей. «Вестник ЛГУ». Серия экономики, философии и права. Выпуск 4, № 23, 1962, стр. 111.

³⁹ Э. М. Тынисмяэ, Договор проката легковых автомобилей. «Вестник ЛГУ». Серия экономики, философии и права. Выпуск 4, № 23, 1962, стр. 111.

чинитель вреда источником повышенной опасности, должен отвечать перед потерпевшим сам, и если выясняется, что такой вредный результат наступил по вине автохозяинства, он может требовать от автохозяинства возмещения ущерба, который у него возник в результате ответственности перед третьими лицами.

Вред третьим лицам может быть причинен самим абонентом, а в некоторых случаях и посторонним лицом. Вопрос об ответственности перед третьими лицами надо решать, исходя из того, при каких обстоятельствах автомобиль вышел из владения абонента — помимо его воли или по его воле, и были ли приняты со стороны абонента необходимые меры для обеспечения сохранности автомобиля в его владении.

Представляется правильным возложение ответственности на абонента, если автомобиль был им выдан посторонним лицам или им не были приняты необходимые и возможные меры для сохранения автомобиля. Если же автомобиль вышел из владения абонента помимо его воли, ответственность должны нести перед потерпевшими лица, которые причинили увечье или вызвали другие вредные последствия эксплуатацией автомобиля.

VASTUTUS SÕIDUAUTODE ELUKONDLIKU ÜÜRIMISE LEPINGU JÄRGI

Vanemõpetaja E. Ploom

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Resümee

Sõiduautode üürilepinguga elukondliku üürimise eeskirjad kehtestavad real juhtudel abonendi vastutuse, kui ta rikub endale võetud kohustusi. Nii vastutab abonent automajandi ees üüritud sõiduauto mitteõigeaegse tagastamise eest, sõiduautoga kaasaantud instrumentide mittetagastamise eest, auto rikkumise eest jne.

Artiklis analüüsitakse erinevates normatiivsetes aktides erinevalt sõnastatud abonendi vastutust spidomeetri rikkumise eest ja soovitatakse sellel juhul kasutada kõigis elukondliku üürimise dokumentides Vene NFSV-s kehtivate «Ühtsetes tariifides» esinevat redaktsiooni, s. o. abonent vastutab rikutud spidomeetriga või rikutud spidomeetri plommiga sõiduauto kasutamise eest, kuna antud vastutuse kehtestamise eesmärgiks on rikutud spidomeetriga autode kasutamise likvideerimine.

Vastutus sõiduauto rikkumise eest on kõige olulisemaks küsimuseks teiste vastutuse panemise juhtude hulgas. Artiklis lähtu-

takse asjaolust, et auto rikkumine avarii või liiklusõnnetuse tagajärjel võib toimuda kas abonendi, automajandi või kolmandate isikute süülise käitumise tagajärjel, või ilma nende süüta, s. o. juhuslike asjaolude tõttu. Analüüsides konkreetseid asju kohtupraktikas ja seisukohti kirjanduses, tullakse järeldusele, et abonendile tehniliselt mittekorrasoleva auto üleandmisega rikub automajand endale võetud lepingulisi kohustusi ja kui seetõttu rikutakse auto, peab ka automajand vastutama saabunud kahjulike tagajärgede eest.

Kolmandate isikute käitumisega võidakse tekitada kahju kahel viisil: 1) kolmandad isikud võivad üüritud sõiduauto kasutamise ajal abonendi poolt rikkuda liikluseeskirju või panna toime muid õigusvastaseid tegusid, mille tagajärjeks on selle sõiduauto rikkumine, ja 2) kolmandad isikud võivad abonendi poolt üüritud sõiduauto rikkuda ka selle auto vahetu kasutamise ajal nende endi poolt. Tekitatud kahju eest vastutuse panekul puudub esimesel juhul kohtupraktikas ühtsus. Tihti pannakse kahjud alusetult abonendi kanda. Ainult mõnedel juhtudel lähtutakse õigesti abonendi süü puudumisest ja tekitatud kahju nõutakse sisse vahetult kolmandatelt isikutelt kui kahju tekitajatelt. Teisel juhul, kui üüritud sõiduauto kasutab vahetult kolmas isik, lahendatakse vastutuse küsimus sõltuvalt sellest, kas auto väljus abonendi valdusest tema tahte kohaselt või tahte vastaselt. Esimesel juhul vastutab abonent, teisel juhul aga kolmas isik.

Artiklis põhjendatakse vajadust jätta kahjulikud tagajärjed automajandi kanda, kui sõiduauto purunes juhuslike asjaolude tõttu.

Lähtudes ülaltoodud seisukohtadest, tehakse artiklis ettepanek elukondliku üürimise lepingus konstateerida, et abonent vastutab auto säilivuse eest ainult siis, kui ta on auto rikkumises süüdi.

Artiklis toetatakse seisukohta, mille kohaselt üüritud auto valdajaks Eesti TsK § 458 mõttes tuleb lugeda abonent.

Tähtsaks osutub ka üüritud auto kasutamisel abonendile tekkinud kahju hüvitamise küsimus. Kui kahju tekitas abonendile kolmas isik, siis mõistetakse hüvis välja kahju tekitajalt, s. o. kolmandalt isikult. Analoogiliselt sellele tuleb hüvis välja mõista ka automajandilt, kui viimase süü tõttu tekkis avarii, mille tagajärjel tekitati kahju abonendile.

СИСТЕМА СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОЛХОЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Канд. юрид. наук В. П. Кельдер

Кафедра гражданского права и процесса

1. Понятие охраны колхозной собственности

Система средств охраны колхозной собственности состоит из совокупности правовых и неправовых средств, направленных на хранение и целеустремленное использование всех материальных ценностей. Характерным является обстоятельство, что средства охраны колхозной собственности направлены на хранение и на целеустремленное использование уже созданных в процессе производства материальных ценностей. Этим отличаются различные средства охраны колхозной собственности от других, предпринимаемых в процессе колхозного производства организационных и правовых приемов, направленных на создание материальных ценностей.

По своему характеру все средства охраны колхозной собственности можно делить на правовые и неправовые.

В литературе к правовой охране собственности в широком смысле отнесены все правовые институты, регулирующие социалистическую систему хозяйства.¹

Однако перед советским правом стоит не только его общая задача — охрана и укрепление общественных отношений вообще, но и ряд более конкретных задач или в области различных экономических отношений, или же в рамках одной группы общественных отношений. Цели и задачи, стоящие перед правовыми нормами, являются основой дифференциации правовых норм.

Наиболее полно функцию правовой охраны собственности выполняет институт права собственности, охватывающий также

¹ А. В. Венедиктов, Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Изд. АН СССР, М.-Л. 1954, стр. 41; Я. Я. Страутманис, Гражданско-правовая охрана колхозной собственности, изд. АН Латвийской ССР, Рига 1961, стр. 35; Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат 1961, стр. 166.

нормы по охране собственности. Однако цели и задачи института права собственности значительно шире, чем только правовая охрана собственности. Кроме того, не все нормы, непосредственной задачей которых является охрана собственности, объединяются в институт права собственности. Правовые нормы, непосредственной целью которых является охрана собственности, встречаются и в других институтах гражданского права, а также в уголовном, административном, земельном, колхозном, финансовом праве. Объединяющим признаком норм, непосредственной целью которых является правовая охрана собственности, является государственное принуждение в какой-либо форме за нарушение правовых предписаний, в том числе и тех, которые не предусматривают правовых последствий в форме государственного принуждения, ибо нормы права могут охраняться при помощи какой-либо другой нормы в целом, в том числе и при помощи ее санкции.² В свете сказанного мы не можем согласиться с Я. Я. Страутманисом, понимающим правовую охрану колхозной собственности в узком специальном смысле этого термина только как совокупность правовых норм, которые предусматривают санкции к нарушителям права колхозной собственности.^{2а} В окончательном расчете Я. Я. Страутманис прав только потому, что он не различает юридических санкций от иных форм государственного принуждения и относит к юридическим санкциям принудительное осуществление права, меры охранительного характера и другие меры государственного принуждения. При таком понимании юридических санкций (с которым согласиться нельзя) более правильно было бы говорить о правовой охране колхозной собственности как о совокупности правовых норм, предусматривающих меры государственного принуждения к нарушителям права колхозной собственности, а не только юридические санкции. Если же под санкциями понимать только один специальный вид государственного принуждения, то система правовых средств охраны колхозной собственности не исчерпывается только юридическими санкциями, предусмотренными правом.

Объединяющим признаком правовых средств охраны социалистической собственности вообще, в том числе и колхозной, на наш взгляд, являются все принудительные последствия, предусмотренные правовыми нормами за нарушение правовых предписаний. Не все нормы права, регулирующие отношения собственности, указывают на специальные правовые последствия, следующие за нарушением правовых предписаний. Нормы права, устанавливающие правовой режим колхозной собственности, т. е.

^{2а} Я. Я. Страутманис, Гражданско-правовая охрана колхозной собственности, Изд. АН Латвийской ССР, Рига 1961, стр. 34.

² О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат, 1961, стр. 158.

порядок владения и пользования и порядок распоряжения ею, не всегда указывают на те последствия, которые следуют за нарушениями правовых предписаний. Только в специальных нормах права содержатся те последствия, которые следуют за тем или иным нарушением правовых предписаний. Правовые последствия в норме права выражены в той или иной форме государственного принуждения и применяются в принудительном порядке.

Второй объединяющий признак мер правовой охраны колхозной собственности относится к тем предписаниям, за нарушение которых применяются меры государственного принуждения. Различные формы государственного принуждения, в том числе и юридические санкции, предусматриваются за любые правонарушения и далеко не все они входят в понятие правовой охраны собственности.

Охранительное правоотношение всегда возникает только в результате совершения действий, противоречащих требованиям юридической нормы.³ Норма права же в свою очередь устанавливает определенные субъективные права и обязанности. Таким образом, нарушенными оказываются установленные нормой права субъективные права и обязанности. Объективное право, предоставляя лицам определенные субъективные права или устанавливая соответствующие обязанности, предоставляет их субъектам только в рамках определенных общественных отношений. Путем предоставления субъективных прав или установления обязанностей норма права воздействует на те общественные отношения, в сферу которых относятся соответствующие субъективные права и обязанности.

Нарушение правовой нормы означает нарушение установленных той же нормой субъективных прав и обязанностей и одновременно с тем наносит ущерб тем общественным отношениям, к сфере которых относятся установленные нормой права субъективные права и обязанности. Не представляется возможным нарушение только субъективных прав и обязанностей без нанесения вреда тем общественным отношениям, на почве которых были предоставлены субъективные права или установлены обязанности. Равным образом нельзя говорить о том, что правовые нормы охраняют только общественные отношения, не имеющие ничего общего с субъективными правами и обязанностями.

Исходя из сказанного, нельзя согласиться с делением средств правовой охраны на средства охраны собственности и на средства защиты права собственности.⁴ Защищая субъективные права собственника, правовые средства тем самым и охраняют об-

³ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат, 1961, стр. 194.

⁴ Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 177.

щественные отношения собственности, при регулировании которых нормы объективного права установили субъективные права собственника. По тем же соображениям нельзя считать удачным деление средств правовой охраны на те, которые направлены непосредственно на охрану права собственности, и на остальные, направленные на охрану имущественных прав субъектов.⁵

Исходя из того, что гражданско-правовые средства охраны социалистической собственности тесно соприкасаются и переплетаются с гражданско-правовыми средствами охраны социалистической системы хозяйства в целом, А. В. Венедиктов предлагает выделить из всей массы этих средств ту или иную группу их, управляясь либо от единства юридической природы этих средств, либо от их специального назначения, либо от какого-либо иного критерия.⁶ В основу единства средств, направленных на охрану собственности, А. В. Венедиктов кладет их целевой характер, т. е. охрану «вещественного состава» собственности, и включает в число этих средств как вещноправовые, так и обязательственно-правовые средства охраны социалистической собственности.

Д. М. Генкин не согласился с выдвинутой А. В. Венедиктовым основой объединения гражданско-правовых средств охраны социалистической собственности. Путем детального анализа отдельных указанных А. В. Венедиктовым средств охраны собственности (виндикационный и негаторный иск, возврат родовых объектов по договору займа заимодавцу, взыскание внедоговорного ущерба, иск о возмещении стоимости имущества, полученного без достаточного правового основания) он приходит к выводу, что эти средства не направлены на охрану «вещественного состава» собственности.⁷

Нам все же представляется возможным соединить правовых средств охраны собственности по объекту регулирования. Преду-

⁵ Г. Ф. Добровольский. Гражданско-правовая охрана имущественных прав колхозов, Госюриздат, 1961, стр. 11.

⁶ А. В. Венедиктов. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, Изд. АН СССР, 1954, стр. 89—90.

⁷ Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 172—177.

Нам представляется, что «вещественный состав» собственности в толковании Д. М. Генкина понимается слишком формально. Так, например, по мнению Д. М. Генкина возврат родовых объектов по договору займа заимодавцу не является средством охраны собственности в «натуре» по той причине, что заимодавцу возвращаются не те вещи, которые были переданы заемщику, а то же количество вещей того же рода. Возмещение убытков, причиненных противоправным действием, также не может быть отнесено к охране отдельных объектов собственности в натуре, ибо возмещение убытков направлено на предоставление собственнику взамен уничтоженной или поврежденной вещи соответствующего эквивалента в деньгах или, в некоторых случаях, в натуре. Если так узко понимать «вещественный состав» собственности, то Д. М. Генкин безусловно прав. Но возникает вопрос, следует ли «вещественный состав» имущества рассматривать в таком узком смысле и не является ли такой спор чисто формальным.

смотренные объективным правом средства охраны, т. е. различные формы государственного принуждения, применяются по поводу нарушения правовых предписаний в соответствующей группе общественных отношений. Правовые средства охраны собственности применяются по поводу нарушения правовых предписаний в области отношений собственности. Здесь мы сталкиваемся с проблемой отношений собственности и объемом правовых норм, регулирующих отношения собственности, т. е. с понятием права собственности.

В цивилистической литературе укореняется взгляд, что собственность — это совокупность исторически определенных общественных отношений по владению, присвоению и распоряжению средствами и продуктами производства⁸ и охватывает как статику, так и динамику общественного производства. В соответствии с этим, право собственности закрепляет существующую в классовом обществе систему распределения материальных благ — средств и продуктов производства (статику производства и опосредствует юридически динамику общественного производства.⁹

Общепризнано также, что все отношения собственности находят свое отражение не только в институте права собственности, но и в других правовых институтах.¹⁰ Институт права собственности иногда выступает как юридический факт, необходимый для возникновения других правоотношений, например, трудовых или обязательно-правовых отношений. Поскольку отношения распределения и обращения входят в понятие собственности и их правовое регулирование базируется на праве собственности, поскольку и соответствующие институты права регулируют отношения собственности.

С другой стороны, отношения собственности регулируются не только нормами гражданского права, а различными отраслями советского права. Право собственности является таким институтом, который выходит за рамки гражданского права и включает в себя нормы, относящиеся к различным отраслям совет-

⁸ Ю. К. Толстой, Понятие права собственности, «Проблемы гражданского и административного права», Изд. ЛГУ, 1962, стр. 153; Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 14—15.

⁹ Ю. К. Толстой, там же, стр. 164; Д. М. Генкин, там же, стр. 18.

В цивилистической литературе распространена и другая концепция, по которой право собственности закрепляет юридически только статику отношений собственности. См. А. В. Венедиктов, «Известия АН СССР», отделение экономики и права, 1951, № 2, стр. 94; С. Н. Братусь, Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР, «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 79—87.

¹⁰ А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР, 1948, стр. 28; Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 17.

ского права.¹¹ Так, например, отношения собственности в колхозах регулируются нормами не только гражданского, но и колхозного и административного права. Ряд норм, устанавливающих правовой режим денежных средств колхозов, содержится в финансовом праве и т. д. Основное количество норм, регулирующих отношения собственности в колхозах, содержится в колхозном праве. Нормы колхозного права определяют права и обязанности колхоза как субъекта права собственности, условия и конкретный порядок распоряжения, владения и пользования колхозной собственностью. Эти нормы дополняют общие нормы права собственности, содержащиеся в гражданском праве. Нормы колхозного права при установлении правового режима колхозной собственности исходят из экономических особенностей колхозной собственности и фиксируют тем самым специальный правовой режим колхозной собственности. Постепенным сближением экономических отношений колхозной собственности с экономическими отношениями государственной собственности специальные нормы права колхозной собственности теряют свои специфические черты и приближаются к нормам, устанавливающим правовой режим государственной собственности.

Исходя из понятия права собственности, можно сказать, что правовая охрана собственности состоит в применении государственного принуждения за нарушение правовых предписаний, установленных нормами права, регулирующими отношения собственности. Правовая охрана собственности состоит в применении государственного принуждения не только за нарушение правовых предписаний, установленных в нормах, регулирующих статику собственности, но и в нормах, регулирующих динамику собственности. Поскольку институт права собственности является необходимым для возникновения, например, обязательно-правовых отношений, то и применение форм государственного принуждения за нарушение обязательно-правовых предписаний является средством охраны отношений собственности, как основы возникновения обязательно-правовых отношений.

Равным образом правовая охрана собственности состоит в применении государственного принуждения за нарушение правовых предписаний, регулирующих отношения собственности и установленных нормами любой отрасли права. Как уже было отмечено, в колхозном праве содержится основное количество норм, устанавливающих правовой режим колхозной собственности. Нарушение указанных норм сопровождается применением государственного принуждения и соответствующие меры государственного принуждения входят в общую систему средств правовой охраны колхозной собственности.

¹¹ О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, Изд. ЛГУ, 1949, стр. 105; Д. М. Генкин, Право собственности в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 23—24.

Наряду со средствами правовой охраны, система средств охраны колхозной собственности включает в себя и средства неправового характера. В отличие от правовых, неправовые средства не представляют собой предусмотренных правом форм государственного принуждения за нарушение правовых предписаний. Неправовые средства, главным образом, направлены на предупреждение правонарушений в будущем. Но они могут быть направлены и на ликвидацию уже имеющих место правонарушений, только не путем государственного принуждения, а иным путем, другими средствами.

Неправовая охрана колхозной собственности отличается от правовой по характеру применяемых мер, по порядку их применения и по органам их применения.

Если меры правовой охраны собственности представляют собой какую-нибудь форму государственного принуждения, то неправовые средства охраны собственности лишены характера государственного принуждения. На первом месте среди средств неправового характера охраны колхозной собственности стоит организационная работа как органов внутриколхозного управления, так и органов государственного руководства колхозами. Основное количество обнаруженных недостатков в хранении или использовании колхозной собственности ликвидируется организационным путем соответствующими органами. Организационной работой ликвидируются также обнаруженные правонарушения, если нет необходимости применения государственного принуждения. Организационная работа органов внутриколхозного управления и органов государственного руководства колхозами не содержит в себе элемент государственного принуждения. Формы деятельности советского государства многообразны и не вся деятельность органов государства сводится к применению государственного принуждения. Государственное принуждение не включает в свой круг всю разностороннюю деятельность советского государства. Из государственного принуждения исключается многообразная организационная деятельность советского государства. Так, например, не применяются меры правовой охраны колхозной собственности ревизионная комиссия колхоза, если она доложит правлению колхоза об обнаруженных в ходе ревизии недостатках и вынесет свои предложения для ликвидации недостатков. Таким же образом не являются применением мер правовой охраны колхозной собственности выносимые органами государственного руководства колхозами советы или указания об улучшении учета и отчетности в колхозах.

Неправовые меры теснейшим образом связаны с применением правовых мер охраны колхозной собственности. Они могут переходить в правовые, если неправовые меры недостаточны для достижения поставленных задач. Если, например, правление колхоза не выполняет указания ревизионной комиссии, то последняя

имеет право сообщить об этом соответствующим государственным органам, имеющим право применения меры государственного принуждения. Организуемые в колхозах группы содействия комитетам партийно-государственного контроля в ходе своей деятельности могут ликвидировать обнаруженные недостатки, действуя как общественные организации. Однако они имеют право передать дело для применения государственного принуждения комитету партийно-государственного контроля по производственным колхозно-совхозным управлениям, но сами применить какие-либо меры государственного принуждения они не имеют права.

Одна из применяемых мер охраны колхозной собственности — общественное принуждение. Если меры государственного принуждения применяются главным образом органами государства, и общественными организациями только в случае, если государство им такое право делегировало, то меры общественного принуждения применяются исключительно общественными организациями. Если меры государственного принуждения устанавливаются правом, то меры общественного принуждения, как правило, не устанавливаются правом. Порядок применения мер государственного принуждения также строго регламентирован, в то время как порядок применения мер общественного воздействия также регламентируется общественными организациями.

Суммируя приведенное, можно сказать, что охрана колхозной собственности охватывает все меры государственного принуждения, применяемые за нарушение правового режима колхозной собственности, и меры неправового характера, состоящие из организационных мер и мер общественного воздействия.

2. Способы правовой охраны колхозной собственности

Правовые меры охраны колхозной собственности выражаются в государственной реакции, в государственном принуждении в той или иной форме.

В зависимости от предстоящих конкретных задач государство применяет различные меры государственного принуждения, которые далеко не все имеют одинаковое значение и одинаковые цели. Отсюда, во-первых, возникает проблема о формах государственного принуждения. Конкретным формам государственного принуждения в нашей литературе уделяется значительно больше внимания, но, к сожалению, представители отдельных отраслей права занимались этой проблемой изолированно, не достигая согласованного решения вопроса. Во-вторых, — главное внимание исследователей мер государственного принуждения до последнего времени уделялось только одному виду государствен-

ного принуждения, т. е. юридическим санкциям. Но в литературе последних лет уже делаются первые попытки выделить юридические санкции из других видов государственного принуждения.

О. С. Иоффе еще в 1955 г. писал, что меры правовой ответственности опираются на государственное принуждение. Однако не всякая принудительная мера, применяемая органами советского государства, может быть отнесена к разряду мер ответственности.¹² Указывая на основные признаки гражданско-правовой ответственности, О. С. Иоффе выделил ряд мер принуждения, применяемых в гражданском праве, но не имеющих признаков ответственности, как, например, изъятие вещи у добросовестного приобретателя, административное выселение лица, самоуправно занявшего пустующую площадь, и др. Отрицая характер ответственности за подобными мерами, автор, однако, не показал конкретного места их в системе мер государственного принуждения, поскольку это и не входило в его обязанность. Только в одном месте он указывает, что, в отличие от ответственности, являющейся следствием неисполнения обязанности, другие меры государственного принуждения ограничиваются исполнением в принудительном порядке неисполненной ранее обязанности.¹³

И. Ребане, исследовав вопросы принуждения и ответственности в советском праве не только в аспекте одной конкретной отрасли права, а в аспекте общей теории права, различает три вида мер государственного принуждения: меры социальной защиты, предупреждающие и пресекающие общественно-опасное посягательство, непосредственное принудительное осуществление права и юридические санкции.¹⁴ По мнению Ж. К. Ананьевой также не всякая принудительная мера является мерой ответственности. Наряду с мерами правовой ответственности, она называет и такие меры государственного принуждения, как меры охранительного характера и принудительное исполнение существующей и неисполненной обязанности.¹⁵

Выявление различных видов государственного принуждения целесообразно начать с определения правовой ответственности как одного из видов государственного принуждения.

Ответственность как мера принуждения в нашей литературе определяется по-разному. Так, например, О. С. Иоффе определяет ответственность: во-первых, как санкцию за правонарушение, во-вторых, как санкцию, основанную на общественном осуж-

¹² О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Ленинград 1955, стр. 11.

¹³ О. С. Иоффе, указ. произв., стр. 14.

¹⁴ И. Ребане, К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности. Ученые записки ТГУ, 1956, вып. 44, стр. 170.

¹⁵ Ж. К. Ананьева, О понятии гражданского правонарушения и мерах государственного принуждения по советскому праву. «Тезисы докладов на Межвузовской научной конференции в Ростове», Изд. Ростовского университета, 1960, стр. 94.

дении поведения правонарушителя и, в-третьих, как санкцию, выражающуюся в установлении определенных отрицательных последствий для правонарушителя.¹⁶ В этом определении правовая ответственность в какой-то мере отождествляется с юридической санкцией, что представляется неправильным. Поскольку автор приравливает ответственность к юридической санкции, по-столку последний приведенный признак свойственен уже только юридической санкции, и не является общим признаком правовой ответственности. Правовая ответственность охватывает все виды юридических санкций и является родовым понятием. Представляется, что понятие «правовая ответственность» — шире, чем понятие «юридическая санкция».

В своем более позднем исследовании О. С. Иоффе вместе с М. Д. Шаргородским дали более конкретизированное понятие юридической ответственности. Там юридическая ответственность определяется как мера государственного принуждения. Уточнены отрицательные последствия для правонарушителя и сказано, что они выступают в форме ограничений личного или имущественного порядка.¹⁷ Более приемлемым является определение ответственности как относимости социалистического государства и советского народа к виновному в правонарушении личного упрека и как применимость вследствие этого к нему юридической санкции органами Советского социалистического государства.¹⁸ В этом определении ответственность не сводится только к юридическим санкциям. Юридические санкции являются лишь составной частью ответственности. В соответствии с этим, например, в решении суда по уголовному делу суд прежде всего «осуждает деяние» и только потом «применяет меру наказания».

В определении И. Ребане хочется указать только на одну неточность. По определению И. Ребане юридические санкции применяются лишь органами Советского государства. Хотя это в основном так, но не во всех случаях. Юридические санкции, как отмечает и сам автор в другой статье, применяются в тех формах и порядке, которые наиболее целесообразны с точки зрения эффективности воспитательного воздействия.¹⁹ Отсюда вытекает

¹⁶ О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленинград 1955, стр. 17.

¹⁷ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат. 1961, стр. 318.

¹⁸ И. Ребане. К постановке вопроса об основаниях правовой ответственности, Ученые записки ТГУ, 1956, в. 44, стр. 159.

¹⁹ И. Ребане, О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Ученые записки ТГУ, 1959, в. 61, стр. 172.

Если приведенные нами авторы сперва определили понятие ответственности, а потом санкции, то О. Э. Лейст поступает наоборот: Сперва он определяет понятие санкции, а потом ответственности. Санкцию он определяет как указание на меры, специально принимаемые государством в случае правонарушений, общественно вредных или общественно опасных деяний притом и

также необходимость применения санкции общественными организациями, что отрицается в первой статье.

В правовой ответственности советское государство выражает свое отношение к виновному в правонарушении, осуждает его поведение, оценивает тяжесть правонарушения и выбирает соответствующую форму государственной реакции в виде юридической санкции.

Выбор государственной реакции на общественно-вредные или общественно-опасные действия зависит от многих обстоятельств, как-то: от характера охраняемых общественных отношений, тяжести посягательства и т. д. Главными при установлении мер государственной реакции являются те цели и задачи, во имя которых применяются различные формы государственного принуждения.

Целью применения государственного принуждения может быть: 1) перевоспитание правонарушителя и воспитание других лиц и восстановление нарушенного права; 2) только восстановление нарушенного права; 3) предупреждение правонарушения в будущем.

В первом случае государство обязательно ставит себе воспитательные цели и вместе с тем еще восстановительную цель. Воспитательные функции при государственном принуждении могут превалировать перед восстановительными или уступать им первое место.

Названным целям государственного принуждения соответствуют следующие виды государственного принуждения: 1) юридическая ответственность в форме а) карательных (штрафных) санкций, б) восстановительных санкций; 2) восстановление нарушенного права в форме а) принудительного осуществления права, б) принудительной ликвидации уже наступивших нежелательных результатов; 3) меры предупредительного характера.

Когда государство ставит своей целью воспитание или перевоспитание правонарушителя и других лиц, то оно выражает свою реакцию в форме ответственности. В ответственности государство осуждает поведение правонарушителя и применяет в отношении его отрицательные последствия в форме личного ограничения или страдания, или же имущественного лишения или

в случае объективно противоправных действий. Отсюда вытекает, что санкциями по мнению автора являются также, например, принудительное исполнение права, ответственность за последствия источника повышенной опасности, отмена незаконных актов и другие меры государственного принуждения, следующие за объективное правонарушение.

Связывая понятие ответственности с понятием юридических санкций, юридическая ответственность по мнению О. Э. Лейста заключается в применении и реализации санкций правовых норм. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 78—79, 91.

ограничения. Такие санкции в литературе именуется как санкции штрафные, карательные.²⁰ Сюда относятся санкции в уголовном праве, административные и дисциплинарные санкции, те санкции в гражданском праве, целью которых не является восстановление нарушенных прав. Иногда государство не довольствуется только наказыванием правонарушителя и ставит своей целью также восстановление нарушенных прав. Эту задачу способны выполнить санкции восстановительного характера. Но восстановительные санкции также всегда выполняют воспитательную функцию и тем самым отличаются от мер государственного принуждения, целью которых является только восстановление нарушенных прав. Как можно более полным достижением стоящих перед санкциями обеих задач и объясняется совместное применение юридических санкций восстановительного и штрафного, карательного характера.

Следующей целью применения государственного принуждения является только восстановление нарушенных прав. Соответственно с этим государство выбирает и соответствующую форму реакции. Поскольку целью применения данного вида государственного принуждения не является воспитание правонарушителя и других лиц, то нет необходимости осудить его поведение. В данном случае и само поведение правонарушителя (только в смысле объективного правонарушения) не вызывает личного упрека, осуждения и нет необходимости применить в отношении к его меры, причиняющие личные или имущественные страдания.

Восстановление нарушенных прав государством достигается путем применения двух форм государственного принуждения: в форме принудительного осуществления права и в форме принудительной ликвидации уже наступивших нежелательных результатов.

Поскольку целью применения данных форм государственного принуждения является восстановление нарушенного права, а не наказывание, то для его применения не требуется наличие виновного правонарушения. Неисполнение правовой обязанности — это пассивное поведение человека и не обязательно всегда виновное поведение. За невиновное же поведение нельзя осудить осуществление права не является воспитание правонарушителя, а также других лиц путем вынесения в его адрес личного упрека, а следовательно целью применения принудительного осу-

Принудительным осуществлением правовой обязанности является, например, взыскание с колхозов в бесспорном порядке задолженности подоходного налога, платежей по обязательному страхованию, несвоевременного погашения полученной ссуды. По Указу Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 21 февраля 1959 г. «Об участии колхозов, совхозов, промышлен-

²⁰ О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 106.

ных, транспортных, строительных и других предприятий и хозяйственных организаций в строительстве и ремонте автомобильных дорог»²¹ в случае несвоевременного отчисления колхозами денежных средств в дорожный фонд эти отчисления взыскиваются в бесспорном порядке. Здесь имеет место только принудительное осуществление неисполненной обязанности.

Если принудительное осуществление права состоит в исполнении правовых предписаний, обязующих субъектов правоотношения действовать определенным образом, то наряду с этой формой государственного принуждения встречается еще одна форма государственного принуждения, где в принудительном порядке ликвидируются наступившие вследствие правонарушения нежелательные результаты. Если в первом случае в принудительном порядке субъектов правоотношения заставляют действовать определенным образом, то во втором случае субъекты правоотношения уже своими действиями (или бездействием) нарушили правовые запреты и вызвали определенные последствия. К такой форме государственного принуждения относится, например, признание недействительными сделок и применение двухсторонней (или односторонней) реституции (п. 1 ст. 14 Основ) при отсутствии вины одной или обеих сторон сделки, негаторный иск, признание райисполкомом недействительными решений органов внутрисельскохозяйственного управления, административное выселение лица, самоуправно занявшего жилую площадь и др.

Подобные формы государственного принуждения не являются юридическими санкциями, поскольку целью их применения не является воспитание через наказания субъекта и для их применения не требуется виновное поведение правонарушителя. Восстановление прежнего состояния не является в отношении субъекта нежелательным результатом, поскольку т. н. «желательный результат» достигнут им неправомерным путем (например, заключением — хотя и невиновно — недействительного договора).

Третью группу мер государственного принуждения составляют меры предупредительного характера. Для применения данных мер принуждения вообще не требуется нарушения норм права (также в объективном смысле нет), они применяются в целях предупреждения нарушения права в будущем.

Советское административное право в последнее время совершенно правильно и обоснованно делит меры административного принуждения на две группы: первую группу составляют принудительные меры, применяемые органами государственного управления в качестве административного воздействия в отношении виновных физических лиц, т. е. административные кары, а вторую группу составляют принудительные меры, применяемые органами государственного управления либо в качестве предупреди-

²¹ «Ведомости Верховного Совета Эстонской ССР», 1959, 12, 58.

тельных мер, либо в качестве мер, обеспечивающих выполнение органами государственного управления возложенных на них обязанностей.²²

Во вторую группу принудительных мер административное право относит: личное задержание, применение оружия, административно-медицинские, административно-технические, административно-финансовые и санитарные меры, реквизицию и т. д. Все перечисленные меры применяются в целях предупреждения правонарушения. Так, например, к числу административно-технических мер относится право автомобильной инспекции приостанавливать эксплуатацию автомобилей, техническое состояние которых угрожает безопасности движения, или, например, в числе административно-медицинских мер встречается право органов здравоохранения применять принудительное лечение лиц, страдающих заразными заболеваниями и отказавшихся от добровольного лечения. Во всех этих случаях опасные последствия еще не наступили, но наступление их для окружающих вполне реальное.

Как на меру предупредительного характера можно сослаться на право государственного технического инспектора районного отделения «Сельхозтехники» запрещать эксплуатацию машин, механизмов и оборудования, состояние которых требует проведения технического ухода, ремонта или угрожает безопасности работы на них.²³

Некоторые цивилисты относят ответственность владельца источника повышенной опасности к мерам охранительного характера.²⁴ Совершенно правильно, что ответственность владельца источника повышенной опасности не является юридической санкцией, не является правовой ответственностью, поскольку нет состава правонарушения как основания для ответственности. Но мы не отнесли бы эту меру государственного принуждения к специальным мерам охранительного характера по тем причинам, что вредные последствия здесь уже наступили. Мы отнесли бы

²² В. А. Власов, С. С. Студеникин, Советское административное право, Госюриздат, 1959, стр. 154; Советское административное право под редакцией Ю. М. Козлова, Госюриздат, 1962, стр. 233—235; А. Е. Лунев, Административная ответственность за правонарушения, Госюриздат, 1961, стр. 52—100; М. И. Еромкин, О классификации мер административного принуждения, Вопросы административного права на современном этапе, Госюриздат, 1963, стр. 62; З. М. Рахлин, Административно-правовая охрана социалистической собственности в СССР, «Советское государство и право» 1964, № 1, стр. 48.

²³ Положение о государственном техническом инспекторе районного (межрайонного) отделения «Сельхозтехники», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 30 ноября 1961 г., СП СССР, 1962, 3, 13.

²⁴ Ж. К. Ананьева, О понятии гражданского правонарушения и мерах государственного принуждения по советскому праву. «Тезисы докладов на Межвузовской научной конференции в Ростове», Изд. Ростовского университета, 1960, стр. 94.

эту меру к второй группе мер государственного принуждения, т. е. к мерам, направленным на ликвидацию уже наступивших вредных результатов. Наряду с этим нельзя, конечно, отрицать и превентивный характер мер, ликвидирующих вредные результаты. Применение любой меры государственного принуждения имеет определенный превентивный характер, но не всегда превентивные цели применения мер государственного принуждения являются единственными и главными. Исходя из сказанного, нельзя согласиться с Е. А. Флейшиц, полагающей, что рассмотрение некоторых видов санкций за правонарушение не как формы ответственности нарушителя способно известным образом ослабить воспитательное значение таких санкций: их трактуют как санкции некоторого низшего ранга.²⁵

Таким образом, наряду с юридическими санкциями как видом государственного принуждения, мы отмечаем еще следующие виды государственного принуждения: 1) принудительное осуществление права; 2) принудительная ликвидация вызванных невиновным правонарушением вредных результатов и 3) принудительные меры предупредительного характера.

Следовательно, целью применения юридических санкций всегда является воспитание или перевоспитание правонарушителя и третьих лиц. Воспитательная функция выступает или в качестве единственной цели юридических санкций или совместно с восстановительной целью. Если юридическая санкция выполняет одновременно две функции, то превалирует всегда одна из них.

Основания классификации юридических санкций, как и основания классификации иных явлений, могут быть различными в зависимости от того, что имеется в виду.

²⁵ Е. А. Флейшиц, Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, «Советское государство и право», 1962, № 3, стр. 37.

Следует добавить, что Е. А. Флейшиц не совсем точно передает мысли критикуемых авторов. По ее мнению О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский и другие якобы делают санкции на две группы: применяемые за виновное правонарушение и применяемые за невиновное правонарушение. Но авторы ведь не считают меру государственного принуждения, применяемую за невиновное правонарушение, или тогда, когда вообще нет правонарушения (различные меры в административном праве), юридическими санкциями, ответственностью. В своих рассуждениях О. С. Иоффе («Ответственность по советскому гражданскому праву», стр. 19), называет такие меры ответственностью в гражданском праве только условно по тем причинам, что их всегда в литературе называли ответственностью. Но их рассуждения сводятся к тому, что рассматриваемые ими конкретные меры не являются ответственностью.

Кроме того Е. А. Флейшиц считает основанием применения ст. 404 ГК только действие источника повышенной опасности независимо от наличия или отсутствия вины. Против этого в литературе гражданского права высказано мнение о том, что ст. 404 ГК РСФСР применима только в случаях причинения вреда невиновными действиями владельца источника повышенной опасности. В последнем случае ст. 404 ГК предусматривает правовые последствия только за невиновные действия.

Нельзя считать правильным мнение тех авторов, которые полагают возможной только одну классификацию юридических санкций.²⁶ Классификация одних и тех же явлений может быть различной и производиться по различным основаниям. Закон логики требует при этом, чтобы в рамках одной классификации ее основания оставались неизменными. Другие классификации этих же явлений могут базироваться уже на других основаниях. Любая классификация, если она отвечает законам логики, позволяет сделать какие-то выводы, одна большие, другая меньшие, в зависимости от того, насколько удачно избраны основания классификации.

Юридические санкции можно классифицировать на основании такого признака, как порядок их применения. По порядку применения юридические санкции делятся на применяемые в судебном, арбитражном, административном и дисциплинарном порядке; эта классификация встречается и на страницах специальной литературы. Порядок применения юридических санкций, как основание классификации, имеет самостоятельное значение, а, следовательно, подобная классификация юридических санкций также имеет определенное значение. Она показывает нам, какие санкции в каком порядке применяются. Порядок применения тех или других юридических санкций определяется законодателем, исходя из принципов эффективности применения санкций в том или другом порядке. Но порядок применения юридических санкций не вскрывает существа юридического явления, эту классификацию нельзя считать классификацией юридических санкций по существу.

Одна из возможностей классификации юридических санкций содержится в характере санкций. По характеру санкции делятся на материальные и нематериальные. К материальным санкциям относятся все санкции, содержанием которых является оказание воздействия на имущественную сферу правонарушителя. Сюда относятся денежные штрафы в уголовном праве, штрафы в административном праве, большинство применяемых гражданским правом санкций и ряд санкций, применяемых в дисциплинарном порядке.

К нематериальным санкциям относится большинство применяемых уголовным правом санкций, а также ряд административных и дисциплинарных мер воздействия на правонарушителя.

Деление юридических санкций на материальные и нематериальные также имеет определенное практическое значение, поскольку применение одного или другого вида санкций зависит от характера правонарушений и от целей и задач, стоящих перед санкциями. Однако разнообразные материальные санкции применяются далеко не в одинаковых целях. Многочисленность

²⁶ О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 103.

видов материальных санкций обусловлена конкретными их задачами. При разграничении отдельных видов юридических санкций И. Ребане исходит из нескольких признаков, исходным по его мнению является степень и характер общественной вредности правонарушения. Поскольку юридические санкции являются различными формами государственной реакции, то они и должны соответствовать различным формам общественно-вредных, противоправных посягательств.²⁷ Но степень и характер правонарушения определяют только степень и характер государственной реакции, они еще не определяют выбора конкретной формы реакции. Иногда материальные последствия могут быть более тяжкими, чем нематериальные, и наоборот. Отсюда и вытекает необходимость учитывать в качестве дополнительного критерия разграничения юридических санкций цели применения юридических санкций.²⁸

В советском правотворчестве в качестве отправного начала выступает цель, вместе с тем цель представляет собой тот конец, ради которого правовая норма, правовой акт создается, а затем реализуется. Непосредственно направляя советское правотворчество, цель предопределяет также в необходимых случаях методы, способы, этапы и темпы реализации тех правовых предписаний, которые в правовой норме, правовом акте формулируются.²⁹

В соответствии с этим все юридические санкции можно распределить на две группы. В первую группу входят юридические санкции, выполняющие прежде всего функцию воспитания и перевоспитания и только во вторую очередь — функцию заглаживания общественно-вредных или опасных последствий правонарушения. Сюда относятся: все санкции уголовного права, все меры дисциплинарного взыскания, все административные кары и штрафы в гражданском праве, не носящие компенсационного характера.

Любое правонарушение приносит авторитету советского права определенный ущерб идейного, морального и политического характера. Наряду с частной и общей превенцией, задачей юридических санкций штрафного или карательного характера также является заглаживание этого нематериального ущерба,³⁰ хотя эта задача при штрафных и карательных санкциях не выступает на первый план.

²⁷ И. Ребане, О разграничении видов правонарушений и юридических санкций по советскому социалистическому праву, Ученые записки ТГУ, вып. 61, стр. 154, 167.

²⁸ И. Ребане, там же, стр. 170.

²⁹ Д. А. Геримов, Свобода, право и законность, Госюриздат, 1960, стр. 125.

³⁰ О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 66; Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Киев 1955, стр. 285.

Ко второй группе относятся юридические санкции, в первую очередь, выполняющие функцию ликвидации или заглаживания общественно-вредных или опасных последствий правонарушения и только вместе с тем и функцию общей и частной превенции. К этой же группе относят возмещение причиненных убытков, носящие компенсационный характер штрафы в гражданском праве.

Поскольку одна юридическая санкция способна выполнить главным образом только одну функцию, правонарушением же вызывается необходимость применения санкции как воспитательного характера, как и восстановительного, то этим и объясняется совместное применение нескольких юридических санкций. Более всего обосновано применение юридических санкций, выполняющих функцию воспитания совместно с санкциями, выполняющими восстановительную функцию, как-то: совместное применение мер уголовного наказания и гражданско-правовых санкций восстановительного характера, совместное применение мер дисциплинарного взыскания и гражданско-правовых санкций, совместное применение гражданско-правовых мер штрафного характера и восстановительного характера (применение договорных санкций сверх возмещения убытков). Напротив, совместно неприменимы санкции, выполняющие одну и ту же функцию, например, уголовное наказание и дисциплинарное взыскание.

Особенно часто встречается совместное применение различных санкций в колхозах. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. «О судебной практике по колхозным гражданским делам» (а до этого постановление от 5 мая 1950 г.) прямо подчеркивает, что применение в отношении членов колхоза дисциплинарных взысканий не исключает возможности взыскания причиненного имуществу колхоза ущерба. Пленум Верховного Суда СССР здесь правильно исходит из положения о том, что дисциплинарные меры взыскания выполняют прежде всего воспитательную функцию и не восстанавливают нарушенных прав колхоза. В целях восстановления нарушенных прав колхоза и применяются санкции, выполняющие функцию восстановления.

Хотя юридические санкции, выполняющие в первую очередь функцию воспитания и перевоспитания, носят главным образом нематериальный характер и влияют только на личность человека, все же встречаются среди них и меры, носящие материальный характер, т. е. воздействующие на личность человека через его материальное положение. Особенно много различных воспитательных мер, носящих материальный характер, применяется в колхозах. Как примерный устав 1935 года, так и специальные постановления устанавливают ряд санкций материального характера (например, списания трудодней), целью применения которых является воспитание и перевоспитание нарушителя тру-

довой дисциплины в колхозах, и не исключающие возможности применения восстановления нарушенных прав колхоза путем взыскания убытков.

Какие практические выводы вытекают из предыдущего анализа? 1) В будущем колхозном законодательстве следовало бы установить принцип, по которому совместно применимы только санкции восстановительного и воспитательного характера, и исключить возможность совместного применения санкций, способных выполнить восстановительную функцию. 2) Следует пересмотреть санкции, целью которых является только воспитательная функция. Это относится, прежде всего, к мерам дисциплинарного воздействия в колхозах. Учитывая дальнейшую тенденцию развития советского права в период построения коммунизма, увеличения значения элементов убеждения в применении норм права, следовало бы уменьшить число мер, применяемых в целях воспитания правонарушителя, но носящих восстановительный характер.

Как видно из изложенного, отдельным отраслям права не свойственен лишь один вид юридических санкций. В отдельных отраслях права используются несколько видов юридических санкций, причем превалирует один или другой вид юридических санкций. Соединение юридических санкций в отдельные отрасли права зависит от характера охраняемых данной отраслью права общественных отношений и от характера правонарушений, обуславливающих основной метод государственной реакции и характер применяемых мер. Если в уголовном праве превалируют санкции воспитательного нематериального характера, то в гражданском праве превалируют материальные санкции, способные к выполнению функции восстановления нарушенных имущественных прав. В трудовом и административном праве распространены как материальные, так и нематериальные санкции, выполняющие прежде всего функцию воспитания, но наряду с тем и восстановления нарушенных прав (возмещение убытков в трудовом праве).

Соединение в одну отрасль права однородных санкций, выполняющих главную свою задачу, дает лицо данной отрасли права. Другие санкции, применяемые в данной отрасли права как вспомогательные, не изменяют правового облика всей отрасли права. Соединенные в одну отрасль права, юридические санкции составляют метод охраны общественных отношений, а отдельные группы юридических санкций в рамках отдельной отрасли права составляют конкретные формы охраны регулируемых общественных отношений.

Выбор метода зависит от характера охраняемых общественных отношений. Так, например, имущественный характер общественных отношений обуславливает главным образом восстановительный характер метода охраны этих отношений.

В колхозно-правовой литературе в последнее время принято говорить о специальной колхозно-правовой форме или методе, о дисциплинарной форме или об уставном способе охраны колхозной собственности.³¹ Содержание указанного метода определяется по-разному. Одни включают сюда только применяемые в колхозах меры дисциплинарного взыскания, другие, кроме применения дисциплинарных мер, — еще установленную специальными постановлениями ответственность (постановлением СМ СССР от 17 февраля 1954 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г.), третьи — дополнительно еще различные внутриколхозные правовые и неправовые меры (работа ревизионных комиссий, правильный подбор и расстановка кадров и др.).

Авторы данной теоретической концепции аргументируют свое мнение тем, что колхозно-правовой метод применяется органами управления в колхозах, в то время как другие методы применяются соответствующими органами государства. Этот аргумент правилен только отчасти. Органами внутриколхозного управления применяются только меры дисциплинарного взыскания. Предусмотренные же в специальных актах санкции применяются не органами внутриколхозного управления, а в судебном или административном порядке. И, наконец, порядок применения юридических санкций не является настолько существенным, чтобы он определил характер и самостоятельность метода правовой охраны собственности. Метод означает соединение в одну группу ряда однородных по существу явлений, призванных выполнить одну характерную функцию.

Меры дисциплинарных взысканий, применяемые органами внутриколхозного управления, не ставят своей главной целью восстановление нарушенных прав собственности, характерной для гражданско-правовой ответственности, они применяются также не в качестве дополнительных санкций за посягательства на колхозную собственность, а в целях воспитания правонарушителя трудовой дисциплины.

Авторы, выделяющие дисциплинарные меры воздействия в качестве особого метода правовой охраны колхозной собственности, правильно подчеркивают, что эти санкции имеют, главным образом, воспитательный характер. Но в каком смысле они воспитывают правонарушителя, в чем содержится их личный упрек,

³¹ И. В. Павлов, и Л. Н. Баховкина, Право колхозной собственности в СССР, Изд. АН СССР Москва, 1957, стр. 150; Н. Д. Казанцев и др. Право колхозной собственности, Госюриздат, 1961, стр. 329; М. И. Козырь, О праве колхозной собственности, Госюриздат, 1958, стр. 95—96; Я. Я. Стратуманис, Гражданско-правовая охрана колхозной собственности. Изд. Академии наук Латвийской ССР, Рига 1961, стр. 39. Правовое положение колхозов в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 259; Ю. Г. Басин, Б. В. Покровский, К. А. Шайвек, «Советское государство и право» 1962, № 3, стр. 144.

в каком направлении меры дисциплинарных взысканий воспитывают правонарушителя? Применяемые дисциплинарные взыскания не содержат в себе упрека правонарушителю за посягательство на колхозное имущество, не воспитывают правонарушителя специально в направлении охраны колхозной собственности. Меры дисциплинарных взысканий применяются исключительно за нарушение трудовой дисциплины независимо от причинения ущерба имуществу колхоза. Применение мер дисциплинарного воздействия является, наряду с методом убеждения и общественного воздействия, мерой воспитания социалистической дисциплины труда в колхозах. Дисциплинарное взыскание применяется за нарушение трудовой дисциплины и целью его применения является воспитание колхозника в направлении соблюдения трудовой дисциплины в колхозах. Такую же функцию выполняют в трудовом праве дисциплинарные взыскания, применяемые администрацией на государственных предприятиях.

Нарушение трудовой дисциплины действительно в некоторой степени нарушает имущественные интересы колхоза или государственного предприятия, а иногда причиняет прямой имущественный ущерб. В целях ликвидации вызванного нарушением трудовой дисциплины имущественного вреда в трудовом праве предусматривается материальная ответственность рабочих и служащих, а в колхозном праве — возмещение ущерба путем применения гражданского правового метода охраны колхозной собственности. Такое совместное применение различных юридических санкций обосновывается именно особыми целями применения юридических санкций, с тем, чтобы в результате их совместного применения достигался максимально возможный результат применения юридических санкций.

Признание мер дисциплинарных взысканий специальным методом охраны колхозной собственности не способствует целенаправленному применению юридических санкций, а, наоборот, еще больше смешивает меры морального воздействия с мерами материального воздействия.

Меры дисциплинарного воздействия не составляют особого метода, присущего специальной отрасли права. Вернее было бы говорить о мерах дисциплинарного воздействия и в трудовом, и в колхозном праве, как об особой правовой форме охраны трудовой дисциплины. Функцию охраны колхозной собственности дисциплинарная форма воздействия выполняет только косвенно, наряду с главной задачей — охраны и укрепления трудовой дисциплины.

Как было уже отмечено, отдельным отраслям права присущи несколько видов юридических санкций или других форм государственного принуждения. Однако превалирует всегда один вид юридических санкций или иная форма государственного принуж-

дения, выполняющая конкретную и главную, характерную именно для данной формы государственного принуждения задачу.

Для колхозно-правового метода охраны колхозной собственности характерно не применение мер дисциплинарных взысканий, и на наш взгляд в колхозно-правовом методе охраны колхозной собственности перед юридическими санкциями превалируют иные формы и виды государственного принуждения, а именно: принудительное осуществление неисполненной правовой обязанности, ликвидация в принудительном порядке наступивших из-за невиновного правонарушения нежелательных результатов и меры предупредительного характера.

Главная задача всех применяемых мер — предупреждение нарушения правового режима колхозной собственности и, вместе с тем, ликвидация нежелательных последствий. Именно характер превалирующих мер государственного принуждения, их главные цели и задачи и порядок их применения создают облик колхозно-правового метода охраны колхозной собственности и отличают его от других правовых методов.

К колхозно-правовым мерам охраны колхозной собственности относится, например, право общего собрания или правления обязывать в принудительном порядке должностных лиц колхоза или рядовых колхозников выполнить то или другое правовое предписание. Например, в колхозе обнаружен ряд недостатков в порядке хранения и учета материальных ценностей. Правление колхоза обязывает соответствующих лиц ликвидировать обнаруженные недостатки. Правление и общее собрание колхоза имеют право отстранить от работы лиц, работа которых не соответствует требованиям или создает опасность для колхозной собственности и т. д. Такие права предоставлены органам внутриколхозного управления законом, они представляют собой правовые последствия за нарушение правовых предписаний, однако не являются санкциями. Меры государственного принуждения по охране колхозной собственности здесь применяются органами внутриколхозного управления. Однако те же самые меры государственного принуждения применяются также органами государственного руководства колхозами. Если колхоз имеет право применить названные меры только в отношении своих членов или лиц, находящихся в трудовых отношениях с колхозом, то государственные органы имеют право применения мер государственного принуждения в отношении колхоза как юридического лица и других физических и юридических лиц, находящихся с колхозом в правоотношениях.

К мерам государственного принуждения, как мерам охраны колхозной собственности, применяемым органами государства, относится право райисполкома отменить незаконные решения органов внутриколхозного управления по владению, пользованию и распоряжению колхозным имуществом, право райисполкома обя-

зывать лиц и организации возратить колхозу незаконно полученное у него имущество, право комитета партийно-государственного контроля приостанавливать незаконные, могущие нанести ущерб интересам государства или колхоза, распоряжения и действия колхоза и его должностных лиц, право устанавливать лицам, виновным в неудовлетворительном выполнении решений партии и правительства, сроки для исправления, право понижать в должности, отстранять от занимаемых постов.

Административный порядок применения всех названных мер государственного принуждения не превращает их в административно-правовые, поскольку не порядок применения мер государственного принуждения определяет их правовой облик, а цели и задачи их применения. Кроме гражданско-правового, уголовно-правового и колхозно-правового метода охраны колхозной собственности, применяется и административно-правовой метод охраны колхозной собственности. Целью применения административно-правовых мер является обеспечение условий, необходимых для выполнения актов управления или требований закона, или же непосредственное воздействие на нарушителя соответствующих правил поведения.³²

Как пример административно-правовой охраны колхозной собственности в литературе приводится право государственных органов, осуществляющих руководство колхозами, отменить незаконные решения правлений артелей и общих собраний колхозников по распоряжению колхозной собственностью.³³ Как нам кажется, указанный способ не является административно-правовым методом охраны колхозной собственности. Целью применения данной формы государственного принуждения не является обеспечение условий, необходимых для выполнения актов управления, она также не применяется в целях непосредственного принуждения за нарушение административных актов (административные кары). Целью отмены незаконных актов органов внутриколхозного управления по распоряжению колхозной собственностью является предупреждение причинения убытков колхозу или же ликвидация уже вызванных нежелательных последствий. В отношении колхозов отмена его незаконных актов является формой государственного принуждения, целью которого является охрана интересов колхозов, и у данной формы государственного принуждения нет ничего общего с государственным управлением.

³² Советское административное право под редакцией Ю. М. Козлова, Госюриздат, 1962, стр. 234.

³³ Право колхозной собственности под редакцией Н. Д. Казанцева, Госюриздат 1961, стр. 348—349; И. В. Павлов, Л. Н. Боховкина, Право колхозной собственности в СССР, изд. АН СССР, 1957, стр. 157; В. К. Григорьев, Административно-правовые способы защиты социалистической собственности, «Советское государство и право» 1949, № 8, стр. 42—45; Р. И. Кондратьев, О защите собственности сельскохозяйственных артелей колхозно-правовым способом, «Правоведение» 1963, № 4, стр. 75.

Колхозно-правовому методу охраны колхозной собственности до последнего времени уделялось недостаточное внимание как в специальной литературе, так и в практике. Колхозно-правовой метод охраны колхозной собственности являлся объектом исследования только одной специальной статьи,³⁴ а в монографиях о праве колхозной собственности только обосновывается существование этого самостоятельного метода.

К колхозно-правовому методу охраны колхозной собственности нельзя отнести деятельность и применяемые общественными организациями меры, а также сюда не относится организационная деятельность как органов внутриколхозного управления, так и государственных органов. Правовая охрана колхозно-правовым методом — это также применение предусмотренных правом форм государственного принуждения.

Так, например, в прямую обязанность ревизионной комиссии колхоза входит борьба за сохранность социалистической собственности. Однако осуществляемый ревизионной комиссией колхоза контроль — это вид общественного контроля, и право не предоставляет ревизионным комиссиям возможности применения каких-либо форм государственного принуждения.

К неправовым средствам охраны колхозной собственности относятся организация учета и хранения материальных ценностей, правильный подбор и расстановка кадров, особенно материально-ответственных лиц и др.

Дальнейшее направление в развитии правовой охраны колхозной собственности

Программа КПСС и другие документы XXII съезда КПСС развивают дальше коренные вопросы марксистско-ленинской теории и выдвигают новые важные задачи перед наукой права. Известные вредные результаты в развитии колхозного законодательства и теории колхозного права оставил период культа личности. Принятые правовые нормы сковывали инициативу колхозников, нарушали их материальную заинтересованность. Трудовую активность колхозников поднимали, главным образом, принудительными мерами. Теория колхозного права признавала все принятые в свое время нормы соответствующими интересам колхозов и колхозников и даже не пыталась пересмотреть устаревшие нормы. Определенный отпечаток культа личности лежит и на законодательстве об ответственности членов колхоза перед колхозом. Установлением строгих мер наказания надеялись укрепить трудовую дисциплину колхозов, что однако не дало результатов.

³⁴ Р. И. Кондратьев, О защите собственности сельскохозяйственных артелей колхозно-правовым способом, «Правоведение» 1963, № 4, стр. 75.

Задача теории колхозного права состоит в том, чтобы ликвидировать вредные последствия культа личности в соответствующих теоретических взглядах,³⁵ помогать законодателю выявить устаревшие и не соответствующие интересам колхозов и колхозников правовые нормы, указывать законодательным органам более прогрессивные пути решения вопросов ответственности колхозников перед колхозами.

XXII съездом КПСС выдвинут вопрос о вступлении в новый период развития как советского социалистического права, так и правовой теории. В теории права последних лет началась разработка таких больших, огромной важности проблем, как сущность и формы государственного принуждения, средства обеспечения социалистической законности, структура правовых норм и др. XXII съезд КПСС выдвинул перед юристами и ряд новых проблем, требующих теоретической разработки. Уже появились первые труды о сущности советского права, о путях перехода от правового регулирования к коммунистическому нормативному регулированию без применения государственного принуждения, о путях перерастания аппарата социалистического государства в аппарат коммунистического самоуправления и др. Все эти теоретические исследования имеют огромное значение для отдельных отраслей права. Общетеоретические исследования должны показывать направление конкретным отраслям права в их дальнейшем развитии. Общие теоретические исследования должны давать исходные положения и теоретическим исследованиям по конкретным отраслям права.

Известный недостаток исследований по колхозному праву состоит и в том, что они иногда обходят выводы исследований теории права и не учитывают их в своих трудах. Так, например, проблему о дальнейшем развитии законодательства об ответственности колхозников никак нельзя исследовать без учета тенденции дальнейшего развития принуждения и его соотношения с убеждением в социалистическом обществе. Вопрос о правах колхозов в применении мер принуждения связан с повышением значения общественных организаций в государственном строительстве в период построения коммунизма и т. д.

При дальнейшем развитии и усовершенствовании законодательства о правовой охране колхозной собственности следует, прежде всего, учесть тезисы Программы КПСС о том, что экономический расцвет колхозного строя создает условия для постепенного сближения, а в перспективе и слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность. В зависимости от развития экономических отношений

³⁵ Более подробно см. И. Ф. П а н к р а т о в, Основные пути развития колхозно-правовой мысли (1917—1929 гг.), «Правоведение» 1961, № 1; его же, Окончательно ликвидировать последствия культа личности в науке земельного и колхозного права, «Социалистическая законность» 1963, № 1.

собственности развиваются и правовые нормы, регулирующие отношения собственности. Дальнейшему развитию подвергаются все нормы, регулирующие отношения колхозной собственности, независимо от места их расположения в системе советского права. Законодательство должно учесть и то обстоятельство, что, пока не произошло полное слияние двух форм социалистической собственности, сохраняются две формы социалистической собственности, имеющие свои особенности. Законодательство должно учесть экономические особенности двух форм социалистической собственности, и чем подробнее законодательство отражает экономические особенности, тем активнее оно выполняет свою служебную роль в отношении экономических отношений.

Постепенное сближение двух форм собственности должно учитывать и дальнейшее развитие правового режима охраны колхозной собственности.

В настоящее время, когда две формы социалистической собственности всё более и более сближаются, когда в экономике социалистического государства они существуют для достижения единой цели, когда их значение уравнивается, — отпадает необходимость в определенных преимуществах при охране государственной собственности. Эту тенденцию и учло новое уголовное законодательство. Уголовным кодексом Эстонской ССР установлены единые меры наказания за все виды преступлений как против государственного, так и против общественного имущества (ст. ст. 88—98 УК ЭССР). Эту тенденцию имеют в виду и Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также гражданские кодексы, распространив принцип неограниченной виндикации и на колхозное имущество.

Однако, кроме уголовного и гражданского законодательства, существует еще ряд специальных законодательных актов, устанавливающих режим правовой охраны колхозной собственности. Специальные законодательные акты приняты в целях дополнения установленного гражданским кодексом правового режима охраны колхозной собственности и в них также нашли отражение особенности колхозной собственности. В настоящее время назрела необходимость пересмотреть специальные законодательные акты в целях сближения установленного ими правового режима охраны колхозной собственности с правовым режимом охраны государственной собственности, с одной стороны, и выявления специфики правовой охраны колхозной собственности, с другой.

Так, например в настоящее время существует различное законодательство, устанавливающее материальную ответственность за причинение ущерба имуществу колхозов и государственному имуществу в совхозах. И еще больше. По нормам трудового права несут материальную ответственность рабочие и служащие, если они причинили ущерб имуществу колхоза, а колхозники не-

сут материальную ответственность по нормам гражданского и колхозного права. Расхождения существенные. Рабочие и служащие по общему правилу несут ограниченную материальную ответственность, а колхозники — полную. По мере стирания граней между двумя формами собственности и двумя формами хозяйства возникает вопрос, оправдано ли вообще существование различного законодательства, устанавливающего материальную ответственность за причинение ущерба имуществу колхозов и государственному имуществу в совхозах. Колхозы и совхозы являются формами социалистических хозяйств и между ними нет противоречий. Прогульщики и бракоделы, наносящие ущерб социалистической собственности, должны нести одинаковую материальную ответственность независимо от того, был ли этот ущерб причинен в колхозе или в совхозе.³⁶ Еще менее оправдано существование различного порядка возмещения ущерба в колхозах в зависимости от того, является ли причинителем ущерба колхозник, или рабочий или служащий.³⁷

Кроме названных, дальнейшее развитие и усовершенствование правовой охраны колхозной собственности должны учесть и другие основные тенденции развития советской государственности и советского права в период построения коммунистического общества. Из них следует отметить то обстоятельство, что, наряду с применением или угрозой применения государственного принуждения, возрастает значение общественного принуждения и убеждения. О возрастании значения общественного принуждения говорит активная деятельность товарищеских судов в колхозах. Согласно Положению о товарищеских судах Эстонской ССР, они рассматривают дела о небрежном отношении к государственному или колхозному имуществу и о самовольном использовании государственных или общественных материалов, оборудования и транспорта, если это не повлекло за собой значительного ущерба государству или колхозу. Товарищеский суд может обязать виновного возместить причиненный неправомерными действиями ущерб на сумму не свыше пятидесяти рублей.

Большое воспитательное значение имеют общие собрания членов полеводческих и животноводческих бригад, рассматривающие нарушения трудовой дисциплины или иные проступки своих членов. Общественное мнение — большая сила. Эту силу надо использовать и всячески поддерживать.

Для общества, строящего коммунизм, характерно, что в процесс применения норм права постепенно привлекаются и общественные организации. Общественные организации занимают в

³⁶ Соответствующее предложение нами сделано уже ранее. См. В. Кельдер, «Советская юстиция» 1963, № 9, стр. 15.

³⁷ О соответствующих предложениях см. В. Кельдер, Материальная ответственность за причинение ущерба имуществу колхозов, Ученые записки ТГУ 1960, № 99, стр. 118.

системе политической организации свое особое место и вместе с государственными органами принимают участие в выполнении стоящих перед государством задач. В Программе КПСС сказано, что в период развернутого строительства коммунизма повышается роль общественных организаций. В течение всей истории социалистического общества профсоюзы, комсомольские организации и кооперации выполняли важные функции в социалистическом строительстве, используя свои специфические формы и методы работы. Дополнительно к известным функциям профсоюзов им в последние годы передан ряд новых функций. Переданные новые функции профсоюзы осуществляют своими особыми, характерными для общественных организаций, методами. Передача функций государства в руки общественных организаций без применения государственного принуждения является одним из путей перехода от социалистической государственности к общественному самоуправлению.

Но наряду с этим, государство делегирует общественным организациям иногда и такие функции, осуществление которых характеризуется еще государственным принуждением или угрозой такого принуждения. Так, например, постановлением Совета Министров СССР от 9 октября 1961 г. и постановлением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС от 22 декабря 1961 г.³⁸ право рассмотрения споров между рабочими, служащими и администрацией о возмещении предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем, либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, отнесено к компетенции профсоюзов. Решение органов профсоюза имеет для администрации обязательную силу и, в случае невыполнения решения профсоюзных органов администрацией, профсоюзные органы имеют право выдать удостоверение на принудительное исполнение решения. Хотя администрация при несогласии с решением профсоюзных органов имеет право в течение 10-дневного срока обратиться в народный суд, в ряде перечисленных в постановлении случаев решение профсоюзных органов приводится в исполнение независимо от того, обратилась ли администрация в народный суд или нет. Названными постановлениями государство передало функции, принадлежавшие раньше органам суда, общественным организациям вместе с применением соответствующих мер государственного принуждения. Государство считало возможным, что общественные организации справятся с осуществлением данной функции, но, имея в виду важность данной функции, считало необходимым обеспечить общественные организации гарантиями правильного и полного осуществления данной функции.

³⁸ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962, № 1, стр. 39.

Одной из причин того, что некоторые законодательные акты о материальной ответственности в колхозах применяются очень редко, является установленный этими актами слишком сложный порядок взыскания ущерба. Сложным, в частности, является порядок взыскания ущерба в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за поправки посевов в колхозах и совхозах».³⁹ Если причиненные поправками убытки незначительны, то колхоз предпочитает скорее умолчать о них, чем обращаться к сложному порядку привлечения виновника к ответственности. Да и судебный порядок возмещения ущерба колхозу иногда неприемлем. Обращение в суд связано с вызовом свидетелей, представителя колхоза и другими расходами, которые в сумме нередко превышают размер присуждаемого судом возмещения. На нарушение трудовой дисциплины, причинившее хотя и незначительный ущерб имуществу колхоза, также следует реагировать и немедленно. Поэтому в специальной литературе предлагалось предоставить колхозам право взыскания ущерба путем удержания соответствующей суммы из доходов причинителя ущерба. Только при несогласии виновного возместить ущерб, он должен взыскиваться в судебном порядке.⁴⁰ В целях строгого соблюдения социалистической законности и законных прав граждан порядок возмещения ущерба следовало бы строго регламентировать законодательным путем.

Несмотря на то, что колхозно-правовой метод охраны колхозной собственности существует, он еще не получил полного развития, и полностью не учтены все возможности его применения. В колхозном праве нет законодательного акта, устанавливающего правовые последствия за нарушения правового режима колхозной собственности с учетом особенностей отношений собственности в колхозах. Отсутствием специальных норм колхозного права объясняется широкое применение гражданско-правового метода охраны колхозной собственности. Нормы гражданского права применяются, например, при причинении ущерба имуществу колхоза в трудовом процессе и при применении ущерба имуществу колхоза вне всяких правоотношений, хотя между основаниями возникновения ответственности существенная разница. Если нормы гражданского права об обязательствах, возникающих из причинения вреда, вполне применимы в случаях причинения ущерба имуществу колхоза членами или нечленами колхозов вне трудовых отношений, то причинение ущерба имуществу колхоза в трудовом процессе имеет свои особенности, и применение норм гражданского права в таких случаях неоправданно. Гражданско-правовые нормы здесь распространены на не свой-

³⁹ Законодательные и ведомственные акты по сельскому хозяйству, т. I, Москва 1957, стр. 564.

⁴⁰ В. Кельдер, «Советская юстиция» 1963, № 9, стр. 14.

ственные гражданскому праву общественные отношения и они не учитывают специфику колхозных отношений. В свое время применение норм гражданского права на колхозные отношения было вызвано недостаточным развитием коллективных отношений производства и регулирующих их норм права. Но к настоящему времени колхозные отношения и регулирующие их правовые нормы развиты до такой степени, что нет необходимости применения норм другой отрасли права на самостоятельные общественные отношения.

Применением норм гражданского права на самостоятельные колхозные отношения вызваны также недостатки в совместном применении юридических санкций при охране колхозной собственности. В колхозном праве установлен вполне правильный принцип, по которому применение мер дисциплинарных взысканий в отношении колхозников не освобождает их от материальной ответственности за причинение ущерба имуществу колхоза. Как уже было отмечено, в целях достижения максимального эффекта совместно применяются различные юридические санкции. Однако в колхозном праве не всё в порядке с совместным применением юридических санкций. Дело в том, что совместно применяются гражданско-правовые санкции восстановительного характера (возмещение вреда) и меры дисциплинарных взысканий, способных также выполнить функцию восстановления нарушенных прав колхозов (меры дисциплинарных взысканий материального характера, как, например, списание трудодней). Применяемые одновременно с возмещением ущерба меры дисциплинарных взысканий должны выполнять только функцию воспитания правонарушителя и носить поэтому характер личного воздействия.

Несмотря на многочисленность законодательных актов по вопросам правовой охраны колхозной собственности, многие существенные вопросы остались нерешенными. Отметим здесь, что почти отсутствуют правовые меры, позволяющие эффективно бороться с туеядцами, прогульщиками, пьяницами, бракоделами, причиняющими своими действиями большие хозяйственные убытки колхозному производству. Этому препятствует сложность порядка взыскания причиненного ущерба, неясность в том, что является прямым ущербом в сельском хозяйстве, и другие вопросы. Серьезные недостатки в законодательстве и побудили практического работника — заведующего отделом Дубынского совхоза В. Оссина написать статью «Надо ли прощать».⁴¹ В ходе дискуссии как по поводу статьи В. Оссина, так и по поводу статьи Е. Коленова и В. Молова «Повысить ответственность за сохранность социалистической собственности»,⁴² на страницах

⁴¹ «Известия» 5 сентября 1962 г.

⁴² «Советская юстиция» 1963, № 1, стр. 4—7.

журнала «Советская юстиция» был сделан ряд ценных предложений.⁴³

Вопросами гражданско-правовой охраны колхозной собственности занимались специалисты как гражданского, так и колхозного права. Однако специалисты гражданского права ограничиваются, главным образом, анализом норм гражданского права, не уделяя достаточного внимания специальным нормам колхозного права. Специалисты же колхозного права, напротив, сосредоточили свое внимание главным образом на анализе специальных законодательных актов, не исследуя их связи с институтами гражданского права.

Вопросы гражданско-правовой охраны колхозной собственности следует изучать всесторонне, обращая внимание как на соответствующие институты гражданского права, так и на специальные законодательные акты. Комплексное изучение гражданско-правовой охраны колхозной собственности особенно необходимо в интересах будущего законодательства. Законодательство о гражданско-правовой охране колхозной собственности, безусловно, требует дальнейшего усовершенствования, и не только по отдельным вопросам, но также и в комплексе всех правовых норм. Недостатки исследований в том и состоят, что они иногда рассматривают отдельные вопросы правовой охраны колхозной собственности изолированно друг от друга. Поэтому и соответствующие предложения носят несогласованный и изолированный характер.

Вопросы гражданско-правовой охраны колхозной собственности соприкасаются со многими вопросами правового режима собственности вообще, а колхозной собственности в особенности. Так, например, порядок заключения договоров колхозами непосредственно связан с правоспособностью колхоза, материальная ответственность должностных лиц колхоза с понятием должностных лиц колхоза и т. д. Многие вопросы являются также предпосылкой решения вопросов правовой охраны колхозной собственности. И это не только в области теории, но также в области законодательства. Нельзя в законодательном порядке эффективно регулировать многие вопросы охраны колхозной собственности, если в законодательном порядке не урегулированы вопросы, имеющие исходное значение.

⁴³ «Советская юстиция» 1963, № 9, стр. 13—15; № 10, стр. 14—16.

KOLHOOSLIKU OMANDI ÕIGUSLIKE KAITSEVAHENDITE SÜSTEEM

Õigusteaduse kand. V. Kelder

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Resümee

Omandi õiguslike kaitsevahendite hulka ei kuulu kõik õiguslikud ettekirjutused ega ka kõik nende rikkumiste eest ettenähtud tagajärjed, vaid ainult kindlate tunnustega piiritletud õiguslikud vahendid. Omandi õiguslik kaitse seisneb riikliku sunni mitmesuguste vormide rakendamises omandisuhteid reguleerivate õiguslike eeskirjade rikkumise eest. Sellega erineb omandi õiguslik kaitse mitmesugustest muudest omandi kaitse abinõudest ühelt poolt ja tootmisprotsessi läbiviimise eeskirjade rikkumise eest rakendatavast sunnist teiselt poolt.

Omandi õiguslikku kaitset teostab riik sunni mitmesugustes vormides. Nende valik aga sõltub seatavast eesmärgist. Riik rakendab sundi: 1) õiguserikkuja ümberkasvatamiseks ja teiste isikute kasvatamiseks ning rikutud õiguste ennistamiseks; 2) ainult rikutud õiguste taastamiseks ja 3) õiguserikkumiste ennetamiseks. Valitud eesmärkidele vastavad riikliku sunni järgmised liigid: 1) õiguslik vastutus karistuslike ja taastavate sanktsioonide vormis; 2) rikutud õiguste taastamine õiguse sunniviisilise teostamise ja kahjulike tagajärgede likvideerimise vormis ja 3) õiguserikkumisi ennetavad abinõud.

Õiguslikule vastutusele sanktsioonide vormis on alati omane kasvatuslik eesmärk, kuid see võib ka taanduda rikutud õiguste ennistamise ees (näit. tsiviilõiguslike sanktsioonide rakendamisel).

Kasvatusliku eesmärgi olemasolu korral peab aga isik olema milleski süüdi (õigusliku süü tähenduses) ja seepärast õiguslik vastutus seisnebki õiguserikkuja käitumise hukkamõistus, tema suhtes isiklike või varaliste piiramiste rakendamises. Seevastu rikutud õiguste taastamise korral puudub süü moment, seega ka kasvatuslik vajadus ning rakendatavad sunnivahendid ei taotle isiklikku hukkamõistu, kuigi õiguslikke eeskirju on rikutud (objektiivses mõttes). Selliste vahendite hulka kuulub näiteks vindikatsiooniline hagi heauskse valdaja vastu, kahepoolne restitutsioon lepingulistest suhetes, vastutus kõrgema ohu allika poolt tekitatud kahjude eest jt. Õiguserikkumisi ennetavate abinõude puhul ei pruugi üldse veel esineda kahjulikke tagajärgi, kuid nende saabumise küllaldase reaalsuse tõttu neid rakendataksegi.

Riikliku sunni mitmesuguseid vorme rakendatakse ühiskondlike suhete kaitseks ja vastavalt kaitstavate ühiskondlike suhete iseloomule jagunevad nad üksikute õigusharude vahel. Igale õigus-

harule on iseloomulik üks põhiline riikliku sunni vorm, mis aga ei välista täiendavalt ka riikliku sunni teiste vormide kasutamist. Kuivõrd riikliku sunni rakendamise eesmärgid võivad olla mõnikord mitmesugused, siis seletub sellega ka riikliku sunni mitme vormi üheaegne rakendamine (näit. kriminaalkaristus ja kahjude heastamine).

Ühesugustes eesmärkides rakendatavad ja ühesuguse iseloomuga riikliku sunni vormid moodustavadki omandi kaitse õiguslikud meetodid ning me võime rääkida kolhoosliku omandi kriminaal-, tsiviil-, haldus- ja kolhoosiõiguslikust kaitsemeetodist.

Kolhoosiõiguslikus kirjanduses peetakse kolhoosliku omandi kolhooslikku kaitsemeetodit iseloomustavaks riikliku sunni vormiks kolhoosides rakendatavaid distsiplinaarseid mõjutusvahendeid. Sellega ei saa aga nõustuda. Distsiplinaarsed mõjutusvahendid ei vasta omandi õiguslike kaitsevahendite tunnustele. Distsiplinaarsete mõjutusvahendite rakendamine ei piirdu õiguserikkumistega omandisuhete sfääris ja nende rakendamise eesmärgiks pole ainult kasvatamine omandisse heaperemeheliku suhtumise vaimus. Distsiplinaarseid mõjutusvahendeid rakendatakse tööalaste kohustuste rikkumise sfääris töödistsipliini kindlustamise eesmärkides, olenemata omandi kahjustamise faktist. Omandisuhteid kaitsevad nad vaid kaudselt, kuivõrd igasugune töödistsipliini rikkumine võib teatud määral kahjustada ka omandisuhteid. Sõltuvalt oma eesmärgist on distsiplinaarsed mõjutusvahendid peamiselt kasvatusliku, mitte aga taastava iseloomuga.

Kolhoosliku omandi kolhoosiõiguslikus kaitsemeetodis prevalearuvad rikutud õiguste taastamine õiguse sunniviisilise teostamise ja saabunud kahjulike tagajärgede likvideerimise vormis ning õiguserikkumisi ennetavad abinõud. Seejuures on iseloomulik, et riikliku sunni neid vorme rakendavad peamiselt halduskorras kolhoose juhtivad riigiorganid ja kolhoosisisesed organid neis piires, millistes riik on kolhoosile riikliku sunni vastavate vormide rakendamise õigused delegeerinud. Halduskorras riikliku sunni vastavate vormide rakendamine ei muuda neid veel haldusõiguslikuks sunnimeetodiks, sest mitte sunni rakendamise kord, vaid tema rakendamisalala ja eesmärgid määravad meetodi olemuse.

Kolhoosliku omandi õiguslikuks kaitseks kasutatakse praegu ulatuslikult tsiviilõiguslikku kaitsemeetodit ja tsiviilõiguslikule kaitsemeetodile omased riikliku sunni vormid on laienenud ka kolhoosliku omandi spetsiifilistele suhetele. Kolhoosliku omandi praeguse arenguastme juures pole see aga kaugeltki õigustatud ja ei jäta avaldamata ka oma negatiivset mõju. Kahe omandivormi lähenedamine ei välista sugugi nende spetsiifika arvestamist, vaid vastupidi — mida paremini kajastavad õigusnormid omandivormide spetsiifikat, seda kiiremini aitavad nad likvideerida säilinud erisustel. Nii näiteks pole millegagi õigustatud tsiviilõigusliku vastutuse laiendamine kolhoosides tööülesannete täitmisel põhjusta-

tud kahjude tekkimise juhtudele. Pole õigustatud täieliku materiaalse vastutuse ja mitmesuguste varalise iseloomuga distsiplinaarsete mõjutusvahendite koosrakendamine jne.

Viga peitub selles, et kolhooslikke omandisuhteid kaitsvate riikliku sunni mitmesuguste vormide rakendamise õiguslikule reguleerimisele pole pööratud küllaldast tähelepanu.

TÖOLISTE JA TEENISTUJATE MATERIAALSEST VASTUTUSEST

Õigusteaduse kand. J. Mäll

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

1. Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse õiguslikud alused

Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programmis on öeldud, et järgneva kahe aastakümne jooksul on partei ja nõukogude rahva peamiseks majanduslikuks ülesandeks kommunismi materiaaltehnilise baasi loomine.¹

Selle ülesande täitmine toimub tööstuse ja põllumajanduse alal progressiivse tehnika ja teaduse saavutuste kõige ulatuslikuma rakendamise teel, tööviljakuse tõstmise ning loodusvarade, materiaalsete ressursside ja tööjõuresursside igakülgse ja kõige ratsionaalsema kasutamise teel.

«Tarvis on», öeldakse NLKP programmis, «igati tugevdada isemajandamist, taotleda rangeimat kokkuhoidu ja säästlikkust, kadude vähenemist, omahinna alanemist ja tootmise rentaablu suurenemist.»²

Tähtis osa selle ülesande teostamisel on täita nõukogude õigusel. NSV Liidu Konstitutsiooni 131. paragrahvis on öeldud, et NSV Liidu iga kodanik on kohustatud hoidma ja tugevdama ühiskondlikku, sotsialistlikku omandit kui nõukogude korra püha ja puutumatut alust, kui kodumaa rikkuse ja võimsuse allikat, kui kogu töörahva jõuka ja kultuurse elu allikat.

Selle konstitutsioonilise printsiibi järjekindel rakendamine on tagatud kehtiva seadusandluse väga mitmesuguste normidega, sealhulgas ka nõukogude tööseadusandluse eeskirjadega, mis reguleerivad tööliste ja teenistujate materiaalselt vastutust ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest.

Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse kui õigusliku

¹ Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm, Tallinn 1961, lk. 62.

² Sealsamas, lk. 83.

instituudi rakenduseesmärgiks on sotsialistliku omandi kaitse kindlustamine ning töötajate kasvatamine üldrahvaliku vara hoidmise ja sellesse hoolitseva suhtumise vaimus. Neid eesmärke teenides on materiaalse vastutuse instituut aga ühtlasi ka tööliste ja teenistujate palga kaitsevahendiks põhjendamata või liigsete palgast kinnipidamiste vastu.

Tööliste ja teenistujate materiaalsel vastutust reguleerivad põhiliselt Eesti NSV territooriumil kehtiva Tööseaduste koodeksi §-id 83—83⁶ ning teiste liiduvabariikide tööseaduste koodeksite vastavad paragrahvid.

Nendesse paragrahvidesse on koondatud eeskirjad, mis on kehtestatud:

1. NSV Liidu KTK ja RKN 12. juuni 1929. a. määrusega «Tööliste ja teenistujate materiaalsest vastutusest nende poolt tööandjale tekitatud kahju eest»³ ja

2. NSV Liidu KTK ja RKN 27. mai 1932. a. määrusega «Töötajate materiaalsest vastutusest materjalide, valmistoodete ja ettevõtte või asutuse vara eest, mis on töötajatele välja antud kasutamiseks»⁴ ja selle määruse rakendamiseks NSV Liidu TööRK poolt 1. juunil 1932. a. antud juhendiga.⁵

Eespool märgitud akte on real juhtudel täiendatud ja täpsustatud. Tähtsamatena nendest tuleks märkida NSV Liidu TööRK 29. oktoobri 1930. a. määrust, mis reguleerib varalise vastutuse lepingute sõlmimise korda,⁶ ja 6. novembri 1930. a. määrust, mis reguleerib rahalisi ja kaubalisi väärtusi teenindavate töötajate materiaalsel vastutust.⁷

Hilisemast seadusandlusest tuleks märkida NSV Liidu Ministrite Nõukogu 30. septembri 1958. a. määrust, millega liiduvabariikide ministrite nõukogudele ning NSV Liidu ministritele ja keskasutuste juhatajatele anti õigus kooskõlastatult UAÜKN ja NSV Liidu Ministrite Nõukogu Riikliku Töö- ja Palgaküsimuste Komiteega teha täiendusi töötajate loetelus, kellega on lubatud sõlmida täieliku materiaalse vastutuse lepinguid töötajale vastutavale hoidmisele või muuks otstarbeks väljaantud väärtuste puudujäägi eest.⁸

NSV Liidu Ministrite Nõukogu 30. septembri 1958. a. määruse alusel on Eesti NSV Ministrite Nõukogu vastavat loetelu täiendanud kahel korral, ja nimelt, 24. septembri 1959. a. korraldusega ning 1. juuni 1962. a. määrusega nr. 273 «Täienduste tegemisest nende töötajate ametialade loetelusse, kellega võib sõlmida kirja-

³ Ametiühingutöötaja käsiraamat, Tallinn 1963, lk. 399—400.

⁴ СЗ СССР 1932 г. № 40, lk. 242.

⁵ Ametiühingutöötaja käsiraamat, Tallinn 1963, lk. 400—401.

⁶ Sealsamas, lk. 401—402.

⁷ Vt. «Сборник законодательных актов о труде», Москва 1961.

⁸ СП СССР 1959, 17, 134.

likke lepinguid täieliku materiaalse vastutuse kohta neile vastutavale hoiule või muuks otstarbeks antud väärtuste puudujäägi eest.»⁹

2. Töölise ja teenistujate materiaalse vastutuse erinevus tsiviilõiguslikust vastutusest

Töölise ja teenistujate materiaalse vastutuse kui õigusliku instituudi rakenduseesmärgid määravad selle instituudi olemuse ja ta erinevuse nõukogude tsiviilõiguse normidega ettenähtud varalisest vastutusest.

Esiteks, nõukogude tsiviilõiguses kehtib üldine põhimõte, mille kohaselt tekitatud kahju kuulub hüvitamisele täies ulatuses.¹⁰ Nõukogude tööseadusandluse eeskirjade järgi kannavad töölised ja teenistujad materiaalselt vastutust üldreeglina ainult piiratud ulatuses.¹¹ Täielikku ja kõrgendatud materiaalselt vastutust kannavad töölised ja teenistujad ainult seaduses ettenähtud erandjuhtudel.

Teiseks, nõukogude tsiviilõiguse normidega on lubatud hüvitamisele kuuluva kahju suuruse vähendamine ainult erandjuhtudel.¹² Nõukogude tööõiguse eeskirjade kohaselt tuleb aga hüvitamisele kuuluva kahju suuruse kindlaksmääramisel võtta arvesse mitte ainult tekitatud kahju, vaid ka konkreetset olukorda, milles kahju tekitati, samuti töötaja varanduslikku seisundit.¹³

Kolmandaks, nõukogude tsiviilõiguses on lubatud solidaarse vastutuse rakendamine nii seaduse järgi kui ka lepingulisel alusel.¹⁴ Nõukogude tööseadusandlusega on lubatud solidaarse vastutuste rakendamine ainult nende suhtes, kes on kahju tekitanud ühiselt toimepandud kuriteo tagajärjel.

Neljandaks, nõukogude tööseadusandlusega on lubatud hüvitamisele kuuluva kahju tuvastamisel arvestada ainult seda kahju, mis on tekitatud olemasolevale varale. Seega vastutavad töölised ja teenistujad ainult lauskahju, aga mitte saamatajäänud tulu eest.¹⁵ Nõukogude tsiviilõiguse järgi aga vastutab võlgnik nii lauskahju kui ka saamatajäänud tulu eest.¹⁶

Viiendaks, töölised ja teenistujad kannavad ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest materiaalselt vastutust ainult sel juhul, kui nad on süüdi kahju tekkimises. Seejuures on keelatud

⁹ Ametiühingutöötaja käsiraamat, Tallinn 1963, lk. 403—404.

¹⁰ NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilseadusandluse alused, § 88.

¹¹ С. С. Каринский, Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому праву, Москва 1955, lk. 32.

¹² Tsiviilseadusandluse alused, § 93, mille kohaselt kohus võib kodaniku poolt tekitatud kahju heastamise suurust vähendada sõltuvalt tema varanduslikust olukorrast.

¹³ Eesti NSV territooriumil kehtiv TööK § 83⁶.

¹⁴ Eesti NSV tsiviilkoodeks § 187.

¹⁵ Eesti NSV territooriumil kehtiv TööK § 83⁶.

¹⁶ Tsiviilseadusandluse alused, § 36.

panna töötajale vastutust säärase kahju eest, mida võib arvata normaalse tootmis-majandusliku riski kategooriasse.¹⁷ Tsiiviilõigusliku vastutust aga võidakse rakendada ka sõltumata isiku süü olemasolust.¹⁸

Tsiiviilõigusliku vastutuse korral eeldatakse, et võlgnik on süüdi kahju tekitamises. Kui võlgnik tahab vabaneda kahju hüvitamise kohustusest, siis peab ta ise tõendama, et ta ei olnud süüdi kahju tekitamises.¹⁹

Tööõigusliku materiaalse vastutuse instituudi rakendamisel peab töötaja süüd tõendama ettevõtte või asutuse administratsioon ja ainult erandjuhtudel lasub vastupidise, s. t. süü puudumise tõendamise kohustus töötajal.

Kuuendaks, tööliste ja teenistujate materiaalne vastutus ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest erineb tsiiviilõiguslikust materiaalsest vastutusest ka kahjude sissenõudmise korra poolest. Kui tsiiviilõigusliku vastutuse korral kahjude sissenõudmine toimub kohtu või arbitraaži kaudu, siis nõukogude tööõigusega säti tud korra kohaselt toimub töölistelt ja teenistujatelt kahjude sissenõudmine administratsiooni korraldusel või kohtu korras.

3. Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse rakendamise tingimused

Nõukogude tööseadusandluses kehtivate eeskirjade kohaselt kannavad töölised ja teenistujad materiaalselt vastutust oma tegevusega ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest. Kuid töölised ja teenistujad ei kannu seda vastutust kõigil juhtudel, vaid ainult alljärgnevatel tingimustel korral.

E s i t e k s, töölised ja teenistujad kannavad materiaalselt vastutust ainult lauskahju, s. t. niisuguste kahjude eest, mis on tekitatud ettevõtte või asutuse olemasolevale varale. Töötajalt ei saa nõuda tema süü tõttu saamata jäänud tulude arvel tekkinud kahjude hüvitamist.

Selle põhilise nõude vastu eksitakse sageli, mille tulemusena esineb praktikas veel juhtumeid, kus töötajalt tahetakse sisse nõuda kahju, mida ettevõtte kandis näiteks töötaja süü tõttu saamatajäänud toodangu arvel. Tuleb pidada silmas, et NSV Liidu KTK ja RKN 12. juuni 1929. a. määruse p. 3 järgi kuulub hüvitamisele ainult see kahju, mis on tekkinud ettevõttele või asutusele kuuluvate varade väärtuse reaalse vähendamise tagajärjel, mitte aga saamatajäänud tulu.

Toome järgmise näite. Kod. Kaasik töötas masinatehases treialina. Ta puudus päeva ilma mõjuva põhjusega töölt. Administratsioon karistas teda tööluusi eest distsiplinaarkorras ning esitas

¹⁷ Eesti NSV territooriumil kehtiv TööK, § 83^b.

¹⁸ Tsiiviilseadusandluse alused, § 90

¹⁹ Sealsamas, §-d 37 ja 88.

rahvakohtusse hagi, milles palus töötajalt nõuda sisse kahju kogu saamata jäänud toodangu väärtuses, mis ettevõttele oli tekkinud töötaja tööluusist tingitult tööpingi seismise tõttu.

Kas administratsioon toimis antud juhul õigesti? Ei, sest saamata jäänud toodangu väärtus moodustab saamata jäänud tulu ning seda ei saa töötajalt sisse nõuda.

T e i s e k s, töölised ja teenistujad kannavad materiaalselt vastutust ainult niisuguste kahjude eest, mis on tekkinud töötaja õigusvastase käitumise tõttu. Järelikult ei vastuta töötaja kahjude eest, mis on tekkinud seadusega lubatud tegevuse tagajärjel. Näiteks, kui sanitaarjärelevalveorganid teevad korralduse riknenud toiduainete hävitamiseks, siis tekitavad nad sellega küll kahju vastavale ettevõttele või asutusele, kuid seda kahju ei saa töötajatelt sisse nõuda, sest kehtivate eeskirjade kohaselt on nad õigustatud seda tegema.

Õigusvastase käitumisega on meil tegemist sel juhul, kui töötaja on rikkunud kehtiva seadusandlusega, töösisekorra eeskirjadega, tehnilise eksploatatsiooni või ametialaste juhenditega, töölepingu või administratsiooni korraldusega temale pandud tööalaseid kohustusi. Seejuures kannavad töötajad oma õigusvastase käitumisega (kas tegevuse või tegevusetuse vormis) ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest materiaalselt vastutust, sõltumata sellest, kas neid sellise käitumise eest on distsiplinaar- või kriminaalkorras karistatud või mitte, samuti sõltumata ühiskondlike mõjutusvahendite rakendamisest.

K o l m a n d a k s, töölised ja teenistujad kannavad materiaalselt vastutust ainult niisuguse kahju eest, mille tekkimine oli kausaalselt seotud töötaja õigusvastase käitumisega. Seetõttu on igal konkreetsel juhul vaja tuvastada, kas kahju tekkimine oli töötaja käitumise tagajärjeks, kas see oli tingitud töötaja õigusvastasest tegevusest või tegevusetusest või olid selle põhjuseks juhuslikud asjaolud.

N e l j a n d a k s, tuleb pidada silmas, et töölised ja teenistujad kannavad materiaalselt vastutust ainult siis, kui nad on süüdi kahju tekkimises. Seejuures süü olemasolu tõendamise kohustus lasub üldreeglina ettevõtte või asutuse administratsioonil. Erandina eeldatakse süü olemasolu sel juhul, kui on tegemist töötajaga, kes kannab kas seaduse või lepingu järgi täielikku materiaalselt vastutust.

Töötaja süü võib esineda kas tahtluse või ettevaatamatuse vormis.

Töölised ja teenistujad kannavad materiaalselt vastutust ainult kõigi eelnevas märgitud tingimuste olemasolu korral. Kas või ühe tingimuse puudumisel langeb ära töötaja vastutus ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest.

Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse rakendamine võib toimuda mitmesugustes vormides, mis on seotud sõltuvusse ette-

võttele või asutusele tekitatud kahjude hüvitamise ulatusest. Vastavalt sellele võime kõnelda piiratud, täielikust ja kõrgendatud vastutusest kui tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse liikidest.

Käesoleva töö raames ei ole võimalik vaadelda tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse kõiki liike, mistõttu alljärgnevas käsitletakse ainult mõningaid küsimusi, mis on tõusetunud Eesti NSV territooriumil kehtiva TööK § 83 ettenähtud vastutuse kui tööliste ja teenistujate piiratud materiaalse vastutuse ühe alaliigi rakenduspraktikast.

4. Piiratud materiaalne vastutus TööK § 83 ettenähtud juhtudel

Piiratud materiaalse vastutuse all mõistame tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse juhtusid, kus nõukogude tööseadusandluse eeskirjade kohaselt on töötaja kohustatud hüvitama ettevõttele või asutusele tekitatud kahju, kuid mitte rohkem kui seaduses kindlalt piiritletud ulatuses.

Vastutuse piirmäärad on aga seaduses erinevalt piiritletud. Lähtudes vastutuse piirmäärade erinevusest, võime tööliste ja teenistujate piiratud materiaalse vastutuse juhte omakorda jaotada alaliikideks.

Piiratud materiaalse vastutuse esimese ja seejuures põhilise alaliigina võime vaadelda TööK 83. paragrahvis ettenähtud materiaalse vastutuse juhtusid.

Vastavalt TööK 83. paragrahvi eeskirjadele kannavad töölised ja teenistujad piiratud materiaalselt vastutust nende hooletuse tõttu ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude eest. Siia kuulub:

a) kahju, mis on tekkinud tootmisriistade (masinate, seadmete, instrumentide jne.) või ettevõtte või asutuse muu vara (välja arvatud materjalide, poolfabriikaatide, valmistoodete või töötaja käsutusse antud varade) rikkumise, hävimise või kaotamise tagajärjel;

b) kahju, mis on tekkinud rahasummade laekumata jäämise, dokumentide kaotamise või nende täielikult või osaliselt väärtuseks muutumise, trahvide maksmise või liigsete kulutuste tagajärjel;

c) kahju, mis on tekkinud töötajale vastutavale hoiule või muuks otstarbeks antud väärtuste puudujäägi tõttu, mis ületab ettenähtud kaonorme;

d) kahju, mis on tekkinud majanduslikeks otstarveteks väljaantud rahasummade ebaõige kasutamise tagajärjel.

Kõigil eespool toodud juhtudel vastutavad töölised ja teenistujad tegeliku kahju ulatuses, kuid mitte rohkem kui ühe kolmandiku ($\frac{1}{3}$) oma tariifse kuupalga suuruses.

Selle piirmäära rakendamine on kohustuslik kõigil piiratud materiaalse vastutuse antud alaliiki kuuluvatel juhtudel, mistõttu

ka poolte kokkuleppele ei saa siin vastutuse ulatust ei vähendada ega suurendada. Kuid vaatamata sellele tehakse praktikas siin mõnikord tõsiseid vigu. Toome selle kohta järgmise näite. Kodanik N. töötas ettevõttes autojuhina. Tema hooletuse tõttu sai auto kahjustada, millega seoses ta andis juba ette nõusoleku kõigi remondiga seotud kulude katmiseks. Kuid hiljem töötaja keeldus selle kokkuleppe täitmisest. Administratsioon pöördus rahvakohtusse ja nõudis remondiga seotud kulude täielikku hüvitamist. Rahvakohtus tunnistas pooltevahelise kokkuleppe kehtetuks, kuna see oli vastuolus TööK 83. paragrahvi eeskirjadega, ning rahuldab autojuhi vastu esitatud hagi ainult $\frac{1}{3}$ tema tariifse kuupalga ulatuses.

Praktikas esineb ka selliseid juhtumeid, kus administratsiooni nõudmisel annavad autojuhid kirjaliku kohustuse nende hooletuse tõttu tekkinud avarii tagajärjel ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude heastamise kohta täies ulatuses. Selline kokkuleppeline kohustus on tühine, kuna see on vastuolus seaduse eeskirjadega.²⁰

Nagu eespool juba öeldud, on TööK 83. paragrahvis ettenähtud piiratud materiaalse vastutuse juhtudel lubatud töötajalt sisse nõuda ettevõttele või asutusele tekitatud kahju selle tegelikus suurus, kuid mitte rohkem kui $\frac{1}{3}$ tema tariifse palga ulatuses. Seega on kahju hüvitamise piirmäär seotud siin töötaja tariifse palgamäära või ametikohajärgse palga suurusega. Selle sätte rakendamisel ei teki raskusi siis, kui töötaja ka pärast kahju tekitamist jätkab töötamist oma senisel töö- või ametikohal. Raskused võivad tekkida aga sel juhul, kui seoses kahju tekitamisega või muudel põhjustel viiakse töötaja enne kahju hüvitamist üle vähem tasutavale tööle kas ajutiselt või alaliselt.

Tekib küsimus, kas kahju sissenõudmisel tuleb neil juhtudel lähtuda töötaja tariifsest palgamäärast kahju tekitamise või selle avastamise ajal või tariifsest palgamäärast kahjude katteks töötaja palgast kinnipidamise kohta korralduse tegemise ajal?

Seda küsimust ei ole reguleeritud kehtiva seadusandlusega ja seda ei ole käsitletud ka erialases kirjanduses. Kuid praktikas võivad seda laadi küsimused tõusta küllaltki sageli. Näiteks autojuhi hooletuse tõttu tänavaliikluse eeskirjade rikkumise tagajärjel toimus avarii, mille tagajärjel purunes autokabiin. Autoinspeksioon võttis autojuhilt ära juhiloa 6 kuuks, administratsioon aga viis ta üle lukksepa ning tegi korralduse auto remondikulude katteks osa tema palgast kinni pidada. Tema kui autojuhi tariifne palk oli 90 rbl. kuus, lukksepa tariifne palk aga 63 rbl. kuus. Võttes arvesse, et töötaja oli kahju tekitanud autojuhina, tegi administratsioon korralduse pidada töötaja palgast kinni autojuhi tariifse palgamäära $\frac{1}{3}$ ulatuses.

²⁰ Vt. NSV Liidu Ülemkohtu Pleenumi määrus 1. juunist 1960. a. Vilniuse autotranspordi kontori nr. 4 hagi asjas. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1960, 6, lk. 11—13.

Töötaja sellega ei nõustunud, sest tema arvates oleks pidanud administratsioon lähtuma mitte autojuhi vaid lukksepa tariifsest palgamäärast.

Küsimus võib tekkida ka sel juhul, kui kahju tekitamine avastatakse alles pärast pikema ajavahemiku (näiteks aasta) möödumist ja kui töötaja on vahepeal viidud üle paremini tasutavale tööle.

Selle praktikast tõusnud küsimuse lahendamisel tuleks lähtuda samadest seisukohtadest, mis on aluseks ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude suuruse tuvastamisel. Teatavasti ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude suuruse kindlakstegemine toimub nendest riiklikest hindadest lähtudes, mis kehtivad kahjude sissenõudmise küsimuse otsustamise ajal.²¹ Ka palgast kinnipidamisel tuleks lähtuda sellest tariifsest palgamäärast, mille alusel toimub töötaja töö tasustamine palgast kinnipidamise kohta korralduse andmise momendil.

See seisukoht on kooskõlas ka piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakenduseesmärkidega, mille kohaselt sotsialistliku omandi kaitse ja töötaja kasvatamise kõrval on selle instituudi üheks eesmärgiks töötajale tema palga teatud osa puutumatus kindlustamine.²²

Seoses tööliste ja teenistujate piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakendamisega on praktikas üles kerkinud küsimus ka sellest, kas piiratud materiaalse vastutuse korral kannab töötaja vastutust iga kahju tekitamise konkreetse juhu eest eraldi või tuleks siin lähtuda teatud ajavahemiku või arvestusperioodi kestel tekitatud kahjude kogusummast.

Kehtivast seadusandlusest me vastust sellele küsimusele ei leia. Selle kohta puuduvad ühtsed seisukohad ka kohtupraktikas ning erialases kirjanduses on avaldatud täiesti erinevaid seisukohti.

Nõukogude tööõigusteadlane S. S. Karinski on asunud seisukohale, et piiratud materiaalse vastutuse korral kannavad töölised ja teenistujad vastutust kogu tekitatud kahju eest, kuid mitte rohkem kui $\frac{1}{3}$ oma tariifse kuuplga suuruses iga kahju tekitamise juhu eest.²³

Samale seisukohale on asunud ka Z. R. Bovšover, kes seoses käimasoleva tööseadusandluse kodifitseerimisega on teinud ettepaneku võtta sisse ka tööseaduste koodeksitesse täpsustav säte selle kohta, et töölised ja teenistujad kannavad piiratud materi-

²¹ С. С. Каринский, *op. cit.*, lk. 229.

²² Vrd. ka Ласло Надь, Материальная ответственность рабочих, служащих и предприятий за имущественный ущерб по законодательству Венгерской народной республики. — «Советское государство и право», 1962, 6, lk. 124.

²³ С. С. Каринский, *op. cit.*, lk. 93.

aalset vastutust iga kahju tekitamise juhu eest.²⁴ Seega töötaja, kes teatud ajavahemiku või arvestusperioodi jooksul on hooletuse tõttu ettevõttele või asutusele korduvalt kahju tekitanud, peaks vastutama iga kahju tekitamise juhu eest eraldi, mille tulemusena võiks kujuneda ka olukord, kus ühe kuu jooksul tekitatud kahjude eest tuleks piiratud materiaalse vastutuse korral töötajalt sisse nõuda rohkem kui $\frac{1}{3}$ tema tariifsest palgamäärast.

Täiesti vastupidisele seisukohale on asunud G. I. Tšeskis, kes väidab, et piiratud materiaalse vastutuse rakendamisel tuleks pidada silmas mitte iga üksikut kahju tekitamise juhtu, vaid kogu kahju, mis töötaja on ettevõttele või asutusele tekitanud ühe kuu jooksul, sõltumata sellest, kas see on tekkinud ühe või mitme õigusvastase teo tagajärjel.²⁵ Ta teeb ettepaneku teha vastav täiendus ka kehtiva tööseadusandluse eeskirjades selle kodifitseerimise käigus.

Seega on erialases kirjanduses avaldatud kaks täiesti erinevat seisukohta ja sellest tulenevalt on tehtud ka täiesti erinevad ettepanekud küsimuse lahendamiseks seadusandlikus korras.

Küsimuse lahendamisel tuleb silmas pidada, et piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakenduseesmärgiks on sotsialistliku omandi kaitse kindlustamise kõrval ka töötaja kasvatamine töösse kohusetundliku suhtumise vaimus. Kui me asuksime Tšeskise seisukohale, siis madaldaksime selle instituudi kasvatuslikku osatähtsust, sest tema seisukohast lähtudes võiks kujuneda olukord, kus töötaja, kes antud kuu jooksul on ettevõttele või asutusele tekitanud kahju ainult ühel juhul, kannab materiaalselt vastutust samas suuruses nagu teine töötaja, kes on sama aja jooksul korduvalt kahju tekitanud. Seega piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakendamine teeniks sotsialistliku omandi kaitse ja töötaja kasvatamise ülesannet ainult osaliselt, sest võiks kujuneda olukord, kus töötaja kannab vastutust ainult kuu algul tekitatud kahjude eest, kuna pärast seda ta antud kuu jooksul tekitatud kahjude eest sisuliselt ei kannaks enam üldse mingit vastutust. Sellist olukorda ei saa pidada õigeaks, mistõttu ka antud küsimuses peaks asuma seisukohale, mille kohaselt tööliste ja teenistujate piiratud materiaalselt vastutust tuleks rakendada eraldi igal kahju tekitamise juhul. Töötajate kasvatamise ja selle kaudu sotsialistliku omandi kaitse kindlustamise seisukohalt oleks see kahtlemata õige lahendus.

Tšeskise arvates võiks selle seisukoha rakendamine tuua endaga kaasa töötajale palga säilitamise garantiide rikkumise.

²⁴ З. Р. Бовшовер, Об упорядочении законодательства по вопросам материальной ответственности рабочих и служащих. — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. Ленина, Правоведение», выпуск 145 Ташкент 1958, lk. 58.

²⁵ Г. И. Ческис, Размер имущественной ответственности рабочих и служащих. «Труды Иркутского государственного университета имени А. А. Жданова», том XVII, серия юридическая, вып. 2, Иркутск 1956, lk. 158—159.

Kuid see on meie arvates siiski põhjendamata väide, sest materiaalse vastutuse piiramine tähendab eelkõige materiaalse vastutuse piirsuuruse sõltuvusse seadmist töötaja tariifsest palgamäärast. Vastutuse piirmäära kehtestamine aga ongi lõppastmes ka üheks palga garantiiks.

Küsimuse lahendamisel tuleks silmas pidada, et töötaja õigusvastase käitumisega ettevõttele või asutusele kahju tekitamine on ühtlasi ka töödistsipliini rikkumiseks. Kuid tööalaste kohustuste rikkumise eest kannab töötaja distsiplinaarvastutust mitte pausalselt kuu jooksul toimepandud üleastumiste eest, vaid ta kannab vastutust eraldi iga konkreetse üleastumise eest. Järelikult võiks kujuneda olukord, kus ühe ja sama kuu jooksul ettevõttele või asutusele korduva kahju tekitamise korral võiks töötaja kanda materiaalselt vastutust ainult ühel korral, kuna samal ajal tuleks teda korduva kahju tekitamise eest distsiplinaarkorras ka korduvalt karistada. Tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse instituu di rakendamisel tuleks lähtuda samadest printsiipidest, mis on kindlalt juurdunud distsiplinaarvastutuse instituu di rakendamisel. Kõike seda arvesse võttes, oleks meie arvates õige ja otstarbekas võtta Eesti NSV töökoodeksi projekti säte, mille kohaselt töölised ja teenistujad kannavad piiratud materiaalselt vastutust iga kahju tekitamise konkreetse juhu eest.

5. Kahjude sissenõudmise kord TööK § 83 ettenähtud juhtudel

TööK § 83 ettenähtud piiratud materiaalse vastutuse juhtudel võidakse kahju sisse nõuda administratsiooni korraldusel ja seejuures mitte hiljem kui ühe kuu jooksul arvates ettevõttele või asutusele tekitatud kahju avastamisest.²⁶ Kehtiva seadusandlusega ei ole ette nähtud mingisugust aegumistähtaega arvates kahju tekitamisest. Pidades silmas, et piiratud materiaalse vastutuse instituu di üheks rakenduseesmärgiks on töötaja kasvatamine, tuleks liiduvabariigi uue töökoodeksi kehtestamisel võtta sellesse säte, mille kohaselt ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude hüvitamise nõudeõigus aegub ühe aasta jooksul, arvates kahju tekitamisest.²⁷

Täpsustamist vajaks ka tekitatud kahjude avastamise mõiste, ehk teisiti öeldes, küsimus sellest, millisest momendist alates me loeme kahju avastatuks. Esimesel pilgul võib näida, et selle küsimuse lahendamisel ei teki mingeid raskusi, sest kahjude avastamise momendina vaatleme tavaliselt seda momenti, kui kahju tekitamine on teatavaks saanud. Kuid teatavaks võib see saada mitmeti. Kas me võime lugeda, et töötaja poolt tekitatud kahju

²⁶ Eesti NSV territooriumil kehtiv TööK, § 83².

²⁷ Vt. ka ENSV töökoodeksi projekt, § 134.

on avastatud juba sellest momendist alates, kui see on saanud teatavaks kahjutekitaja töökaaslase? Või on vaja, et see oleks teatavaks saanud meistrile, tsehhiülemale või koguni ettevõtte direktorile?

Võttes arvesse, et piiratud materiaalse vastutuse juhtudel võib kahjude sissenõudmine toimuda administratsiooni korraldusel, tuleks asuda seisukohale, et ettevõttele või asutusele tekitatud kahju tuleks lugeda avastatuks sellest momendist alates, kui see on saanud teatavaks ametiisikule, kellel on õigus anda korraldusi kahjude katteks töötaja palgast kinnipidamise kohta.

Kuigi eespool toodud seisukohast lähtudes on ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude avastamise momendi kindlakstegemine võrdlemisi hõlpus, võib praktikas siiski esineda juhtumeid, kus see küsimus on tunduvalt komplitseeritum. Näiteks töötaja hooletuse tõttu on ettevõttel või asutusel tulnud tasuda trahve. Võib tekkida küsimus, kas selle tagajärjel tekitatud kahju tuleb lugeda avastatuks sellest momendist, kui sai teatavaks töötaja hooletu käitumine või tuleks sellena vaadelda trahvi määramise kohta tehtud otsuse teatavaks tegemise momenti? Meie praktika on läinud selles küsimuses aga veelgi kaugemale ja on täiesti õigesti asunud seisukohale, et kahju tekitamisest saab siin kõnelda alles siis, kui ettevõtte või asutus on trahvi tasunud, kusjuures kahju tekitamine tuleb lugeda avastatuks arvates trahvi tasumise momendist.

Sama kehtib täiel määral ka niisuguste juhtude kohta, kus ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude sissenõudmine piiratud materiaalse vastutuse korral toimub ettevõttelt või asutuselt kohtuotsusega väljamõistetud summade katteks (näiteks töötaja hooletuse tõttu oma tööülesannete täitmisel kolmandale isikule tekitatud kehavigastuse tõttu tekkinud kahjude hüvitamise korral). Seaduses ettenähtud ühekuulist aegumistähtaega tuleks siin arvestada alates kohtuotsuse alusel kolmandale isikule väljamõistetud summade ülekandmisest.

Praktikas on tõusetunud küsimus, kas pärast ühekuulise tähtaja möödumist saab administratsioon TööK § 83 alusel töötajalt nõuda tekitatud kahju hüvitamist või mitte?

G. Dobrovolski on asunud seisukohale, et piiratud materiaalse vastutuse korral võib töötajalt kahjude sissenõudmine toimuda ainult administratsiooni korraldusel ja ainult seadusega ettenähtud ühekuulise aegumistähtaja jooksul.²⁸ Selle tähtaja möödalaskmisel kaotab administratsioon võimaluse ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude sissenõudmiseks. Samuti kaotab tema arvates ettevõtte või asutuse administratsioon võimaluse kahjude sissenõudmiseks sel juhul, kui töötaja lahkus töölt enne, kui administratsioon suutis asuda tema palgast kinnipidamisele.

²⁸ Г. Добровольский, Судебная практика по гражданским трудовым делам, — «Социалистическая законность» 1961, 6, lk. 49—51.

Täiesti vastupidisele seisukohale on asunud V. Panjugin. Tema arvates võib administratsioon pärast ühekuulise tähtaja möödumist pöörduda hädiga vahetult rahvakohtusse ja nõuda kahjude heastamist üldise kolmeaastase aegumistähtaja jooksul.²⁹ Oma seisukohta põhjendab ta sellega, et piiratud materiaalse vastutuse juhtudel on ühekuuline aegumistähtaeg ette nähtud ainult selleks, et anda administratsioonile võimalus kahjude sissenõudmiseks lihtsustatud korras tema enda korraldusel.³⁰

V. Panjugini esitatud seisukoht tuleneb sellest, et ta näeb tööliste ja teenistujate piiratud materiaalse vastutuse instituudis eelkõige sotsialistliku omandi kaitse vahendit. Kuid selle instituudi rakendamine peab teenima mitte ainult sotsialistliku omandi kaitse, vaid ka töötajate kasvatamise eesmärgi üldrahvalikku varasse ausa ja hoolika suhtumise vaimus.³¹ Millisest kasvatuslikust tähendusest saaks kõnelda selle instituudi rakendamisel aga näiteks sel juhul, kui töötaja tekitatud kahju avastatakse alles aasta pärast ja sellest arvates kahe aasta pärast esitatakse hagi rahvakohtusse piiratud materiaalse vastutuse korral kahjude sissenõudmiseks näiteks töötajalt, kes vahepeal on juba töölt lahkunud ja pensionile läinud. On selge, et siin ei saa enam juttugi olla töötaja kasvatamisest, vaid taotletakse ainult sotsialistliku omandi kaitse eesmärgi.

Niisugune seisukoht on kahtlemata õige kõigil täieliku materiaalse vastutuse juhtudel, kuid piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakendamisel tuleb kahelda selle otstarbekuses. Uue töökoodeksi kehtestamisel tuleks võtta sellesse sätet, mille kohaselt piiratud materiaalse vastutuse juhtudel võiks kahju sissenõudmine toimuda ainult administratsiooni korraldusel ühe kuu jooksul, arvates tekitatud kahju avastamisest, ja mitte hiljem kui aasta jooksul, arvates selle tekitamisest.³²

Nagu eespool juba öeldud, võib piiratud materiaalse vastutuse juhtudel ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude sissenõudmine toimuda administratsiooni korraldusel. Kuid ka administratsiooni korralduse alusel töötaja palgast kinnipidamiste teostamise kord on käesoleval ajal üksikutes liiduvabariikides erinevalt reguleeritud.

Vene NFSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlusega 31. jaanuarist 1958. a. kehtestati kord, mille kohaselt piiratud materiaalse

²⁹ В. Панюгин, Вопросы судебной практики по гражданским делам об имущественной ответственности рабочих и служащих, — «Социалистическая законность» 1962, 4, lk. 17.

³⁰ В. Панюгин, Вопросы судебной практики по гражданским делам об имущественной ответственности рабочих и служащих, — «Социалистическая законность» 1962, 4, lk. 17.

³¹ Vrd. Ласло Надь, Материальная ответственность рабочих, служащих и предприятий за имущественный ущерб по законодательству Венгерской народной республики. — «Советское государство и право», 1962, 6, lk. 124.

³² Vt. ka Eesti NSV töökoodeksi projekt, § 134.

vastutuse korral kuni töötaja $\frac{1}{3}$ tariifse kuupalga suuruses võib ettevõttele või asutusele tekitatud kahjud sisse nõuda administratsiooni korraldusel palgast kinnipidamiste teel. Seejuures võidakse administratsiooni korralduse täitmisele asuda alles pärast seda, kui töötaja 7 päeva jooksul, arvates korralduse teatavaks saamisest, ei ole selle vastu väielnud. Kui töötaja eespool märgitud tähtaja jooksul aga teatab oma mittenõustumisest, siis administratsioon ei või asuda kinnipidamiste teostamisele, vaid tal tuleb hiljemalt 14 päeva jooksul pöörduda avaldusega töötulide komisjoni poole ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude katteks töötaja palgast kinnipidamiste kohta nõusoleku saamiseks.

Alles siis, kui töötulide komisjon on andnud oma nõusoleku ja kui töötaja ei ole selle otsuse peale edasi kaevanud ametiühingu käitis- või kohalikele komiteele, võib administratsioon osa palgast kinni pidada.

Kuid töötulide komisjon võib ka keelduda nõusoleku andmisest või komisjonis võib kujuneda olukord, kus pooled ei jõua kokkuleppele. Kuidas talitada niisugusel juhul?

Selles küsimuses puuduvad Vene NFSV kohtupraktikas ühtsed seisukohad. Ka erialases kirjanduses on avaldatud selle kohta väga erinevaid arvamusi.

Näiteks G. Dobrovolski arvab, et juhul kui TTK on keeldunud või kui pooled ei jõudnud kokkuleppele, siis Vene NFSV kehtivate eeskirjade järgi ei saa ettevõtte või asutuse administratsioon enam mujale pöörduda, mistõttu ka ettevõttele või asutusele tekitatud kahju tuleb jätta sisse nõudmata.³³ Sellel seisukohal asus ka Vene NFSV Kohtuministeerium.³⁴

Teistsugusele seisukohale on asunud S. Karinski. Tema arvates juhul, kui töötulide komisjonis ei jõudnud pooled kokkuleppele, võib administratsioon pöörduda avaldusega ametiühingu käitis- või kohalikkude komiteesse ja sealt juba vajaduse korral edasi rahvakohtusse.³⁵ Selle seisukohaga ei saa nõustuda, kuna see on täiesti vastuolus töötulide läbivaatamise korra põhimääruse eeskirjadega, kus on öeldud, et juhul, kui töötulide komisjonis pooled ei jõua kokkuleppele, võib pöörduda ametiühingu- või kohalikkude komiteesse ainult töötaja aga mitte administratsioon.

Oma arvamist selles küsimuses on avaldanud ka nõukogude töööigusteadlane A. I. Stavtseva. Tema arvates juhul, kui töötulide komisjonis pooled ei jõudnud kokkuleppele, võib administratsioon pöörduda vahetult rahvakohtusse.³⁶

³³ Г. Добровольский, Судебная практика по гражданским трудовым делам. — «Социалистическая законность» 1961, 6, lk. 49—50.

³⁴ Sealsamas, lk. 49.

³⁵ С. Каринский, Комментарий судебной практики по гражданским делам за 1959 год, Москва 1960, lk. 47—48.

³⁶ А. И. Ставцева, Порядок рассмотрения трудовых споров, Москва 1960, lk. 38.

Sama seisukohta toetab ka V. Panjugin.³⁷

A. I. Stavtseva ja V. Panjugin põhistavad oma seisukohta sellega, et niisugune pöördumise võimalus tulenevat otseselt NSV Liidu KTK ja RKN 12. juuni 1929. a. määrusest kui üleliidulisest seadusandlikust aktist, kus p. 4 all toodud sättest tuleb järeldada, et piiratud materiaalse vastutuse juhtudel võib administratsioon töötülide komisjonis kokkuleppe mittedaavutamise korral pöörduda vahetult rahvakohtusse.³⁸

On õige, et 12. juuni 1929. a. määrus on üleliiduliseks seadusandlikuks aktiks ja seejuures eriaktiks, mis sisaldab tööliste ja teenistujate materiaalse vastutuse instituuti reguleerivaid norme, mille kõrval on selle määruse p. 4 all ära toodud ka eeskiri, mis reguleerib vaidluste lahendamise korda, mis on tekkinud seoses palgast kinnipidamistega ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude katteks.

Nii Stavtseva kui ka Panjugin vaatlevad seda p. 4 all toodud eeskirja erinormina. Kuid tegelikult ei ole see mingisugune erinorm, vaid üldise iseloomuga norm, mille kohaselt hinde-vaidekomisjonis poolte kokkuleppe mittedaavutamise korral võis ka administratsioon pöörduda vahetult rahvakohtusse.³⁹

Tuleb silmas pidada, et eriaktiga võidakse kehtestada mitte ainult erinorme, vaid ka üldnorme. Nii näiteks 12. juuni 1929. a. määruses p. 4. all kehtestatud eeskiri on üldnormiks, mis võeti samas redaktsioonis ka töötülide läbivaatamise korra eeskirjadesse.

Uue töötülide läbivaatamise korra kehtestamisega aga kaotasid vanad eeskirjad koos hilisemate täiendustega oma kehtivuse.⁴⁰ Järelikult on kaotanud oma kehtivuse ka 12. juuni 1929. a. määruse 4. p. all toodud eeskiri.

Kuigi juba eespoolöeldu põhjal on ilmne, et A. Stavtseva ja V. Panjugini seisukohtadega ei saa nõustuda, tuleks siiski juhtida veel tähelepanu mõningatele V. Panjugini esitatud argumentatsioonis esinevatele lünkadele.

V. Panjugini arvates võib administratsioon pöörduda vahetult rahvakohtusse, kui töötülide komisjonis ei saavutanud pooled kokkulepet.⁴¹ Aga kuidas talitada sel juhul, kui töötülide komisjon

³⁷ В. Панюгин, Рассмотрение трудовых споров о материальной ответственности, «Социалистическая законность» 1961, I, lk. 35. — Он же. К итогам изучения судебной практики по делам о взыскании материального ущерба, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961, 6, lk. 24—25.

³⁸ Ametiühingu aktivisti käsiraamat, Tallinn 1961, lk. 156.

³⁹ Vt. NSV Liidu KTK ja RKN poolt 29. augustil 1928. a. kinnitatud «Töötülide lepitus-vahekohtuliku ja kohtuliku läbivaatamise eeskirjad» ja NSV Liidu Töö RK poolt 12. detsembril 1928. a. kinnitatud «Hinde-vaidekomisjonide põhimäärus».

⁴⁰ NSV Liidu Ülemnõukogu Presiidiumi seadlus 31. jaanuarist 1957. a. töötülide läbivaatamise korra põhimääruse kinnitamise kohta, § 2.

⁴¹ В. Панюгин, К итогам изучения судебной практики по делам о взыскании материального ущерба. — «Бюллетень Верховного суда СССР» 1961, 6, lk. 25.

poolte kokkuleppel on keeldunud ettevõttele või asutusele tekitatud kahju katteks töötaja palgast kinnipidamise kohta nõusoleku andmisest? Nähtavasti ei saa ka Panjugini arvates administratsioon sel juhul edasi kaevata ja töötülide komisjoni otsust tuleks vaadelda lõplikuna. Igatahes oma artiklites on Panjugin hoidunud selle küsimuse käsitlemisest, kuigi järjekindel olles oleks tulnud seda teha, sest vastav analüüs oleks aidanud kogu vaidluse all olevas küsimustikus paremini orienteeruda.

Nimelt, varem kehtinud üldiste eeskirjade kohaselt võis administratsioon pöörduda rahvakohtusse, kui HVK-s pooled ei jõudnud kokkuleppele või kui kõrgemalseisev ametiühinguorgan tühistas HVK otsuse ja andis administratsioonile õiguse rahvakohtusse pöördumiseks.

Kui Panjugini arvates 12. juuni 1929. a. määruse p. 4 kehtib ka praegu, siis järjekindel olles peaks ta ka väitma, et TTK-i keelduva otsusega mittenõustumise korral peaks administratsioon pöörduma kõrgemalseisva ametiühinguorgani poole ja taotlema TTK otsuse tühistamist ning loa andmist rahvakohtu poole pöördumiseks. Sellest V. Panjugin siiski ei kõnele, sest on selge, et see oleks täiesti vastuolus töötülide läbivaatamise korra kehtivate eeskirjadega, mille kohaselt TTK otsuse võib ebaõigeks tunnistada ainult ametiühingu käitis- või kohalik komitee ja ainult töötaja kaebuse alusel.

Seda arvesse võttes asubki Panjugin seisukohale, et administratsioon võib pöörduda rahvakohtusse ainult sel juhul, kui TTK-s pooled ei jõudnud kokkuleppele. Seega tuleb välja, et Panjugini arvates kehtib 12. juuni 1929. a. määruse 4. p. all toodud eeskiri ainult osaliselt. Tegelikult aga tuleb tunnistada, et 12. juuni 1929. a. määruse p. 4 on oma kehtivuse kaotanud alates töötülide läbivaatamise korra uue põhimääruse kehtestamisega 31. jaanuarist 1957. aastast.

Töötülide läbivaatamise korra uues põhimääruses on öeldud, et piiratud materiaalse vastutuse korral palgast kinnipidamisega mittenõustumise korral võib töötaja pöörduda töötülide komisjoni vaidluse lahendamiseks üldistel alustel. Vastavalt sellele on reas liiduvabariikides, nagu Valgevenes, Ukrainas, Gruusias ja mujal otseselt ette nähtud, et piiratud materiaalse vastutuse juhtudel ettevõttele või asutusele tekitatud kahju võidakse töötaja palgast kinni pidada sõltumata tema nõusolekust. Kui töötaja leiab, et kinnipidamine on toimunud ebaõigesti, siis võib ta selle peale kaevata üldistel alustel.

Kuid liiduvabariigi seadusandlusega võib seda küsimust ka teisiti reguleerida. Näiteks Kasahhi NSV-s on liiduvabariigi seadusandlusega kehtestatud korra kohaselt lubatud ettevõttele või asutusele tekitatud kahjude katteks teostada kinnipidamisi ainult töötaja nõusolekul. Kui töötaja sellega ei nõustu, siis administrat-

sioon võib 2 nädala jooksul pöörduda hagiga vahetult rahvakoh-
tusse, minnes mööda nii töötülide komisjonist kui ka ametiühingu-
komiteest.

Kuigi liiduvabariigi seadusandlusega võib küsimusi ka selliselt
lahendada, nagu seda on tehtud Kasahhi NSV-s, tuleb siiski mär-
kida, et küsimuse niisugune lahendus on vastuolus töövaidluste
lahendamise korra edasise demokratiseerimise tendentsiga ja toob
endaga kaasa ettevõtte või asutuse kollektiivi esindajate välistam-
ise materiaalse vastutuse kohaldamisel tekkinud töötülide lahen-
damisel.

Omapärane olukord selles küsimuses on kujunenud Eesti NSV-s.
Teatavasti Eesti NSV territooriumil kehtib Vene NFSV Töösea-
duste koodeks.⁴² Vene NFSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlusega
31. jaanuarist 1958. a. viidi Vene NFSV Tööseaduste koodeksisse
sisse terve rida muudatusi. Kuid selle seadluse kehtivus ei laiene
Eesti NSV territooriumile, sest meie liiduvabariigi territooriumil
kehtivasse tööseaduste koodeksisse võib muudatusi viia sisse ainult
Eesti NSV Ülemnõukogu või tema Presiidium. Et Eesti NSV Ülem-
nõukogu ega selle Presiidium seda teinud ei ole, siis tuleb Eesti
NSV territooriumil kehtivas TööK § 83 ettenähtud piiratud materi-
aalse vastutuse juhtudel palgast kinnipidamise küsimustes lähtuda
TööK § 83² eeskirjadest Eesti NSV territooriumil kehtivas redak-
tsioonis. Kuid nii TööK § 83² kui ka üleliiduliste eeskirjadega ei ole
töötaja palgast kinnipidamiste teostamist seatud sõltuvusse tema
nõusolekust. Järelikult Eesti NSV-s võib administratsioon piira-
tud materiaalse vastutuse korral teostada palgast kinnipidamisi
sõltumata töötaja nõusolekust. Kui töötaja leiab, et kinnipidamine
on toimunud ebaõigesti, siis võib ta ise pöörduda üldistel alustel
töötülide komisjoni tekkinud vaidluse lahendamiseks.

Eesti NSV Töökoodeksi projekti 134. paragrahvis on öeldud, et
tööliste ja teenistujate poolt ettevõttele või asutusele tekitatud
kahju võib piiratud materiaalse vastutuse korral sisse nõuda admi-
nistratsiooni korraldusel palgast kinnipidamise teel ainult töötaja
kirjalikult nõusolekul.

Kui töötaja ei nõustu palgast kinnipidamisega, siis projektis
toodud eeskirjade kohaselt võib administratsioon ühe kuu jooksul,
arvates kahju avastamisest, kuid mitte hiljem kui ühe aasta jook-
sul, arvates kahju tekitamisest, pöörduda avaldusega kahju hüvi-
tamise küsimuse lahendamiseks töötülide komisjoni. Kui pooled
töötülide komisjonis kokkuleppele ei jõua, siis on administratsioo-
nil 10 päeva jooksul, arvates komisjoni istungi protokollil ära kirja
kättesaamisest, õigus pöörduda rahvakohtusse. Töötaja võib töö-
tülide komisjoni otsuse peale aga edasi kaevata töötülide lahen-
damiseks ettenähtud üldises korras.

⁴² Vt. Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlus 31. oktoobrist 1946. a.,
millega Vene NFSV Tööseaduste koodeksi kehtivus laiendati Eesti NSV territo-
oriumile alates 1. novembrist 1946. — ENSV T 1946, 53, 450.

Nähtavasti tuleks selles paragrahvis siiski teha mõningad muudatused ja nimelt selles osas, mis puudutab küsimuse lahendamist sel juhul, kui töötaja on keeldunud palgast kinnipidamise kohta oma nõusoleku andmisest.

Praeguses redaktsioonis on öeldud, et niisugusel juhul võib administratsioon pöörduda nõusoleku saamiseks TTK-sse. Samasugune säte on toodud ka NSV Liidu ja liiduvabariikide tööseadusandluse aluste projekti 37. §-s, kuid ainult selle erinevusega, et aluste projekt sellega piirubki, ilma et administratsioonile oleks tagatud võimalus edasipöördumiseks juhul, kui TTK-s pooled ei jõua kokkuleppele. Et niisugune juhus aga esineda võib, siis tahes-tahtmatult tuleb mõelda ka selle võimalikele lahendusvariantidele. Eesti NSV Töök projektis on öeldud, et administratsioon võib neil juhtudel pöörduda vahetult rahvakohtusse. Kuigi see on küsimuse teatudviisiliseks lahenduseks, tuleb siiski tunnistada, et mõnevõrra ebaõnnestunud lahenduseks, kuna neil juhtudel välistatakse ametiühingukomiteede osavõtt vaidluste lahendamisest. Kui aga administratsioonile tahetakse anda võimalus ka neil juhtudel edasipöördumiseks, siis tuleks anda talle õigus pöörduda ametiühingu käitis- või kohalikku komiteesse, kelle otsuse peale ta võiks vajaduse korral edasi kaevata juba üldistel alustel rahvakohtusse.

Kuid küsimuse lahendamine võiks toimuda ka teisiti. Kui võtta arvesse, et kommunismi laiahaardelise ehitamise perioodil järjest suureneb ametiühingute osa tööalaste küsimuste otsustamisel, siis tuleks tõsiselt kaaluda, kas meie ühiskonna praegusel arengueta-pil ei tuleks suurendada just ametiühingute osa tööliste ja teenistujate piiratud materiaalse vastutuse instituudi rakendamisel. Võttes arvesse selle instituudi rakenduseesmärke ja asjaolu, et piiratud materiaalse vastutuse alusel sissenõutavate summade suurus on suhteliselt väike, võiks seada siin kahjude sissenõudmise sõltuvusse mitte TTK vaid ametiühingukomitee nõusolekust.

Vastavalt sellele oleks töötaja palgast kinnipidamine seatud sõltuvusse kõigepealt töötaja enda nõusolekust. Kui töötaja oma nõusoleku andmisest aga keeldub, siis administratsioonile tuleks anda võimalus 14 päeva jooksul pöörduda ametiühingukomiteesse töötaja palgast kinnipidamise kohta nõusoleku saamiseks. Kui ka ametiühingukomitee keeldub nõusoleku andmisest, siis oleks see lõplik ja selle otsuse peale administratsioon ei saaks enam edasi kaevata, millega ühtlasi langeks ära ka võimalus kinnipidamiste teostamiseks antud konkreetset juhul.⁴³

Kui ametiühingukomitee aga annab oma nõusoleku palgast kinnipidamiste kohta, siis sellega mittedõustamise korral võiks töötaja kaevata vahetult rahvakohtusse.

Tuleb märkida, et antud lahendusvariandi kujundamisel on pee-

⁴³ Käesoleva artikli autor esitas siin toodud ettepanekud ka oma teaduslikus ettekandes TRÜ Oigusteaduskonna ja Eesti NSV TA Majanduse Instituudi õiguse sektori ühisel konverentsil 27. märtsil 1962. a.

tud silmas praegu kehtivat korda töötajate vallandamisel. Kui vallandamise küsimuste otsustamine on seatud sõltuvusse ametiühingukomitee nõusolekust, siis miks me ei võiks teha seda piiratud materiaalse vastutuse juhtudel töolistelt ja teenistujatelt kahju sissenõudmisel nende palgast kinnipidamise teel kuni $\frac{1}{3}$ nende tariifse kuupalga ulatuses.

О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Канд. юрид. наук И. Мял

Кафедра государственного и административного права

Резюме

В статье рассматриваются некоторые спорные вопросы, возникающие в практике при применении института ограниченной имущественной ответственности рабочих и служащих, и выдвигается ряд предложений для дополнения республиканского законодательства о труде.

Автор останавливается на вопросе о том, следует ли в случае ограниченной имущественной ответственности в пределах одной трети тарифной ставки определять размер возмещения ущерба, исходя из тарифной ставки времени причинения или обнаружения вреда или времени издания распоряжения о производстве удержания.

Имея в виду, что целью института ограниченной материальной ответственности является наряду с охраной социалистической собственности воспитание трудящихся и обеспечение сохранения определенной доли заработной платы, автор становится на точку зрения, что при производстве удержания из заработной платы следует исходить из тарифной ставки времени издания распоряжения о производстве удержания из заработной платы работника.

Далее автор касается вопроса о том, несет ли работник при ограниченной материальной ответственности ответственность за каждый конкретный случай причинения ущерба отдельно, или же следует исходить из общей суммы вреда, причиненного работником предприятию или учреждению в определенный отрезок времени или в определенный расчетный период.

По этому вопросу в литературе высказываются противоположные мнения. Автору представляется, что при применении института ограниченной материальной ответственности следует ис-

ходить из тех же принципов, что и при применении института дисциплинарной ответственности. Нельзя допустить, чтобы в случае неоднократного причинения вреда предприятию или учреждению в течение одного и того же месяца работник нес материальную ответственность лишь один раз, в то время как дисциплинарному взысканию он подвергается за каждый конкретный случай причинения вреда. Ограниченную материальную ответственность следует применять к каждому отдельному случаю причинения вреда. Соответствующее дополнение следовало бы внести и в проект Кодекса законов о труде Эстонской ССР.

В статье затрагиваются и вопросы, связанные с порядком взыскания ущерба в случае ограниченной материальной ответственности в размере до одной трети тарифной ставки.

По действующему законодательству удержания из заработной платы работника могут быть в вышеуказанных случаях сделаны не позднее одного месяца со дня обнаружения причиненного работником ущерба. Имея в виду, что одной из целей применения института ограниченной материальной ответственности является воспитание трудящихся, в статье предлагается установить в законодательном порядке и срок давности со дня причинения ущерба.

По действующему республиканскому законодательству в случаях ограниченной материальной ответственности удержания из заработной платы не поставлены в зависимость от согласия работника. Если работник находит, что удержание произведено неправильно, он может обратиться в общем порядке в комиссию по трудовым спорам.

В проекте Кодекса законов о труде Эстонской ССР (ст. 134) указано, что в случаях ограниченной материальной ответственности возмещение ущерба, причиненного рабочими или служащими предприятию или учреждению, может производиться удержанием из заработной платы лишь при наличии письменного согласия работника.

Если работник не согласен с удержанием, то администрация может в месячный срок со дня обнаружения ущерба обратиться в комиссию по трудовым спорам с заявлением о разрешении вопроса о возмещении ущерба. В случае недостижения соглашения сторон в комиссии по трудовым спорам, администрация вправе обратиться в народный суд не позднее 10-дневного срока со дня получения выписки из протокола заседания комиссии. Работник же может обжаловать решение комиссии по трудовым спорам в общем порядке, установленном для рассмотрения трудовых споров.

Автору представляется, что в проект следует внести изменение в отношении разрешения вопроса в том случае, когда работник не согласен с производством удержания.

Имея в виду, что в период развернутого строительства ком-

мунизма значительно возрастает роль профсоюзов в разрешении трудовых споров, было бы целесообразно поставить взыскание ущерба в зависимость не от согласия комиссии по трудовым спорам, а от согласия профсоюзного комитета. Если работник не согласен с производством удержания, то следовало бы предоставить администрации право обратиться в течение двухнедельного срока в фабричный, заводской, местный комитет профсоюза. Если профсоюзный комитет не дает согласия на производство удержания, то возможность производства удержания должна бы в данном случае отпасть. Если же он дает свое согласие, то работнику следовало бы предоставить право обратиться непосредственно в народный суд.

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ И ПРАВОСПОСОБНОСТЬ КОЛХОЗА

Канд. юрид. наук В. П. Кельдер

Кафедра гражданского права и процесса

Развитие колхозного производства, а особенно изменение его характера в результате предпринятых партией мероприятий, дали ученым повод для более конкретного изучения правового положения колхозов. В специальной юридической литературе появились первые статьи, рассматривающие правоспособность колхоза не только в аспекте юридического лица по гражданскому праву, а в аспекте субъекта права вообще. Подобные попытки следует только приветствовать. Они способствуют более подробной правовой регламентации правового положения колхозов, выявлению места колхозов в системе субъектов советского права и определению их прав и обязанностей. Изучение правового положения конкретных субъектов социалистического права дает определенный вклад и в общую теорию права, поскольку выводы общей теории права должны опираться на конкретные материалы отдельных отраслей права. Вопрос о правовом положении колхозов представляет особый интерес и потому, что колхозы являются субъектами самых различных правоотношений.

Долгое время правоспособность колхоза определялась как его право приобретать такие права по имуществу, вступать в такие обязательства и заключать такие сделки, которые связаны с выполнением зафиксированных в уставе целей и задач.¹ При этом не оговаривалось, имеется ли в виду правоспособность колхоза как юридического лица по гражданскому праву или правоспособность колхоза как субъекта права вообще.

В последнее время в литературе правоспособность колхоза определяется значительно шире. Не давая определения правоспособности колхоза, А. А. Рускол включает в нее следующие

¹ А. М. Каландадзе, Правовые формы хозяйственной деятельности в колхозах, Госюриздат, 1959 стр. 20; Н. Д. Казанцев и др., Право колхозной собственности, Госюриздат, 1961, стр. 76—77 (автор соответствующей главы И. В. Павлов).

стороны деятельности колхоза: право на получение земли в пользование (земельная правоспособность), право на имущество (имущественная правоспособность), право заниматься основными и дополнительными отраслями сельскохозяйственного производства, право организовать подсобные предприятия, право участвовать в советской торговле, право использовать труд своих членов (трудовая правоспособность) и проявляемая в различных формах правоспособность колхоза в области культурного строительства на селе.² М. И. Козырь также определяет правоспособность колхоза как способность обладать правами, позволяющими вступить во все дозволенные законом земельные, имущественные, трудовые, управленческие и иные отношения как внутри артели, так и во вне в соответствии с его уставными целями и задачами.³ Подвергая более подробному анализу имущественную правоспособность колхоза, автор включает в нее права и обязанности колхоза как собственника и как хозяйственного субъекта.

Из сказанного явствует, какие существенные разногласия встречаются как в самом определении понятия правоспособность колхоза, так и ее объема. Авторы соответствующих исследований говорят об имущественной правоспособности колхоза как юридического лица, как хозяйствующего субъекта, как субъекта права собственности, как субъекта права и т. д., не давая более конкретного определения содержания этих понятий и не включая эти понятия в единое целостное учение о правосубъектности и правоспособности колхоза.

Представляется, что при исследовании правосубъектности и правоспособности колхоза нельзя не использовать богатый материал научных исследований проблемы правосубъектности и правоспособности в теории гражданского права и в общей теории права. Решение таких вопросов, как соотношение правосубъектности и правоспособности, соотношение правоспособности и субъективных прав, общая и отраслевая правоспособность, правоспособность субъекта права и юридического лица и др. имеет существенное значение в деле рассмотрения указанных общих понятий в их практической применимости.

В общих определениях понятия правоспособности в литературе особых разногласий не наблюдается. Правоспособность определяется как способность иметь права и нести обязанности или как возможность участвовать в правовых отношениях.⁴ Самые различные высказывания наблюдаются по поводу соотноше-

² А. А. Рускол, Колхозные правоотношения в СССР, Госюриздат, 1960, стр. 98—107.

³ М. И. Козырь, Расширение имущественной правоспособности колхозов на современном этапе, «Советское государство и право» 1961, № 7, стр. 47.

⁴ С. А. Голунский и М. С. Строгович, Теория государства и права, Москва 1940, стр. 276; Теория государства и права, Госюриздат, 1955,

ния правосубъектности и правоспособности. Одни авторы полагают, что правосубъектность и правоспособность — понятия равнозначные.⁵ По мнению других авторов, правосубъектность и правоспособность не совпадают. А. В. Венедиктов и О. С. Иоффе связывают эти два понятия с понятием дееспособности. По мнению А. В. Венедиктова правоспособность и правосубъектность совпадают только в тех отраслях права, где правоспособность возникает без дееспособности. Там, где право- и дееспособность возникают одновременно, правосубъектность включает в себя как правоспособность, так и дееспособность.⁶ По мнению О. С. Иоффе правосубъектность всегда включает в себя и дееспособность.⁷

С понятием дееспособности не связываются правосубъектность и правоспособность у А. В. Мицкевича. По его мнению правосубъектность и правоспособность отличаются по объему тех прав и обязанностей, на основании которых возникают соответствующие субъективные права и обязанности. Правоспособность содержит в себе лишь общие права и обязанности, служащие абстрактной предпосылкой возникновения субъективных прав и обязанностей в социалистических правоотношениях. Правосубъектность — понятие широкое и включает в себя как совокупность общих прав и обязанностей (правоспособность), так и определенные по содержанию права и обязанности, непосредственно вытекающие из действия советских законов.⁸

Как нам представляется, правосубъектность и правоспособность — теоретические категории, которые как общие определения являются выражением различных объективных явлений и поэтому как понятия совпадать не могут. Другое дело —

стр. 411; А. М. Денисов, Теория государства и права, Госюриздат, 1948, стр. 459; С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, Госюриздат, 1958, стр. 84—85; С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950, стр. 5—6; Н. Г. Александров, Законность и правоотношение в советском обществе, Госюриздат, 1955, стр. 134—135; О. С. Иоффе, Советское гражданское право, Ленинград 1958, стр. 81.

⁵ С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950, стр. 6; Его же. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав, «Советское государство и право», 1949, № 8, стр. 36; М. М. Агарков, Обязательства по советскому гражданскому праву, Ученые труды ВИЮН, в. III, стр. 70; Н. Г. Александров, Законность и правоотношение в советском обществе, Госюриздат, 1955, стр. 134; Ю. К. Голстой, К теории правоотношения, изд. ЛГУ, 1959, стр. 11; Я. А. Ямпольская, О субъективных правах советских граждан и их гарантиях, «Вопросы советского государственного права», Изд. АН СССР, 1959, стр. 143.

⁶ А. В. Венедиктов, О субъектах социалистических правоотношений, «Советское государство и право» 1955, № 6, стр. 21—22.

⁷ О. С. Иоффе, Спорные вопросы учения о правоотношениях, «Очерки по гражданскому праву», Изд. ЛГУ, 1957, стр. 55; Его же, Советское гражданское право, изд. ЛГУ, 1958, стр. 86. Его же, раздел IV — Гражданское право — сборник «40 лет советского права», Изд. ЛГУ, 1957, т. II, стр. 213.

⁸ А. В. Мицкевич, Субъекты советского права, Госюриздат, 1962, стр. 29—30.

формы их практического проявления; иными словами, проявляются эти различные свойства одного и того же явления всегда одновременно или же они могут выступать изолированно друг от друга.

Если правоспособность — есть способность лица быть носителем прав и обязанностей, то правосубъектность — есть способность быть участником правоотношений. Чтобы участвовать в правоотношениях, субъект должен иметь определенные свойства. Одно из них — правоспособность. Нельзя быть участником правоотношений без обладания правоспособностью. Правоспособность и правосубъектность — тесно связанные между собой явления, и первое из них является предпосылкой второго.

Правоспособность является одним из необходимых качеств правосубъектности и поэтому всегда свойственна любому субъекту права. Поскольку правоспособность является лишь качеством правосубъектности, притом не единственным, то при теоретическом анализе о совпадении этих явлений разговора быть не может. Не могут же совпадать само явление и только одно его, хотя и необходимое, качество.

Правосубъектность лиц и организаций зависит от определенных общественных и юридических качеств лиц или их коллективов. Не любые коллективы или соединения лиц признаются советскими законами субъектами права. Коллективный субъект права — это такое признаваемое законом общественное образование, которое обладает единством воли и цели, обеспеченным определенной системой его организации.⁹ Если для признания правосубъектности лиц или организации необходимы одни — общие качества, то для признания правосубъектности по конкретным правоотношениям требуются еще дополнительно — специальные качества. Так, например, субъектами гражданских правоотношений могут выступать не любые коллективы, за которыми признана правосубъектность, а только субъекты, признанные юридическими лицами. Юридическим лицом, т. е. субъектом гражданского права, закон признает только такие организации, которые обладают обособленным имуществом, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде, арбитраже или в третейском суде (ст. 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Организации признаются юридическими лицами в целях осуществления ими оперативно-хозяйственной деятельности.

Однако не все государственные организации во всех отношениях признаются юридическими лицами (напр. государственные учреждения), хотя они участвуют в других правоотношениях,

⁹ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР, 1948, стр. 589—593; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961, стр. 205.

где для них, как субъектов права, характерны иные качества. Так, например, органы советского государства являются субъектами государственных и административных правоотношений и для них характерна исполнительная и распорядительная деятельность. Субъектами финансового права признаются только такие предприятия, организации и учреждения, которые имеют самостоятельные источники доходов, бухгалтерский учет и расчетные счета в кредитном учреждении.¹⁰

Таким образом, правоспособность является общим обязательным свойством всех субъектов права, но не единственным. Кроме правоспособности, правосубъектность характеризуется еще другими признаками, определяемыми конкретными правоотношениями. Требования, предъявляемые участникам конкретных правоотношений, не являются их субъективными правами. Они являются свойствами, необходимыми для вступления в правоотношения, свойствами, необходимыми для обладания субъективными правами и обязанностями. Определенное положение субъектов в правоотношениях предопределяет объем их субъективных прав и обязанностей. Одно соединение, способное быть участником правоотношений, может выступать в качестве субъекта нескольких правоотношений, например, гражданских, трудовых, финансовых, административных и в каждом конкретном случае ему предъявляются определенные требования, хотя по общему правилу соединение способно быть участником правоотношений.

Каким путем субъект реализует предоставленные ему права и обязанности — иной вопрос. Осуществление предоставленных субъекту прав и обязанностей и приобретение новых прав и обязанностей достигается или путем предоставления субъекту дееспособности, или иным путем. Дееспособность, наряду с правоспособностью, также является свойством правосубъектности, но не обязательным. Правоспособность и дееспособность — самостоятельные качества правосубъектности. Поскольку правоспособность и дееспособность самостоятельные качества правосубъектности, то они совпадать не могут. Иное дело, что в практическом осуществлении они могут выступать одновременно. Если одни или другие свойства присущи одному и тому же явлению, то естественно они всегда выступают одновременно. Но если одно свойство для явления необязательно, то значит при отсутствии данного свойства явление еще не становится данным явлением. Такое качество правосубъектности и есть дееспособность.

Кроме дееспособности, закон предусматривает и иные пути осуществления предоставленных субъекту прав и обязанностей. Если же предоставленные недееспособному лицу права и обязанности осуществляется, например, через представительство,

¹⁰ Советское финансовое право, Госюриздат, 1961, стр. 53—54.

то это вообще не означает, что недееспособное лицо не является субъектом правоотношения. Так, например, специфика процессуального положения сторон в гражданском процессе определяется тем обстоятельством, что они являются предполагаемыми субъектами спорного материального правоотношения. Исходя из этого, истцом, например, по спорам об алиментах несовершеннолетним детям является несовершеннолетний ребенок, как предполагаемый управомоченный субъект спорного материального правоотношения. Иск предъявляется в защиту нарушенного или оспариваемого субъективного права, принадлежащего ребенку, притом независимо от того, возбуждается ли дело самим несовершеннолетним, или же лицом или органами, уполномоченными на то законом.¹¹ Ребенок остается истцом независимо от того, признаем ли мы его право обращения к суду за защитой гражданской процессуальной правоспособностью или гражданской правоспособностью.¹²

Какие выводы мы должны сделать из сказанного в отношении колхозов? 1) Колхозы являются такими соединениями, которые законом признаны субъектами права; они обладают специальным качеством — способностью быть носителями прав и обязанностей, а следовательно, также и способностью — быть участниками правоотношений; 2) в качестве субъекта права колхоз участвует в различных правоотношениях, где содержание его правоспособности определяется соответствующими отраслями права; 3) как субъект гражданских правоотношений колхоз выступает в качестве юридического лица и его гражданская правоспособность составляет только одну сторону из его общей правоспособности.

Таким образом, при определении содержания правоспособности колхоза следует обратиться к различным отраслям права и не следует довольствоваться только нормами колхозного или гражданского права.

Гражданская правоспособность колхоза составляет самую важную сторону из общей правоспособности колхоза. Гражданская правоспособность юридических лиц определяется теми конкретными целями, для достижения которых они образованы. Основной целью колхоза является развитие высокопроизводительного сельскохозяйственного производства. Производство сельскохозяйственных продуктов — основная задача колхозов. Процесс сельскохозяйственного производства — сложное общественное явление, оно охватывает как основные, дополнительные, так и вспомогательные отрасли производства и связано с различными другими отраслями народного хозяйства.

¹¹ Э. Салумаа, Судебные споры об алиментах несовершеннолетним детям. Ученые записки ТГУ, в. 92, Тарту 1960, стр. 65.

¹² Е. А. Флейшиц, Соотношение правоспособности и субъективных прав, «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 277.

В целях осуществления процесса хозяйственной деятельности, закон наделяет колхозы правами двоякого рода. Во-первых, закон устанавливает права и обязанности колхоза в деле организации своей внутрихозяйственной деятельности и, во-вторых, закон устанавливает права и обязанности колхоза в производственно-хозяйственных отношениях с другими хозяйствующими субъектами. Внутренняя деятельность колхоза регулируется его уставом, правилами внутреннего распорядка и законодательными актами, содержащими или прямые предписания, или рекомендации. В законодательном порядке регулируется процесс хозяйственной деятельности колхоза, процесс организации и оплаты труда, порядок распределения доходов и др. Указанные нормы в основном содержатся в колхозно-правовых законодательных актах и определяют правоспособность колхоза как субъекта колхозно-правовых отношений в части его внутренней деятельности. Безусловно, не все нормы, регулирующие порядок внутрихозяйственной деятельности колхоза, относятся к нормам, устанавливающим правоспособность колхоза, а только те из них, которые устанавливают общие права и обязанности колхоза в ведении внутрихозяйственной деятельности.

Правоспособность колхоза как юридического лица отличается от правоспособности государственных юридических лиц именно тем, что колхозы могут быть субъектами права собственности в то время, как государственные юридические лица являются только пользователями государственной собственности и осуществляют ее оперативное управление. Конкретные права и обязанности колхоза как собственника значительно шире прав и обязанностей государственных юридических лиц. Права и обязанности колхоза, как собственника, охватывают не только область владения и пользования собственностью, а также права и обязанности по поводу распоряжения колхозной собственностью. Права и обязанности колхоза в отношении собственности также устанавливаются как нормами колхозного, так и нормами гражданского права. Нормы колхозного права предусматривают права и обязанности колхоза как собственника во внутриколхозных отношениях, нормы гражданского права — в отношениях собственности с другими хозяйствующими субъектами.

Авторы, определяющие содержание правоспособности юридических лиц, подчеркивают, что правоспособность юридических лиц выражается в совершении таких сделок, которые непосредственно связаны с деятельностью юридического лица.¹³ Однако при рассмотрении конкретной деятельности юридических лиц они выходят за пределы юридических сделок и включают в содержание их правоспособности, кроме прав и обязанностей по

¹³ С. Н. Братусь, *Субъекты гражданского права*, Госюриздат, 1950, стр. 194—200.

заключению различных сделок, еще и права юридического лица по хозяйственной деятельности. Так, например, раскрывая правоспособность кооперативных организаций, С. Н. Братусь ссылается на постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г., которым запрещена организация при колхозах промышленных предприятий, не связанных с сельскохозяйственным производством. Этим автор дает повод включать в содержание правоспособности колхоза, как юридического лица, также его право заниматься теми или другими отраслями производства.

Короткое положение О. А. Кичатовой, по которому раскрытие содержания понятия «хозяйственные предприятия колхозов» означает уточнение пределов правоспособности колхоза как юридического лица, можно также понимать в том смысле, что содержание правоспособности колхоза как юридического лица охватывает и его право организовывать хозяйственные предприятия.

Представляется, что содержание правоспособности юридических лиц не исчерпывается только юридическими сделками. Не юридические сделки создают облик деятельности юридических лиц, не заключение сделок является содержанием основной деятельности юридических лиц, а их хозяйственная деятельность, по поводу чего и возникают соответствующие правоотношения. Рамки хозяйственной деятельности также устанавливаются законом. Содержанием специальной правоспособности юридических лиц, безусловно, не является хозяйственный процесс как экономическое явление, а право заниматься теми или другими отраслями производства.

Исходя из соединяющих признаков, мы могли бы дозволенную законом многообразную хозяйственную деятельность колхоза распределить на следующие отрасли:

а) хозяйственная деятельность колхоза, направленная на непосредственное производство сельскохозяйственных продуктов (растениеводство, животноводство, садоводство и др.) — основные и дополнительные отрасли производства;

б) хозяйственная деятельность колхоза, связанная с производством продуктов сельского хозяйства (строительство, ремонт сельскохозяйственной техники и т. д.) — подсобные отрасли производства;

в) хозяйственная деятельность колхоза, направленная на хранение и переработку сельскохозяйственной продукции;

г) хозяйственная деятельность колхоза, направленная на культурно-бытовое обслуживание своих членов.

Исходя из сказанного, содержание специальной правоспособности колхоза как юридического лица могло бы быть определено как право осуществления правомочий собственника, как право заниматься основными, дополнительными и подсобными отраслями производства, как право обслуживания культурно-

бытовых нужд своих членов и как право вступать в гражданско-правовые отношения по поводу своей целевой хозяйственной деятельности.

А. А. Рускол приводит в качестве одной из сторон правоспособности колхоза его право участвовать в советской торговле и его правоспособность в области культурного строительства на селе. Указанные стороны правоспособности колхоза являются лишь элементами содержания гражданской правоспособности колхоза и не выступают в качестве самостоятельной стороны правоспособности колхоза. К этому следует добавить, что деятельность колхоза в области культурного строительства на селе не исчерпывается хозяйственной деятельностью. Колхоз выполняет также функцию коммунистического воспитания как своих членов, так и вообще сельского населения. Коммунистическое воспитание — разносторонняя деятельность, однако эту функцию колхозы выполняют не как юридические лица, а как добровольные соединения трудящихся, как любой коллектив в отношении своих членов, как субъект права в широком смысле.

Гражданскую правоспособность юридических лиц принято называть имущественной правоспособностью, и они якобы по объему совпадают. Однако это не так. Имущественная правоспособность, как и имущественные отношения, значительно шире, чем гражданская правоспособность. Не только установленные гражданским правом права и обязанности носят имущественный характер. Колхозы являются носителями не только гражданских имущественных прав и обязанностей, но одновременно и носителями других имущественных прав и обязанностей. Колхозы являются носителями еще таких имущественных прав и обязанностей, как колхозные, земельные, трудовые и пр. Носителями имущественных прав и обязанностей, не являющихся гражданско-правовыми, колхозы выступают не в качестве юридического лица, а в качестве субъекта соответствующих прав и обязанностей.

Имущественные земельные права и обязанности колхоза устанавливаются нормами земельного права. Земля в социалистическом обществе является государственной собственностью и предоставляется субъектам только в пользование. Государство, как собственник земли, осуществляет распоряжение земельным фондом и как собственник имеет право дать землепользователям обязательные указания, а также осуществлять контроль над землепользованием с правом применения ответственности. Земля выделяется колхозам только в специальных целях, в целях развития сельскохозяйственного производства. В целях максимального и эффективного использования земли государство наделяет субъекты землепользования определенными правами и обязанностями. Так, например, законодательство предоставляет колхозам право производить посевы сельскохозяйственных культур, возводить строения, выделять земельные участки колхозным дво-

рам, рабочим и служащим, предоставлять земельные участки во временное пользование другим юридическим лицам, обмениваться земельными участками и др. В то же время колхоз обязан использовать выделенную им землю только по целевому назначению, осуществлять ряд мероприятий в целях максимального и эффективного использования земли и т. д. Часть из перечисленных прав и обязанностей колхоз осуществляет как хозяйствующий субъект, как юридическое лицо. Сюда относятся права и обязанности, установленные для проведения внутрихозяйственного производственного процесса. Земля — основное условие развития сельскохозяйственного производства и, таким образом, основное условие для выполнения стоящих перед колхозом как юридическим лицом цели и задач.

Как субъекты землепользования колхозы вступают в специальные земельно-правовые отношения. Их права и обязанности в отношениях с государством и другими землепользователями устанавливаются нормами земельного права. В специальных земельно-правовых отношениях колхоз выступает уже как субъект земельно-правовых отношений, а не как юридическое лицо. Государство, как собственник земли, не находится с колхозом в равноправных имущественных отношениях, носящих товарно-денежный характер. Государство, как собственник земли, не интересуется всей хозяйственной деятельностью колхоза, а через свои органы дает обязательные предписания колхозу как землепользователю и проверяет их соблюдение. В отношениях с другими землепользователями колхоз также выступает не как юридическое лицо, а как носитель земельных прав и обязанностей. В земельно-правовых отношениях с другими землепользователями колхоз вступает не в целях осуществления своей хозяйственной деятельности, а в целях осуществления возложенных на него земельным законодательством прав и обязанностей. Отсюда и иной порядок юридического оформления земельных отношений.

Многие права и обязанности колхоза закрепляются нормами финансового права. Нормы финансового права фиксируют права и обязанности колхозов в отношениях с государством. Сюда относятся права и обязанности по подоходному налогу, по кредитованию колхозов, по страхованию колхозного имущества. В то же время нормы колхозного права регулируют порядок пользования и распоряжения колхозом своими денежными средствами.

В деле организации трудового процесса колхозы также имеют определенные права и обязанности. Трудовые отношения колхозов со своими членами регулируются нормами колхозного права, а отношения с рабочими и служащими — нормами трудового права.

Все вышеуказанные права и обязанности колхозов являются имущественными, и правоспособность по всем имущественным отношениям также является имущественной правоспособностью.

Имущественная правоспособность колхоза включает в себя и гражданскую правоспособность колхоза как юридического лица.

Кроме имущественных отношений, колхоз вступает и в отношения неимущественного характера. Сюда относятся отношения колхозов с органами государственного руководства.¹⁴ В отношениях с органами государственного руководства колхозы также имеют свои права и обязанности.

Определение содержания правоспособности колхоза как субъекта права вообще и как юридического лица в частности имеет большое практическое значение в деле решения вопроса о правомерности возникающих юридических отношений. Хотя колхоз может выступать в качестве субъекта многих правоотношений, в каждом конкретном случае его права и обязанности определяются законом. Так, например, земля предоставляется колхозам только в пользование и им не предоставлено право распоряжения землей. Следовательно, колхоз не может вступить в правоотношения по поводу распоряжения землей.

Определение понятия и установление содержания правоспособности колхоза имеет практическое значение не только в деле установления характера юридических отношений колхозов с другими субъектами права, но и в деле организации их внутривозьездной деятельности. Некоторые предоставленные колхозу права и обязанности он реализует в своей хозяйственной деятельности без вступления в правоотношения с другими субъектами права. Так, например, колхозу предоставлены определенные права и обязанности по внутривозьездному планированию. Эти права и обязанности колхоз реализует без вступления в правоотношения с субъектами извне. И здесь колхоз обязан придерживаться предоставленных ему нормами объективного права пределов осуществления прав и обязанностей, определяющими его правоспособность во внутренней деятельности.

Гражданская правоспособность колхоза имеет практическое значение при определении соответствия его деятельности целям и задачам юридического лица и правомерности заключения различного рода гражданско-правовых сделок. Сделки, совершаемые юридическими лицами с нарушением их специальной правоспособности, в юридической литературе именуется внеуставными¹⁵ (ст. 53 ТК ЭССР).

¹⁴ Мы согласны с С. Н. Братусем в том, что своей организационной деятельностью государственные органы создают и обеспечивают предпосылки и условия для нормальной хозяйственной деятельности колхозов, и организационные отношения являются лишь предпосылкой возникновения имущественных отношений. С. Н. Братусь, Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР, «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 104.

¹⁵ Д. М. Генкин, Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. Ученые записки ВИЮН, в. V, Москва 1947, стр. 43; С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950, стр. 197.

KOLHOOSI ÕIGUSSUBJEKTSUS JA ÕIGUSVÕIME

Õigusteaduse kand. V. Kelder

Tsiviilõiguse ja -protsessi kateeder

Resümee

Õiguslalases kirjanduses piirduti pikemat aega kolhoosi õigusvõime käsitlemisel tema kui juriidilise isiku õigusvõime vaatlemisega. Kolhoosliku tootmise pidev areng ja eriti selle mitmekesisustumine tõstab aga paratamatult üles küsimuse kolhoosist kui õigusuhete subjektist laiemas tähenduses ja ühtlasi ka tema õigusvõimest mitmesugustes õigussuhetes. Praktiliselt on see vajalik kolhoosi õigustuste ja kohustiste kindlaksmääramisel mitmesugustes õigussuhetes, sealhulgas ka tsiviilõiguslikes suhetes ning nende suhete õigel kvalifitseerimisel.

Kolhoosi õigussubjektsuse ja õigusvõime määratlemisel tuleks lähtuda õigussubjektsuse ja õigusvõime üldmõistetest, milledes aga teooria kahjuks pole seni suutnud asuda ühtsetele seisukohtadele.

Artiklis lähtutakse eeldusest, et õigussubjektsus ja õigusvõime on erinevaid objektiivseid asjaolusid tähistavad mõisted, erinevad teoreetilised kategooriad ja seepärast mitte kattuvad. Iseasi, et nad oma praktilises teostatuses esinevad alati koos ja üheaegselt.

Õigusvõime on isiku võime olla õigustuste ja kohustiste kandjaks, õigussubjektsus aga võime olla õigussuhete osaline. Õigusvõime on õigussubjektsuse vajalikuks omaduseks, kuid mitte ainsaks. Õigussubjektsuse omaduseks võib olla ka teovõime, kuid erinevalt õigusvõimest, mittevajalik. Õigusvõimne õigussubjekt võib astuda õigussuhetesse ka teovõime puudumisel ja tema õigustused ja kohustised teostatakse teistsugusel teel.

Õigusvõimne isik (füüsiline või juriidiline) võib olla mitmesuguste õigussuhete osaline ja tema õigusvõime sisu konkreetsetes õigussuhetes määratakse konkreetse õigusharu normidega.

Kolhoos on selliseks koondiseks, mis on seadusega tunnistatud õigussubjektiks, seega võimeliseks kandma õigustusi ja kohustisi ning võimeliseks olla õigussuhete osaliseks. Õigussuhete subjektina esineb kolhoos mitmesugustes õigussuhetes, kus tema õigusvõime sisu määratletakse konkreetsete õigusharudega. Tsiviilõiguslikes suhetes esineb kolhoos juriidilise isikuna ja tema tsiviilõigusvõime on vaid osa tema üldisest õigusvõimest.

Kolhoosi kui juriidilise isiku õigusvõime on oma iseloomult varaline õigusvõime, kuid kolhoosi varaline õigusvõime on laiem kui vaid tsiviilõigusvõime. Nii on varalise iseloomuga kolhoosi õigusvõime ka maa- ja tööõiguslikes suhetes, kuigi kolhoos neis suhetes ei esine alati juriidilise isikuna.

Kolhoosi tsiviilõigusvõime määratletakse tema loomise ja eksisteerimise eesmärkide ja ülesannetega. Ei saa nõustuda üldlevinud väitega, et kolhoosi kui juriidilise isiku õigusvõime väljendub vaid tema võimes astuda mitmesugustesse tsiviilõiguslikesse tehingutesse. Tsiviilõiguslikud tehingud on küll juriidilise isiku õigusvõime tähtsaim avaldusala, kuid mitte ainus. Mitte ainult tsiviilõiguslikud tehingud ei iseloomusta juriidilise isiku tegevust, ei anna talle ilmet, ei näita tema eesmärke ja ülesandeid. Meie arvates kuulub juriidilise isiku õigusvõimesse selle osistena ka tema õigused ja kohustused tegelda oma eesmärkidele ja ülesannetele vastava tegevusega. Mitte ainult tsiviilõiguslike tehingute hindamisel ei lähtu me juriidilise isiku õigusvõime piiridest, vaid ka tema tegevuse hindamisel üldse on vajalik lähtuda juriidilise isiku õigusvõimest.

Eelöeldu alusel võiks kolhoosi kui juriidilise isiku õigusvõimet määratleda omaniku õigusena teostada kõiki omandiõiguse funktsioone, õigusena tegelda põhi-, täiendavate ja abitootmisharudega, õigusena tegelda oma liikmeskonna elukondlik-kultuurilise teenindamisega ja õigusena astuda oma eesmärkidest ja ülesannetest tulenevatesse tsiviilõiguslikesse suhetesse.

Eeltoodud õigusvõime määratluse alusel on lahendatav mitte ainult küsimus sellest, kas ühed või teised kolhoosi sõlmitud tehingud vastavad tema õigusvõimele või mitte, vaid ka küsimus sellest, milliste aladega, tootmisharudega jne. võib kolhoos tegelda.

Peale tsiviilõiguslike suhete astub kolhoos veel maa-, finants-, haldus- ja kolhoosiõiguslikesse suhetesse. Kõikidest nendest suhetest tulenevate küsimuste lahendamisel tuleb pöörduda vastavate õigusharude normide poole, kus määratletakse kolhoosi õigusvõime sisu. Neis suhetes ei esine kolhoos enam juriidilise isikuna ega reguleerita tema tegevust ka tsiviilõiguse normidega.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ В ИНОСТРАННЫХ ПОРТАХ

Доктор юридических наук А. Т. Усталь

Кафедра государственного и административного права

В последние годы военные корабли Советского Союза совершили ряд дружественных визитов во многие страны народной демократии, а также в капиталистические государства. Иностранные военные корабли в свою очередь посещали порты Советского Союза. Обмен дружественными визитами несомненно содействует развитию личных контактов между военно-морскими силами различных стран и лучшему пониманию друг друга, вносит известный вклад в дело укрепления мира, являющегося основным принципом внешней политики Советского государства за все время его существования.¹

Однако наряду с подобными дружественными визитами мы видим, как на международной арене империалистические державы при помощи своих эскадр совершают агрессивные акты против миролюбивых народов, вмешиваются в их внутренние дела, провоцируют антинародные мятежи и при помощи пушек держат у власти ненавистные народам правительства и марионеточные режимы.²

Подобные действия империалисты стараются оправдать нормами международного права, прикрывая действительные цели подобных агрессивных актов лицемерными фразами о защите безопасности своих граждан^{2а}, потребностями защиты законного правительства³ и ложными утверждениями, будто пребы-

¹ См. Программу Коммунистической Партии Советского Союза, Госполитиздат, М., 1961, с. 60.

² См. Ч. Дойджашвили, Т. Белашенко, Флот США — орудие американского разбойничьего империализма, М. 1952; В. Линецкий, Флот империи доллара, М. 1961.

^{2а} В 1958 г. США, например, оправдывали отправку своих военных кораблей в порты Ливана якобы надобностью защиты безопасности своих граждан.

³ Так, например, агрессивные действия против Доминиканской Республики в 1965 г. США оправдывали именно надобностями защиты «законного» правительства.

вание их военных кораблей в иностранных водах происходит по просьбе местных властей и т. д.

Для проведения таких актов империалисты очень часто используют то обстоятельство, что правовое положение военных кораблей в иностранных портах не урегулировано многосторонней международной конвенцией. Многие основные вопросы этого режима (например, вопросы, связанные с юрисдикцией государства) также не нашли подробного разрешения во внутригосударственном законодательстве.

Интересы добрососедского, мирного сотрудничества требуют уточнения всех этих вопросов в договорном порядке. Это ограничило бы возможности реакционных сил империалистических держав использовать военно-морские силы для проведения разных агрессивных актов против миролюбивых народов и вместе с тем содействовало бы успешному разрешению вопроса о всеобщем и полном разоружении, интересующем всех честномыслящих людей во всем мире.

В рамках всеобщего и полного разоружения ликвидируются и военно-морские силы и созданные для обслуживания их технические средства и оборудование.⁴

Все это показывает большую актуальность и важное практическое значение изучения вопросов о правовом режиме военных кораблей в иностранных портах.

*
* *
*

Первым вопросом, возникающим в связи с исследованием правового положения военных кораблей в иностранных портах, является вопрос о заходе их в иностранные порты, — вопрос о том, имеют ли прибрежные государства право требовать от иностранных военных кораблей для захода в свои порты особого разрешения.

В полном согласии с надобностями обеспечения безопасности этот вопрос решен положительно в практике государств. Именно надобности обеспечения безопасности требуют, чтобы государства имели право устанавливать особый разрешительный порядок для захода иностранных военных кораблей в их порты.

Несмотря на такую практику, многие буржуазные авторы под разными предлогами стараются утверждать, что порты, открытые для иностранных торговых судов, открыты и для захода военных кораблей. На такой позиции находятся, например,

⁴ См. Договор о всеобщем и полном разоружении под строгим международным контролем (Проект Союза Советских Социалистических Республик), II, 24, 31, «Правда» от 16 марта 1962 г.

Штерк, Лист, Перельс, Уйти и в особенности современные авторы Жидель, Руссо, Ссель, Хиггинс, которые в согласии с интересами агрессивной политики империалистических кругов признают право свободного захода военных кораблей в иностранные порты.

Лист, например, утверждает, что «иностранные государственные суда (под которыми он понимает военные корабли — А. У.) для пребывания в национальных водах и гаванях чужого государства не нуждаются в особом разрешении...»⁵

Перельс находит, что морские гавани всех наций «открыты военным кораблям государств, находящихся в состоянии мира».⁶

Уйти, исходя из неправильного предположения, будто пребывание военных кораблей в иностранных портах не связано с какой-либо опасностью для иностранного государства, приходит к выводу, что порты должны быть открыты для захода иностранных военных кораблей. По его мнению, ущерб, «связанный с проходом какой-либо армии через обитаемую страну, и опасности, повсюду сопровождающие такой проход, не являются поводом не допускать заход какого-либо военного корабля без специального разрешения в дружественный порт».⁷

Хотя известный специалист международного морского права Жидель утверждает, что государства имеют право закрывать свои порты и якорные стоянки для захода иностранным военным кораблям, он приходит к неправильному выводу, будто на основе международного обычая доступ в порты «иностранным военным кораблям предполагается открытым».⁸

По утверждению Руссо, на основе вежливости («*concession gracieuse*») порты открыты для захода иностранных военных кораблей, и прибрежные государства имеют только право «*subordonner l'entrée des bâtiments étrangers a certaines conditions*».⁹

Право захода военных кораблей в иностранные порты признается и разными научными институтами. Выработанный Институтом международного права на сессиях в Гааге в 1898 г. и в Стокгольме в 1928 г. регламент о правовом положении судов и их экипажа в иностранных портах (ст. 10) признает право захода

⁵ Лист, *Международное право*, Рига 1923, с. 257; см. также Штерк. *Handbuch des Völkerrechts*, herausgegeben von F. Holzendorff, Bd. 2, Hamburg, 1887, стр. 421, 422.

⁶ Perels, *Das internationale öffentliche Seerecht der Gegenwart*, Berlin 1903, стр. 79, 80.

⁷ Wheaton, *Elements of international Law*, Washington 1936, p. 133.

⁸ Gilbert Gidel, *Le droit international public de la mer*, f. II, Paris 1932, p. 59.

⁹ Charles Rousseau, *Droit international public*, Paris 1953, p. 428; См. также Scelle, *Cours de droit international public*, Paris 1948, стр. 414, 415; Хиггинс и Коломбос, *Морское право*, Москва 1953, стр. 123.

иностранных военных кораблей при том условии, что они при заходе и пребывании в иностранных водах соблюдают установленные прибрежным государством правила.¹⁰

Если присмотреться к аргументам, приводимым указанными авторами для обоснования своих взглядов, то мы увидим, что они не сумели выдвинуть ни одного веского довода в пользу свободного доступа военных кораблей в иностранные порты. Они, как правило, исходят из современной практики государств.¹¹ При этом они принимают во внимание только практику империалистических держав, совершенно упуская из виду практику социалистических стран, а также нейтралистских государств, возникших после второй мировой войны из бывших колоний империалистических государств в результате мощного народно-освободительного движения. Именно практика последних двух групп государств показывает, что утверждения вышеназванных авторов не соответствуют действительности.

Ясно, что мы не можем считать правильными выводы, которые делаются лишь на основе практики тенденциозно подобранной небольшой группы государств, и согласиться с утверждениями, будто существует норма международного права, обязывающая государства открывать свои порты для захода иностранных военных кораблей.

Отдельные авторы исходят из принципа «свободы морей», утверждая, будто нельзя говорить о свободе морей без предоставления военным кораблям права «мирного прохода» через территориальные воды¹² и захода во внутренние морские воды других государств.¹³

С подобными утверждениями нельзя согласиться. Свобода морей в нормальных условиях¹⁴ ни в коем случае не предпола-

¹⁰ См. «Annuaire de L'Institut de droit international», v. XVIII, p. 734; v. XXXII, стр. 740. На такой же позиции находится принятый Американским Институтом международного права проект № 12 «О юрисдикции» (ст. 6). (См. «Supplement to American Journal of International Law» 1929, № 1, стр. 372).

По утверждению Хайда, США в своей практике считают, что при отсутствии прямого запрещения порты, открытые для иностранных торговых судов, не закрыты и для захода иностранных военных кораблей; см. Ч. Ч. Хайд. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами, Америки, т. 2, М., 1951, стр. 338.

¹¹ См. например, Л. Оппенгейм, Международное право, т. I, полутом 2, М. 1949 стр. 68.

¹² О праве прохода военных кораблей через территориальные воды см. А. Т. Уусталь, Международно-правовой режим территориальных вод, Тарту 1958, стр. 69—76; его же, Основные вопросы правового режима территориальных вод. («Советское государство и право», 1957, № 6, стр. 76, 77).

¹³ См. например Scelle, op. cit., p. 414, 415; Charles de Visscher, Le droit international des communications, Paris p. 99.

¹⁴ Под нормальными условиями понимаются условия погоды и состояния корабля, допускающие навигацию без серьезной опасности для судна и экипажа.

гает существования права на свободный заход военных кораблей в иностранные порты. Если заход требуется в связи с появлением ненормальных условий (погода, авария и т. п.), то вынужденный заход в интересах обеспечения безопасности мореплавания признается законодательством всех прибрежных стран.¹⁵

Нельзя согласиться и с утверждением, будто на основе международных обычаев военные корабли имеют право посещать иностранные порты без предварительного разрешения.¹⁶ Обычаи являются нормами международного права, выражающимися именно в общепризнанной практике государств.¹⁷ Как выше отчасти уже сказано, именно на основе современной практики мы можем утверждать, что военные корабли не имеют права без предварительного разрешения заходить в иностранные порты.

Не обосновано и утверждение Уйтона, будто военные корабли, в отличие от находящихся на территории других государств частей сухопутных войск, не угрожают безопасности прибрежного государства. Как находящиеся на территории чужих государств части армии, так и пребывающие в портах военные корабли могут быть использованы империалистическими державами в агрессивных целях. При помощи размещенных на территории чужих государств военных соединений агрессоры могут получить большие тактические преимущества для развязывания военных авантур.

Использование империалистическими государствами разных предательских методов для развязывания агрессивных войн, как, например, предательское нападение Японии на Россию в 1904 г.¹⁸ и на США во Второй мировой войне, вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в Отечественной войне, использование империалистическими державами своих эскадр для проведения государственных переворотов и поддерживания у власти реакционных, антинародных режимов, — все это показывает, что пребывание в портах военных кораблей империалистических держав представляет серьезную опасность для миролюбивых народов. Эту опасность усиливают и заявления военных специалистов западных держав, показывающие, что в планируемых западными империалистами военных авантюрах военно-морским силам отводится важная роль. Американские военные

¹⁵ См. А. Уусталь, Международно-правовой режим территориальных вод, стр. 71, 75.

¹⁶ См. Gidel, *op. cit.*, p. 59.

¹⁷ См. Международное право, под ред. Ф. И. Кожевникова, М. 1957, стр. 8; Г. И. Тункин, О юридической природе обычных норм международного права («Вопросы международного права», вып. 2, М., 1960, стр. 114); П. П. Лукин, Источники международного права, М. 1960, стр. 80; Л. Оппенгейм, Международное право, т. 1, полутом I, М. 1948, стр. 45.

¹⁸ См. В. Э. Грабарь, Объявление войны в современном международном праве, СПб., 1904, стр. 140 и след.; Е. А. Корвин, Япония и международное право, М. 1936, стр. 32.

специалисты утверждают, что военно-морской флот является «оружием № 1 в будущей глобальной ядерной войне».¹⁹

В связи с такой «почетной» ролью, из года в год возрастают и ассигнования на увеличение военно-морских сил, на строительство новых кораблей с атомными двигателями и на оснащение морских сил ракетно-ядерным оружием. В то время как в 1949/50 финансовом году в США на военно-морские силы было израсходовано 4,7 млрд. долларов, эти расходы в 1960/61 году равнялись уже 12,3 млрд. долларов.²⁰

В программной речи, произнесенной перед членами Академии политических наук, государственный секретарь Раск, утверждая, что задачей внешней политики США является расширение помощи «свободному миру», устранение национальных границ, служащих, по его словам, лишь барьерами и символами «подозрения и страха», «создание всемирной системы более свободной торговли»,²¹ показал, что монополистические круги США стараются всесторонне расширить вмешательство во внутренние дела других народов, используя в этих целях военно-морские силы и широкую сеть находящихся во всех частях света военных баз.

Все это со всей ясностью показывает, что нельзя допускать заход иностранных военных кораблей во внутренние воды наравне с торговыми судами.

Буржуазные авторы, говоря о свободном заходе военных кораблей во внутренние морские воды, совершенно упускают из виду правовую природу этих частей моря, в том числе и портов. Внутренние морские воды на основе общепризнанной нормы международного права входят в состав государственной территории прибрежного государства и полностью подчиняются его суверенитету.²² Прибрежные государства в интересах обеспечения безопасности и суверенных прав вправе закрыть свои порты для захода иностранных военных кораблей и допускать их заход лишь на основе полученного дипломатическим путем предварительного разрешения.

Эту правильную позицию в данном вопросе занимают ученые социалистических стран, а также многие буржуазные авторы, как Бонфис, Твисс, Хайд, Лутер, Гоулд и др.²³

¹⁹ Herald-Helter, To-morrow's Navy («Our Navy», 1960), цитировано по: Э. Ф. Викторов, Г. М. Михайлов, Военно-морские силы США и Великобритании, Ленинград 1961, стр. 12.

²⁰ Там же, стр. 18.

²¹ Дин Раск, «Определенная доктрина» внешней политики США («За рубежом» 9 декабря 1961 г., стр. 4, 22). Особую опасность для миролюбивых народов представляют созданные в последние годы базы атомных подводных лодок США, в вооружение которых входят ракеты «Поларис».

²² См. А. Т. Уусталь, Международно-правовой режим территориальных и внутренних морских вод (автореферат докторской диссертации), М. 1961, стр. 22; Международное право, М. 1964, стр. 209.

²³ См. Международное право, под ред. Ф. И. Кожевникова, М., 1957, стр. 205, 206; А. Д. Кейлин, Советское морское право, М. 1954, стр. 92;

В полном согласии с вышеприведенными нормами международного права в практике Советского Союза и стран народной демократии заход в порты иностранных военных кораблей допускается только на основе полученного дипломатическим путем предварительного разрешения.²⁴

Точка зрения Советского Союза в этом вопросе была с полной ясностью выражена при выработке и подписании Женевских конвенций по морскому праву в 1958 г. При подписании конвенции о территориальном море и прилежащей зоне в Нью-Йорке 30—31 октября 1958 г. представитель СССР сделал оговорку по статье 23 этой конвенции. В этой конвенции не предусмотрено получение иностранными военными кораблями предварительного разрешения соответствующих прибрежных государств на прохождение через их территориальные воды. Сделанная оговорка гласит: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает, что прибрежное государство имеет право устанавливать разрешительный порядок прохода иностранных военных кораблей через его территориальные воды».²⁵

Ясно, что государство, имея право устанавливать разрешительный порядок прохода иностранных военных кораблей через их территориальные воды, имеют такое же право в отношении захода военных кораблей в порты.

В установленных правилах посещения территориальных вод и портов СССР²⁶ иностранными военными кораблями говорится,

Военно-морской международный правовой справочник, М. 1956, с. 66; В. Ф. Мешера, Морское право, вып. III, М., 1959, с. 15, 16; Л. А. Иванашенко, Международное морское право, 1961, с. 117 и след. И. Е. Тарханов Г. С. Горшков, Правовое положение военных кораблей в иностранных водах и в портах, «Морской Сборник», 1964, № 9; Jurai Andrassy, Medunarodno pravo, Zagreb 1958, с. 95; Хайд, цит. соч., т. 2, стр. 338, 339; Н. Bonfils, Manuel de droit international public, Paris 1901, p. 353; T. Twiss, The Law of Nations, v. I, London 1884, p. 272; W. L. Gould, An Introduction to International Law, New York 1957, p. 380; De Louter, Le droit international public positif, с. I, Oxford 1920, p. 430. Уже в прошлом столетии в Англии особая комиссия, а именно «Королевская Комиссия о беглых рабах», в своем докладе в 1876 г. признала: «Правительство Ее Величества не может отрицать право какого-либо иностранного монарха запретить британским военным кораблям входить в его гавань». См. Gidel, op. cit. p. 60.

²⁴ См. также ст. 16. «Положения об охране государственной границы Союза Советских Социалистических Республик» («Ведомости Верховного Совета СССР» № 34, от 30 августа 1960 г., ст. 324). О действующих в странах народной демократии правилах см. ст. 9 указа «О территориальных и внутренних водах Народной Республики Болгарии» от 10 октября 1951 г.; ст. 25 декрета «Об охране государственных границ Польской Народной Республики» от 23 марта 1956 г.; ст. 8 декрета «О режиме территориальных вод Румынской Народной Республики» от 21 января 1956 г.; «Предварительные правила для захода иностранных военных кораблей в территориальные воды и в порты КНР» от 19 октября 1956 г.

²⁵ См. А. Яковлев, Подписание конвенций по морскому праву. «Международная жизнь» 1958, № 12, с. 113.

²⁶ «Извещения мореплавателям» 1962, № 1, с. 13—16.

что посещение наших территориальных вод и портов иностранными военными кораблями «допускается с согласия Правительства Союза ССР» (ст. 1). Согласие запрашивается через Министерство иностранных дел не позже как за 30 суток до предполагаемого посещения (ст. 2). Число военных кораблей одного государства не может превышать трех, и наибольший срок их пребывания — семи суток.

Эти ограничения не относятся к военным кораблям, на борту которых находятся главы государств или главы правительств, и к военным кораблям, их сопровождающим. В указанных случаях формальности, связанные с заходом иностранных военных кораблей в порты, регулируются при согласовании программы визита главы иностранного государства или главы правительства.

Ограничения не относятся и к военным кораблям, заход которых совершается вследствие стихийных бедствий, угрожающих безопасности корабля.²⁷ Согласно правилам, в последнем случае иностранный военный корабль обязан сообщить в ближайший порт о причине захода в наши воды, и ему рекомендуется, если к тому имеется возможность, следовать в один из портов, открытых для захода иностранных торговых судов, или в пункт, указанный кораблем ВМФ или пограничной охраны.

В отдельных странах ограничения не относятся и к военным кораблям, на борту которых находится дипломатический представитель, аккредитованный в прибрежном государстве. На такой позиции находились и действовавшие в Советском Союзе временные правила от 25 февраля 1931 г. для иностранных военных кораблей, посещающих воды СССР. В новых правилах это исключение больше не предусмотрено.

Разрешительный порядок для захода иностранных военных кораблей в порты, в согласии с надобностями обеспечения безопасности, действует, например, еще в Швеции, в Норвегии, Дании, в Турции, Югославии и др.²⁸

Во всех этих странах ограничения не касаются военных кораблей, на борту которых находятся глава иностранного государства или аккредитованный в этих странах дипломатический представитель и сопровождающий эти военные корабли эскорт военного флота. В северных странах ограничения не касаются также военных кораблей, производящих контроль над рыболовством в Северном море на основе конвенции 1882 г.

Правила Норвегии и Дании делают еще исключение иностран-

²⁷ См. ст. 3, п. 6 соответствующих советских правил.

²⁸ Заход иностранных военных кораблей в порты регулируется: в Швеции королевским ордонансом от 8 июня 1951 г. «О заходе иностранных военных кораблей и военных самолетов на Шведскую территорию в мирное время»; в Норвегии правилами от 19 января 1951 г. «О заходе иностранных военных кораблей и военных самолетов на норвежскую территорию в мирное время»; в Турции регламентом 1925 г. См. «Laws and Regulations on the Regime of the territorial Sea», New York 1957, p. 369 a. f.

ным военным кораблям в связи с «совместными оборонными маневрами», допуская их заход в порты без предварительного разрешения на основе установленного министром обороны порядка. Имеются в виду, конечно, маневры морских сил агрессивного Северо-Атлантического Союза.

Надо сказать, что Норвегия и Дания, предоставляя свои порты в распоряжение морского командования НАТО, создают серьезную опасность для суверенитета и безопасности этих стран, на что неоднократно обращалось внимание Советским Правительством. Утверждения правительств этих Северных стран о том, что эти уступки были якобы сделаны в интересах обеспечения безопасности, ни малейшим образом не соответствуют действительности. Если безопасности этих стран угрожают какие-то иностранные государства, то такими являются, как это показывает история, именно ФРГ и США, реакционные правительственные круги которых и сейчас заняты подготовкой агрессивных войн против миролюбивых народов.

В конце 1961 г. реакционные правительственные круги Дании нанесли еще один серьезный удар безопасности своей страны. Создавая под нажимом западногерманской военщины объединенное военное командование для сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил ФРГ и Дании в районе Балтийского моря, они допускают использование своих портов западногерманскими реваншистами для подготовки военных авантур против миролюбивых народов этого района.

В заявлении правительства СССР правительству Дании указывается, что «Дания сделала новый весьма опасный шаг, поощряющий бывших гитлеровских генералов и адмиралов в их захватнических устремлениях. Правительство Дании облегчает тем самым дальнейшее проникновение западногерманских милитаристов на север Европы и в бассейн Балтийского моря, что ведет к превращению этого традиционного мирного района в очаг интриг и военных подготовлений».²⁹

Хотя на основе международного права прибрежные государства могут закрыть свои порты для захода иностранных военных кораблей, они все-таки вправе сделать известные отклонения от этого общего принципа. И в практике мы видим, как ряд государств во главе с империалистическими великими державами, а именно с США, Англией и Францией,³⁰ допускают заход иностранных военных кораблей в порты, если их число не превышает установленного количества кораблей и продолжительность их пребывания в портах — известного, ограниченного периода, на основе предварительного осведомления.³¹

²⁹ «Правда» от 14 декабря 1961 г.

³⁰ См. Хиггинс и Коломбос, цит. соч., стр. 188, 189; Хайд, цит. соч., т. 2, стр. 341; «Laws and Regulations on the Regime of the High Sea», v. I, New York, 1951, p. 73.

³¹ В Англии и в США 3 корабля, и продолжительность пребывания в Анг-

Извещение о предполагаемом визите передается дипломатическим путем и с тем расчетом, чтобы оно было получено не позднее, чем за неделю до начала предполагаемого визита.³²

Заходы иностранных военных кораблей в порты, если число кораблей больше определенного количества и время их пребывания превышает указанный в правилах период, допускается и в этих государствах на основе полученного дипломатическим путем предварительного разрешения.

На таких же условиях допускается заход иностранных военных кораблей в порты Италии, Голландии, Бельгии, ФРГ и других стран.³³

Как оценивать некоторые сделанные в этих государствах в порядке внутрисударственного законодательства отклонения от норм международного права при допущении захода иностранных военных кораблей в порты? Они опираются на принцип международной вежливости и могут быть в любое время отменены в порядке внутрисударственного законодательства.³⁴

Наряду со внутренним законодательством, заход военных кораблей в порты в буржуазных государствах регулируется международными договорами. При этом империалистические великие державы очень часто навязывают более слабым государствам неравноправные договоры, принуждающие их открывать свои внутренние морские воды военным кораблям великих держав без предварительного разрешения. Этими договорами иногда допускается заход иностранных военных кораблей в военные порты, обыкновенно закрытые для захода иностранных судов.

Договоры между государствами для урегулирования захода военных кораблей во внутренние воды встречаются уже в XVIII столетии. Соответствующий договор был заключен в 1756 г. между датским королем и Генуэзской республикой. В договоре было сказано: «Военные корабли каждой из высоких договаривающихся сторон могут свободно входить во все порты и гавани другого государства и пребывать в них».³⁵

Служение цели агрессивной политики великих держав осо-

лии 7 дней, во Франции 14 дней, в США 15 дней. Во Франции 3 иностранных военных корабля могут одновременно пребывать в одном прибрежном районе, а именно: в районе Атлантического океана, Ла-Манша и Средиземного моря.

³² Для захода иностранных военных кораблей в заморские владения Франции на основе правил от 1 июня 1930 г. требуется предварительное уведомление дипломатическим путем не менее чем за 14 дней до захода. См. «Laws and Regulations on the Regime of the Territorial Sea», p. 376.

³³ См. «Laws and Regulations on the Regime of the Territorial Sea», p. 361 a. f.

³⁴ Нельзя согласиться с мнением французского автора Руссо, что будто бы на основе вежливости государства обязаны открыть свои порты для захода иностранных военных кораблей (Rousseau, op. cit., p. 428). Вежливость не является источником международного права, и на ее основе не могут возникать на международной арене юридические обязательства.

³⁵ Holzendorf, op. cit., Bd. II, стр. 435.

бенно ярко выражается в договорах, которыми в прошлом столетии великие державы принудили Китай открыть свои порты военным кораблям соответствующих великих держав.

Согласно навязанному Францией Китаю Тяньцзинскому договору от 27 июня 1858 г., «всякое французское военное судно, крейсирующее для защиты торговли, будет дружески принято во всех гаванях Китая, куда оно заходит».³⁶

В этом договоре мы видим, как, под лицемерной вывеской «защиты торговли», французские военные корабли получили право захода во все китайские порты, в то время как торговым судам разрешался вход лишь в известные порты.

В германо-китайском договоре 1861 г. сказано: «Военные суда договаривающихся германских государств, крейсирующие для защиты торговли или занятые преследованием морских разбойников, будут иметь право посещать, без различия, все китайские гавани».³⁷

После второй мировой войны американские империалисты, организуя разные агрессивные блоки, заставляют участвующие в них государства открывать свои порты военным кораблям других участников блока. Хотя открытие портов формально производится на основе принципа взаимности, взаимность в этих договорах фактически означает открытие другими государствами-участниками блока своих портов американской эскадре для осуществления политики вмешательства во внутренние дела других государств.

Таким агрессивным блоком является прежде всего Северо-Атлантическая организация, с помощью которой Соединенные Штаты Америки принуждают открывать своей эскадре внутренние морские воды других участников организации и предоставлять эти воды для образования американских военных баз.³⁸

На агрессивный характер Северо-Атлантического блока, его враждебность интересам добрососедского международного сотрудничества и в то же время также на опасность, заключающуюся для участвующих в блоке государств в открытии эскадре Соединенных Штатов Америки и другим великим державам — участникам блока — внутренних вод и в предоставлении Соединенным Штатам Америки морских баз, неоднократно указывал в своих нотах Советский Союз.

В Памятной записке Советского Правительства правительству Дании от 23 января 1953 г. сказано: «Советское Правительство считает необходимым обратить внимание Датского Правительства на то, что предоставление иностранным вооруженным

³⁶ Gidel, op. cit., v. II, стр. 63.

³⁷ Л и с т, цит. соч., стр. 258.

³⁸ В. М. Корецкий, Создание американских военных баз на чужих территориях — нарушение норм международного права («Советское государство и право», 1953, № 6.)

силам военных баз на территории Дании в мирное время не в интересах самой Дании, поскольку это создает угрозу ее безопасности и независимости».³⁹

Строя план создания Средне-Восточного военного командования, американские империалисты хотели получить морские и военные базы в странах Ближнего и Среднего Востока.

Заключенным с Японией сепаратным мирным договором Соединенные Штаты Америки захватили в свои руки в качестве «подопечных территорий» ряд японских островов в Тихом океане, а именно: острова Риу-Киу, Бонини и Волканио, которые были обращены в морские и воздушные базы Соединенных Штатов Америки на Дальнем Востоке.

Заключенный с Японией пакт «о взаимном обеспечении безопасности» предоставил Соединенным Штатам Америки еще дополнительные военные базы на Японских островах.⁴⁰

Вопреки заключенным между союзниками в период второй мировой войны договорам США препятствуют воссоединению Пескадорских островов и Тайваня с Китайской Народной Республикой, превратив остров Тайвань при помощи марионеточного режима Чан Кай-ши в свою морскую базу.

Предоставив в 1946 г. Филиппинам формальную независимость, Соединенные Штаты Америки одновременно заключили с Филиппинами кабальное соглашение, обеспечивающее Соединенным Штатам Америки морские и воздушные базы на Филиппинах с правом увеличить их число в «чрезвычайных» случаях.

Для расширения своего господства на Американском континенте Соединенные Штаты Америки используют заключенный в 1941 году «Акт о междуамериканском военном сотрудничестве» и заключенный в 1947 г. в Рио-де-Жанейро пакт «О создании американского комитета обороны».

Как отмечает американская демократическая периодика, «Акт о междуамериканском военном сотрудничестве» открыл пути к фактическому удержанию в руках Соединенных Штатов Америки баз в мирное время, предоставляя США «неограниченный контроль над всеми военными пунктами полушария».⁴¹

При этом в договорах, с помощью которых Соединенные Штаты Америки захватывают в свои руки военные базы в разных частях света, весьма часто демагогически утверждается, будто другие народы сами просили американской «защиты». Подобными утверждениями правящие круги стараются прикрыть агрессивную внешнюю политику Соединенных Штатов Америки.

³⁹ «Правда» от 29 января 1953 г.

⁴⁰ Пеньковский, Куда идет Япония? («Правда» от 20 января 1960 г.)

⁴¹ См. В. М. Корецкий, Создание американских военных баз на чужих территориях — нарушение норм международного права («Советское государство и право», 1953, № 6, стр. 23).

В навязанном Филиппинам кабальном предварительном договоре, по которому Филиппины были вынуждены предоставить Соединенным Штатам Америки значительное число баз, утверждается, что «... правительство Республики Филиппин просило помощи США в организации защиты Филиппин».⁴² Такого же рода постановления мы находим также в навязанном Исландии договоре о предоставлении баз Соединенным Штатам Америки.

В договоре, заключенном с Исландией 6 мая 1951 г., говорится: «Народ Исландии не может сам надлежащим образом обеспечить свою оборону», а поэтому якобы необходимо «использование баз в Исландии с целью защиты Исландии».⁴³

Создание военных баз на чужих территориях в целях подготовки агрессивных войн против миролюбивых народов противоречит международному праву и представляет собой серьезную угрозу международному миру и безопасности народов.

Поэтому в советских предложениях «О всеобщем и полном разоружении» предусмотрена и ликвидация военных баз на чужих территориях.

«Будут упразднены иностранные военные базы», указывается в советских предложениях, «которые существуют сейчас на территориях ряда государств в ущерб суверенитету и безопасности самих этих государств и к великому вреду для дела международного доверия и сотрудничества между всеми странами».⁴⁴

На основе ст. 42 Устава ООН Совет Безопасности уполномочивается «предпринимать такие действия воздушными, морскими и сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для сохранения международного мира и безопасности или для их восстановления». Подобные действия могут заключаться в демонстрации, блокаде или в других воздушных, морских или сухопутных операциях вооруженных сил членов организации.

Возникает вопрос, подчиняются ли военные корабли, используемые Советом Безопасности для международных действий, вышеприведенным правилам, ограничивающим заход в иностранные порты.

Имеют ли эти используемые для международных действий морские силы право на свободный заход во все порты и внутренние морские воды государств — членов Организации Объединенных Наций или нет?

Согласно ст. 43 Устава ООН в распоряжение Совета Безо-

⁴² См. В. М. Корецкий, Создание американских военных баз на чужих территориях — нарушение норм международного права («Советское государство и право», 1953, № 6, стр. 23).

⁴³ См. В. М. Корецкий, там же.

⁴⁴ См. «Декларация Советского Правительства», (Приложение к № 39 журнала «Новое время», 1959, стр. 17); см. также М. И. Лазарев, За ликвидацию военных баз США на чужих территориях, М. 1959.

пасности даются необходимые вооруженные силы на основе особого соглашения, ратифицированного государствами в соответствии с их конституционной процедурой. При этом Совету Безопасности предоставляются на основании соглашения «помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода» (наша разрядка. А. У.).

Из этого видно, что морские силы, используемые Советом Безопасности для международных действий, подчиняются правилам, установленным государством для захода иностранных военных кораблей в его внутренние морские воды, если этот вопрос не регулируется особым соглашением между прибрежным государством и Советом Безопасности в согласии со ст. 43 Устава ООН.

В доктрине нет единогласия в вопросе, какие корабли считаются принадлежащими к составу военно-морского флота и на какие корабли таким образом распространяются ограничения, связанные с заходом в иностранные порты. Разрешение этого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что наряду с боевыми кораблями в состав военно-морского флота входит большое число всякого рода вспомогательных судов.

Отличительные признаки военных кораблей приводятся в Женевской конвенции 1958 г. об открытом море и в 7-ой Гаагской конвенции 1907 г. На основе Женевской конвенции (ст. 8 п. 2) военным кораблем считается «судно, принадлежащее к военно-морским силам какого-либо государства и имеющее внешние знаки, отличающие военные корабли его национальности, находящиеся под командой офицера, состоящего на государственной службе, имя которого занесено в список офицеров военно-морского флота, и имеющее экипаж, подчиненный регулярной военной дисциплине».⁴⁵

Наличие всех этих признаков необходимо при совершении военными кораблями своих операций. Если у судна нет особых внешних знаков военного корабля, но тем не менее оно принадлежит к военно-морским силам какого-то государства и его экипаж состоит из моряков военно-морского флота, то власти прибрежного государства вправе не допускать заход в порт таких судов без особого разрешения.

Некоторые авторы выдвигают как существенный признак военного флота его вооружение, которое дает возможность предпринимать военные операции.

В прокламации президента Соединенных Штатов Америки от 23 мая 1917 г. сказано: «Военный корабль есть принадлежащее государству вооруженное судно, находящееся под командой офицера . . . , если снаряжение и вооружение корабля и свойство

⁴⁵ См. также ст. 1. Бельгийских правил от 30 декабря 1923 г., «Laws and Regulations on the Regime of the Territorial Sea», p. 361.

экипажа дает ему возможность предпринимать наступательные боевые действия против неприятельских судов...»⁴⁶

Такое определение военного корабля весьма узкое, ибо в современных условиях к составу морских сил принадлежат всякие вспомогательные и учебные корабли, которые не вооружены и не в состоянии предпринимать боевых операций.

В выдвинутом милитаристическими кругами США и Западной Германии плане о создании многосторонних ядерных сил НАТО явно игнорируются предусмотренные в международном праве отличительные знаки военных кораблей.

По своему силуэту, палубным надстройкам и скорости хода надводные корабли, которые по плану должны составлять основную часть многосторонних ядерных сил НАТО, не отличаются от обыкновенных торговых судов. Это делается именно для того, чтобы эти опасные корабли могли оставаться незамеченными среди курсирующих на морских путях обыкновенных торговых судов и миролюбивым странам было бы труднее защищать себя против их агрессивных действий.

Маскировка военных кораблей под торговые суда является явным нарушением международного права. В Женевской конвенции 1958 г. об открытом море (см. 8 п. 2) указывается, что военные корабли должны иметь «внешние знаки, отличающие военные корабли» от других судов.

Отличительным знаком кораблей НАТО по плану является только свой флаг — белый трезубец и белые звезды на голубом фоне. В мирное время на фальшборте кораблей спереди и сзади — эмблема НАТО.

Отсюда видно, что эти корабли будут плавать под особым флагом НАТО. В связи с этим западногерманский журнал «Шпигель» писал 4 ноября 1964 г., что по замыслу организаторов объединенных сил многосторонний флот должен «считаться своеобразным субъектом международного права: это как бы шестнадцатый партнер НАТО, входящий в оборонительную систему Запада».

Такое положение противоречит международному праву. По Женевской конвенции 1958 г. об открытом море военные корабли должны иметь свою «национальность» и «принадлежать к военно-морским силам какого-либо государства». Это значит, что военные корабли могут плавать только под флагом одного государства и должны входить в состав военно-морских сил определенного государства.

На основе вышеизложенного мы должны прийти к заключению, что по требованиям Женевской конвенции 1958 г. вооруженный ракетами «Поларис» флот многосторонних ядерных сил

⁴⁶ См. Хиггинс и Колумбос, цит. соч., с. 184; Хайд, цит. соч. т. 5, с. 347.

НАТО является фактически пиратским флотом, не имеющим никаких законных прав на основе международного права на совершение операций.

Даже журнал военно-морских сил Великобритании «Нейви» пришел к выводу, что корабли многосторонних ядерных сил НАТО по своим признакам не отвечают определению военного корабля, данному Женевской конвенцией.

В то же время комплектование экипажа корабля лицами, принадлежащими к составу морских сил, еще недостаточно для причисления судна к военным кораблям, например, в том случае, когда военные моряки составляют экипаж государственного торгового судна или когда принадлежащее частному лицу торговое судно временно комплектуется членами экипажа военных кораблей, каковые случаи имеют место в буржуазных государствах при обширных забастовках моряков. В последнем случае судно все же остается частным торговым судном и подчиняется его правовому режиму.

Правовому положению военных кораблей подчиняются еще: пограничные сторожевые суда, укомплектованные членами экипажа, входящего в состав пограничных сторожевых единиц, и специальные таможенные суда, производящие таможенный контроль и укомплектованные лицами, принадлежащими к составу особой таможенной полиции.

Прибрежное государство, допуская заход иностранных военных кораблей во внутренние морские воды (порты, рейды, заливы), имеет право регулировать своим законодательством пребывание иностранных кораблей в этих водах, в согласии с потребностями обеспечения безопасности. Иностранным военным кораблям запрещаются всякие действия военного характера, как-то стрельба, торпедные и минные упражнения, маневры, отправка в полет самолетов и принятие их на борт. Им запрещено фотографирование, составление карт, промер глубины (если это не связано с безопасным следованием корабля в иностранных водах). Они обязаны выполнять установленные прибрежным государством правила о принятии лоцмана⁴⁷ и о движении судов, действующие во внутренних морских водах соответствующего прибрежного государства.⁴⁸

Подводные лодки, плавая во внутренних морских водах иностранного государства, должны следовать по поверхности.⁴⁹

⁴⁷ Мнение Жиделя о том, что военные корабли освобождаются от обязанности принимать лоцмана, не находят подтверждения в современной практике. См. Gidel, *op. cit.* v. II, p. 73.

⁴⁸ См. например, ст. 6 действующих в Бельгии правил. «Laws and Regulations on the Regime of the Territorial Sea», p. 362.

⁴⁹ В ст. 10 вышеприведенного указа Народной Республики Болгарии предусмотрено, что подводное судно, замеченное в подводном положении в территориальных или внутренних водах Болгарии, «преследуется и уничтожается без предварительного предупреждения». См. также ст. 14, п. 6 Женевской конвенции 1958 г. «О территориальном море и прилежащих зонах».

Для захода в порты военных кораблей с атомными двигателями прибрежные государства могут предъявить еще дополнительные требования, именно с тем, чтобы обеспечить своих граждан и живые ресурсы моря от опасности радиации.⁵⁰

В последние годы империалистические круги запада основывают свои агрессивные планы главным образом на вооруженных ракетами «Поларис» атомных подводных лодках. В связи с этим и вопрос о заходе таких военных кораблей в иностранные порты и создании баз для таких кораблей за границей является очень актуальным. Милитаристические круги Запада, совершая при помощи таких подводных лодок агрессивные акты против миролюбивых стран с иностранных баз или из прибрежных морских вод иностранных государств, могут подвергать и другие народы опасности ответного атомного удара.

Именно такую опасность для других народов представляют заграничные базы атомных подводных лодок США. Известно, как, например, общественность Великобритании уже годами требует ликвидации базы американских атомных подводных лодок в Шотландии в заливе Холи Лох. В конце 1964 года японский народ энергично протестовал против захода американских атомных подводных лодок в японские порты.

В связи с заходом кораблей, оснащенных атомными двигателями, а еще более, если на их вооружении находятся ракеты «Поларис», предназначенные для доставки в цель атомного оружия, возникает ряд дополнительных проблем.

Так как атомное оружие на основе современного международного права является запрещенным видом средств ведения войны, государства имеют право запрещать заход иностранных военных кораблей в их порты, если на их борту находятся атомные боевые головки. Многие государства уже заявили, что они не допускают ввоза атомного оружия на свою территорию. Атомной радиацией и радиоактивными отходами атомные двигатели могут представлять опасность для населения и живых ресурсов прибрежных государств.

Само собой разумеется, что такие корабли не могут сбрасывать радиоактивные отходы в прибрежных водах других государств. Прибрежные государства на основе своего суверенитета над прибрежными морями имеют право проверять, не подвергают ли опасности эти корабли своей радиацией людей и живые ресурсы этого государства.

Однако с этими правами прибрежных государств не хотят считаться военно-морские силы США. В заявлении правительства США от 24 августа 1964 г. говорится, что «Американское

⁵⁰ О попытках использовать авторитет Международного агентства по атомной энергии для захода американских атомных подводных лодок в порт Копенгагена, см. В. Емельянов, Кто мешает? («Новое Время» № 36, 1 сентября 1961 г., с. 19, 20).

правительство не будет передавать какой-либо технической информации относительно типа или действия его атомных военных кораблей правительству другой державы в связи с заходом в ее порты. Правительство Соединенных Штатов не может разрешить посещение его атомных военных кораблей с целью получения технической информации относительно их двигательных устройств или планов действий».

Такая позиция правительства США находится в явном противоречии с суверенитетом государств в их прибрежных водах, имеющих право обеспечить безопасность своих граждан и живые ресурсы.

* * *

При разрешении вопроса о правовом режиме военных кораблей в иностранных портах следует прежде всего принимать во внимание интересы безопасности прибрежного государства, чтобы, с одной стороны, их пребывание во внутренних морских водах не могло угрожать безопасности данного государства, с другой стороны, мы должны учитывать и интересы государства флага корабля, а именно в том смысле, чтобы различные действия прибрежного государства в отношении иностранного военного корабля не нанесли ущерб достоинству государства флага корабля и его суверенным правам. На основе этих двух главных принципов и выработался правовой режим военных кораблей в иностранных портах.

Исходя из необходимости обеспечения суверенных прав и достоинства государства, флаг которого носит военный корабль, военные суда в иностранных портах подчиняются по сравнению с частновладельческими судами особому режиму, известному в теории и практике под названием экстерриториальности.

Особый режим военных кораблей как в теории, так и на практике выработался в конце XVIII и в начале XIX столетия и является ныне общепризнанной нормой международного права. Прежде, как в теории, так и на практике военные корабли наравне с торговыми судами признавались в иностранных портах подлежащими местной юрисдикции и действию местных административных властей.⁵¹

Так, Азуни еще в конце XVIII столетия писал: «Мое мнение в этом отношении основано на общепризнанном принципе, что иностранная армия, проходящая или пребывающая на территории другого суверена, всегда подчиняется юрисдикции местного суве-

⁵¹ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., с. 190 и след; Хайд, цит. соч., т. 3, с. 127 и сл. Strisover, L'exterritorialité, «Recueil des Cours. Académie de Droit international de la Haye», v. I, 1923, p. 233—286; Gidel, op. cit., v. II, p. 255.

рена, хотя военное командование остается в руках начальника армии по молчаливому согласию того же самого суверена...»⁵²

Но в то же время ряд авторов, как Гюбнер, Лампреди, Каза-реги признают уже особое положение военных кораблей в иностран-ных портах.⁵³

Равным образом, в договорной практике государств уже во второй половине XVIII столетия признается особое положение военных кораблей, как это ясно выражено в заключенном в 1756 г. между Норвегией и Генуей договоре, где сказано: ... «правительство никогда не может иметь притязание на право обыска или актом своего визита поставить названные военные корабли в неприятное положение».⁵⁴

В 1812 г. в Соединенных Штатах Америки верховный суд в деле шхуны «Exchange v. McFaddon» впервые признал экстерри-ториальность иностранных военных кораблей. До этого времени иностранные военные корабли в портах Соединенных Штатов Америки были подчинены местной юрисдикции. Актом конгресса от 5 июня 1794 г. президенту было предоставлено право применять даже вооруженную силу для того, чтобы обеспечить подчи-нение иностранных военных кораблей в портах постановлениям и действиям судебных органов Соединенных Штатов Америки. Это право президента было подтверждено также актом конгрес-са в 1805 г.⁵⁵

Председатель верховного суда Маршал отметил в выше-приведенном судебном решении 1812 г. по делу шхуны «Exchan-ge»: «Одним из принципов суд признает то, что военные корабли какой-либо страны, зашедшие в открытый для их приема порт дружественной державы, должны с согласия этой державы счита-ться свободными от ее юрисдикции».⁵⁶

Английская судебная практика лишь в начале 20-х годов XIX столетия признала особый режим военных кораблей в иностран-ных портах. В 1820 г. лорд Стоуил объявил, что если какое-либо лицо в иностранном порту перейдет на английский военный ко-рабль, чтобы спастись от местной гражданской или уголовной юрисдикции, то на него следует смотреть как на пребывающего в Англии.⁵⁷

Суд адмиралтейства Великобритании отказал в иске, предъ-

⁵² Azuni, Systeme universel de principes du droit maritime de L'Europe, Paris 1798, p. 90, 91.

⁵³ Hübner, De la saisie des bâtiments neutres ou du droit qu'ont les nations belligérentes d'arrêter des navires de peuples amis. La Haye, 1759; Lampredi, Du commerce des neutres au temps de guerre, v. I, 1802, p. 10.

⁵⁴ Holzendorff, op. cit., Bd. 2, S. 436.

⁵⁵ M. Hudson, Cases and other materials on international Law, St. Paul, 1929, p. 546.

⁵⁶ Хиггинс и Колумбос, цит. соч., с. 190.

⁵⁷ Gidel, op. cit., v. II, p. 261.

явленном голландскому кораблю «Принц Фредерик» за оказание кораблю помощи на море, на том основании, что иностранные военные корабли экстерриториальны.⁵⁸

Так в практике и теории буржуазных государств первой половины XIX столетия выработался принцип, признающий особый режим военных кораблей в иностранных портах.⁵⁹

Как выше указано, в теории и практике особое положение военных кораблей в иностранных портах известно под термином «экстерриториальность». Однако действительное положение военных кораблей в иностранных портах, как оно вырабатывалось в теории и практике государств, не соответствует этому термину. Термин «экстерриториальность», или «внесемельность», принятый Гуго Гроцием в его известном труде «О праве войны и мира» в 1625 г. для обозначения особых прав иностранных дипломатов, означает как бы нахождение военных кораблей вне территории данного государства и как бы неподчинение их законам прибрежного государства.

Как мы уже видели, современная теория международного права, а также практика государств признает право прибрежных государств регулировать заход военных кораблей во внутренние морские воды, их действия в этих водах, высадку личного состава на берег и т. д. Установленные прибрежным государством правила касаются не только следования судна в территориальных и внутренних морских водах, но действуют также на борту иностранного военного корабля, так как в этих правилах запрещаются именно разные действия на борту корабля, например, составление карт, промеры глубины, фотографирование, стрельба и др.

Из этого видно, что иностранные военные корабли не освобождаются от подчинения местным законам и нет основания называть их особое положение экстерриториальностью.⁶⁰ Но по сравнению с частновладельческими судами они находятся в особом положении, вытекающим именно из представительного характера военных кораблей.⁶¹

Особое положение военных кораблей вытекает именно из того факта, что они являются носителями суверенитета того госу-

⁵⁸ R. Phillimore, Commentaries upon International Law, vol. I, London 1879, p. 480.

⁵⁹ По Блунчли иностранные военные корабли пользуются особыми правами лишь тогда, когда они имеют разрешение на вход во внутренние морские воды, см. Bluntschli, Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt, 1868, стр. 187.

⁶⁰ По мнению лорда Эйткинса, военные корабли в иностранных портах пользуются «известными иммунитетами, причем некоторые из них хорошо регламентированы, а остальные нет»; Брайерли утверждает, что экстерриториальность фактически означает только известное освобождение от местной юрисдикции. (См. М. Р. Тапдон, Public international Law, Allahabad 1945, p. 243).

⁶¹ См. Г. Тункин, Венская конвенция о дипломатических сношениях («Международная жизнь», 1961, № 6, с. 74).

дарства, под флагом которого они плавают, и они не теряют этого особого положения также в территориальных и внутренних морских водах других государств.⁶² Военные корабли и во внутренних морских водах иностранных государств приравниваются к территории государства, под флагом которого они плавают, и на борту этих кораблей продолжают действовать законы их родины.

Но при этом мы не можем упустить из виду того факта, что во внутренних морских водах иностранных государств военный корабль действительно находится на территории другого государства, и последнее имеет право регулировать условия его пребывания в этих водах. Военные корабли в иностранных портах по своему правовому положению в некоторых вопросах напоминают иностранные дипломатические представительства. Вследствие этого правильнее было бы назвать особый правовой режим военных кораблей в иностранных портах иммунитетом военных кораблей. Иммунитет военных кораблей вытекает еще из того факта, что они являются государственной собственностью своей родины и в качестве таковой пользуются в иностранных государствах на основе общепризнанных норм международного права судебным иммунитетом.

В практике следует отличать иммунитет военного корабля от иммунитета экипажа судна и других, пребывающих на нем, лиц.

На основе иммунитета иностранные военные корабли не подчиняются ни гражданской, ни уголовной юрисдикции прибрежного государства. К ним нельзя предъявлять гражданских исков в судах прибрежного государства, и власти прибрежного государства не имеют права задерживать в порту иностранный военный корабль или налагать на него арест даже в таких случаях, когда военные корабли причиняют убыток портовым сооружениям, прибрежному государству или его гражданам. Даже иски, связанные с оказанием помощи и спасением иностранных военных кораблей, их снабжением и производством ремонта на них не относятся к ведению судов прибрежного государства без согласия государства флага корабля.

Иммунитет военных кораблей признают Женевские конвенции по морскому праву 1958 г. В конвенции об открытом море (ст. 8, п. 1) указывается: «Военные корабли пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого то ни было государства, кроме государства флага».⁶³

Советский Союз в своей практике, в полном согласии с общепризнанными нормами международного права, признает иммунитет военных кораблей. При подписании Женевской конвен-

⁶² Часто они называются «плавающими частями» территории своей родины. См. Гапон, *op. cit.*, p. 242.

⁶³ См. Молдцов, *цит. соч.*, 326. См. также ст. 22 конвенции о территориальном море и прилегающей зоне.

ции 1958 г. о территориальном море и прилежащей зоне, представитель СССР сделал оговорку по статье 20 этой конвенции. Оговорка гласит: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает, что государственные суда в иностранных территориальных водах пользуются иммунитетом и поэтому применение к ним мер, упомянутых в настоящей статье (меры, связанные с гражданской юрисдикцией, А. У.), может иметь место лишь с согласия государства, под флагом которого плавают судно».⁶⁴

Этот принцип закреплен и в нашем внутригосударственном законодательстве. В основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 61) указывается: «Предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в СССР, могут быть допущены с согласия компетентных органов соответствующего государства».⁶⁵

10 апреля 1926 г. в Брюсселе между отдельными буржуазными государствами была заключена конвенция «Об унификации некоторых правил, относящихся к иммунитету государственных судов». Хотя конвенция, в полном противоречии с общепризнанными принципами международного права, не признает иммунитета государственных торговых судов, вышеприведенная точка зрения об иммунитете военных кораблей выражается и в этой конвенции.

По этой конвенции военные корабли и государственные суда, не используемые в торговых целях, «не могут быть предметом конфискации, ареста или задержания в судебном порядке и всех судебных процедур *in rem*».⁶⁶

Брюссельская конвенция предусматривает лишь 3 рода случаев, в которых можно предъявлять иски к военным кораблям. Но эти иски могут быть предъявлены лишь в судах государства флага судна, а именно: «1) иски по abordажу или другим случаям плавания; 2) иски по оказанию помощи, спасанию и общей аварии; 3) иски по ремонту, снабжению или другим договорам, касающимся судов».⁶⁷

Во всех остальных случаях требования к военным кораблям

⁶⁴ Аналогичную оговорку сделал Советский Союз и при подписании конвенции об открытом море. Оговорки сделали и представители УССР и БССР. См. А. Яковлев, Подписание конвенций по морскому праву («Международная Жизнь» 1958, № 12, с. 113.)

⁶⁵ «Ведомости Верховного Совета ЭССР», 22 декабря 1961 г., № 50, с. 1362.

⁶⁶ Hudson, *op. cit.*, p. 562.

⁶⁷ *ibidem*, Заключенная между некоторыми буржуазными государствами 10 мая 1952 г. в Брюсселе конвенция «Об унификации некоторых правил гражданской компетенции в вопросе столкновения судов» (ст. 5) предусматривает, что конвенция не изменяет действующих в настоящее время правил по предъявлению исков в отношении столкновений военных судов.

следует предъявлять дипломатическим путем правительству государства флага судна.

Но лишь немногие государства ратифицировали Брюссельскую конвенцию.⁶⁸ На основе конвенции участвующие в ней государства сделали известное исключение из принципа судебного иммунитета военных кораблей, допуская в указанных в конвенции случаях предъявление исков в своих судах к военным кораблям. Однако это исключение действует лишь в отношении военных кораблей участвующих в этой конвенции государств и только в отношениях между этими государствами.

Всякие гражданско-правовые требования к военным кораблям не участвующих в конвенции государств, а также в отношениях между этими государствами и государствами, участвующими в конвенции, могут быть предъявлены на основе иммунитета военных кораблей дипломатическим путем правительству государства флага корабля.

Иммунитет военного корабля продолжается до тех пор, пока корабль принадлежит к составу военного флота, несмотря даже на то, что он временно выполняет торговые задания.

На эту точку зрения стал суд Адмиралтейства Великобритании в деле о военном корабле Соединенных Штатов Америки «Constitution». Названный военный корабль вез в 1878 г. экспонаты с парижской всемирной выставки, но сел на мель и был оттуда снят английским буксирным судном. Владельцы буксира, недовольные платой, полученной от корабля за спасание, предъявили иск в суде Великобритании. Суд отказал в иске на том основании, что иски к военным иностранным кораблям не подлежат суду Великобритании.⁶⁹

Эту же точку зрения занял в 1917 г. суд восточного района Нью-Йорка в отношении аргентинского военного корабля «Пампа». «Пампа» был аргентинским военным кораблем, числившимся в списке военного флота, носил особый флаг, офицеры и экипаж его входили в состав военно-морских сил. Но корабль провозил товар, принадлежавший частным лицам. Суд в своем решении отметил, что временное использование военного корабля для провоза товара с торговой целью не лишает корабль его особого положения как военного корабля.⁷⁰

⁶⁸ Конвенцию ратифицировали 17 государств; Бельгия, Бразилия, Германия, Голландия, Греция, Италия, Мексика, Норвегия, Португалия, Франция, Чили, Швеция и др.; подробный анализ конвенции см. А. Д. Кейлин, *Международноправовое положение государственных морских торговых судов СССР*, («Советское право» 1928, № 6, стр. 83—99); С. В. Молодцов, *Международноправовой режим открытого моря и континентального шельфа*, М., 1960, стр. 153; М. М. Богуславский, *Иммунитет государства*, стр. 193—195; В. Ф. Мишера, *Иммунитет государственных морских судов СССР*, М.-Л. 1950, стр. 31—35.

⁶⁹ Хиггинс и Коломбос, *цит. соч.*, стр. 190.

⁷⁰ Carner, *Immunities of state-owned ships employed in commerce*, «British Year Book of International Law», 1925, p. 129.

При этом иностранный военный корабль имеет право предъявлять иск в суде прибрежного государства с требованием возмещения убытка, причиненного вследствие столкновения или на основе других гражданско-правовых споров. Иммуниет военного корабля не лишает его возможности обращаться к иностранным судам для получения правовой защиты от всяких правонарушений.

18 декабря 1900 г. английское судно «Петерсон» причинило аварию голландскому военному кораблю «Гелдерланд», на основании чего Голландия предъявила соответствующий иск в смешанном суде в Александрии к причинившему убыток судну. Суд признал себя компетентным в рассмотрении иска. Правительство Соединенных Штатов Америки предъявило бельгийскому суду иск о возмещении убытка от повреждений, причиненных столкновением американского военного корабля «Чикаго» с английским судом «Азов».⁷¹

На основе иммунитета военного корабля административным властям прибрежного государства запрещено производить на борту иностранного военного корабля, без согласия командира корабля, административные и судебные действия, такие, например, как обыск корабля, арест лиц и т. п. Подобные действия местных властей находятся в прямом противоречии с суверенными правами государства флага корабля и могли бы привести к серьезным международным конфликтам.

Таможенные власти прибрежного государства также не имеют права заходить на иностранный военный корабль и производить там таможенный контроль. Но иммунитет военного корабля не означает его полного освобождения от таможенного контроля. Таможенный контроль может быть произведен местными таможенными властями в отношении иностранного военного корабля с берега, подвергая таможенному контролю лиц, сходящих с судна на берег не в целях выполнения служебных обязанностей, а также граждан прибрежного государства, посещающих корабль. Личный состав иностранного военного корабля, сходящий на берег с официальным визитом или для выполнения других официальных обязанностей, не теряет своего представительного характера. В этих случаях он как бы является носителем суверенитета своей родины и никакие принудительные действия местных властей против него не допустимы.

Личный состав, сходящий на берег вне исполнения служебных обязанностей, теряет свой представительный характер и на основе этого подчиняется местным законам и местному суду. В отношении этих лиц международное право не ограничивает действий местных властей.⁷²

⁷¹ Gidel, *op. cit.*, v. II, p. 308, 309.

⁷² Нельзя согласиться с мнением Х. Кельзена, что члены экипажа иностранного корабля на берегу и при исполнении служебных обязан-

В ст. 17 резолюции, принятой на Стокгольмской сессии Института международного права в 1928 г., сказано: «Агенты таможи должны воздерживаться от визитов на борт иностранных военных кораблей и ограничиваться наружным надзором».⁷³

Иностранные военные корабли во внутренних морских водах подчиняются установленным прибрежным государством санитарным правилам. По прибытии в порт командир корабля обязан представить местным властям санитарный патент или, если корабль принадлежит государству, являющемуся участником Парижского соглашения 1934 г. об отмене санитарных патентов, соответствующую декларацию о санитарном состоянии корабля. Осмотр иностранного военного корабля санитарными властями прибрежного государства запрещен без согласия командира корабля.

Когда на военном корабле обнаруживаются случаи заразных болезней или когда корабль подозрителен в отношении заразных болезней, последний также подчиняется карантину в соответствии с международной санитарной конвенцией 1951 г. и установленным прибрежным государством правилам.⁷⁴

Схождение на берег членов экипажа иностранных военных кораблей, пребывающих в портах и на рейде, происходит по установленным прибрежным государством правилам.⁷⁵

В тех случаях, когда иностранный военный корабль нарушил правила, установленные прибрежным государством в отношении захода и пребывания военных кораблей во внутренних морских водах, прибрежное государство не имеет права привлекать к ответственности командира военного корабля. Прибрежное государство может требовать дипломатическим путем привлечения к ответственности командира корабля властями государства флага корабля. Если нарушение иностранным военным кораблем установленных правил угрожает безопасности прибрежного государства и его граждан, власти прибрежного государства могут потребовать немедленного ухода иностранного военного корабля из своих внутренних морских вод.

В ноябре 1961 г. три американских военных корабля, прибывшие с трехдневным визитом в порт Конакри, по требованию гви-

ностей подчиняются местной юрисдикции (H. Kelsen, *Principles of International Law*, New York 1952, p. 233); См. также А. Фердросс, *Международное право*, М. 1959, с. 223.

⁷³ См. «Annuaire», v. 32. Английский автор Торнели признает полную экстерриториальность военных кораблей и в связи с этим полное освобождение от таможенного контроля, см. P. W. Thornely, *Exterritoriality*, (*British Year Book of International Law*, 1926, p. 129).

⁷⁴ H. B. Jacobini, *The new sanitary Regulations*, («*American Journal of International Law*», 1952, p. 727).

⁷⁵ См. например, *Правила, установленные в Бельгии*, «*Laws and Regulations on the Regime of the Territorial Sea*», p. 362.

нейского правительства покинули порт. По заявлению министра общественных работ и транспорта Исмаила Туре на массовом митинге жителей Конакри, американские моряки вели себя в Гвинее как в завоеванной стране. Они спровоцировали на улицах драки, во время которых пустили в ход ножи.⁷⁶

Совершенные на корабле преступления подлежат законам и суду государства флага корабля даже тогда, когда преступление совершено лицом, не входящим в состав экипажа корабля. Такой теоретический вывод вытекает из факта, что военный корабль и в иностранных портах считается частью территории своей родины, и совершенные на его борту преступления совершены на территории государства флага корабля, следовательно подчиняются его законам и суду.

В ст. 18 Стокгольмской резолюции 1928 г. Института между народного права утверждается: «Преступления и проступки, совершенные на борту кораблей, не входят в компетенцию судов государства порта до тех пор, пока корабль там находится, какова бы ни была национальность преступника или его жертвы».⁷⁷

В практике государств в случаях более мелких правонарушений, совершенных на борту корабля гражданином прибрежного государства, не принадлежащим к составу экипажа корабля, преступники выдаются властям прибрежного государства для привлечения их к ответственности.

Государство флага военного корабля может, конечно, соглашаться также в отношении других преступников, совершивших преступление на борту корабля в иностранных внутренних морских водах, на привлечение их к ответственности властями прибрежного государства. Китайское правительство согласилось в 1939 г. на привлечение к ответственности местными английскими властями преступника, совершившего преступление на вооруженном сторожевом крейсере «Chung Chi Cheung» в территориальных водах Гонконга. Капитан названного таможенного крейсера, английский подданный, был убит членом экипажа, который был также английский подданным. Апелляционный суд при разборе дела все же отметил, что Китай был бы компетентен рассмотреть указанное преступление, но так как он «согласился на то, чтобы дело разбиралось в британском суде, юрисдикция последнего была осуществлена правомерно».⁷⁸

В данном случае, конечно, преследование преступления в судах прибрежного государства оправдывалось тем обстоятельством, что преступник и жертва были гражданами прибрежного государства, но при этом факте нельзя не отметить и то обстоятельство, что этот факт в свою очередь показывает, что буржуазное китайское правительство не защищало последовательно су-

⁷⁶ См. «Правда» от 27 ноября 1961 г.

⁷⁷ «Annuaire» v. 32, p. 742.

⁷⁸ См. T a n d o n, op. cit., p. 243.

веренных прав Китая. Относительно преступлений, совершенных членами экипажа вне пределов военного корабля, следует различать, совершены ли эти преступления при выполнении служебных обязанностей или нет. Преступления, совершенные членами экипажа иностранного военного корабля за пределами корабля при исполнении служебных обязанностей, подлежат законам и суду государства флага военного корабля. Такой вывод, как выше указано, вытекает именно из предстательственного характера команды иностранного военного корабля при выполнении официальных заданий и служебных обязанностей.

Преступления же, совершенные членом экипажа иностранного военного корабля вне пределов судна не при исполнении служебных обязанностей, подчиняются юрисдикции прибрежного государства. В отношении командира корабля действуют те же правила.⁷⁹

В 1911 г. японскими властями был привлечен к ответственности американский матрос, убивший в госпитале другого матроса. В посланном американскому послу письме государственной секретарь США признал правильными действия японских властей, хотя прибавил, что на основе вежливости японские правительство могло бы выдать преступника.⁸⁰

Такую же точку зрения признает принятая в 1928 г. в Стокгольме резолюция Института международного права. Хотя названная резолюция позволяет властям прибрежного государства арестовать иностранных моряков, если ими совершено преступление вне корабля при исполнении служебных обязанностей, однако прибрежные власти обязаны выдавать их командиру корабля по его требованию.

Преступление, совершенное на принадлежащей военному кораблю судовой шлюпке, рассматривается в практике государств как совершенное на военном корабле.

Судовые шлюпки составляют часть военных кораблей и подчиняются соответствующему режиму. Судовые шлюпки военных кораблей в иностранных портах пользуются также иммунитетом.

*

* *

⁷⁹ Хиггинс и Коломбос, цит. соч., с. 190, 191; Хайд, цит. соч., т. 3, с. 36, 37; Gidel op. cit. v. II, p. 270.

⁸⁰ G. H. Hackworth, Digest of International Law, v. II, Washington, 1941, p. 422; На такой же позиции находится Верховный суд Бразилии в своем решении от 22 ноября 1944 г. («American Journal of International Law», v. 36, 1945, p. 547). Напротив, Верховный суд Панамы решением от 14 августа 1935 г. признал полный иммунитет иностранного военного персонала («American Journal of International Law», v. 21, 1937, p. 182). В статье не рассматриваются вопросы, связанные с правовым положением военного персонала, находящегося в военных базах на иностранной территории.

Как явствует из предшествующего изложения, в основе особого правового положения военных кораблей в иностранных портах лежит суверенное равенство государств — один из общепризнанных принципов современного международного права.⁸¹ Целью предоставления иностранным военным кораблям в портах особого режима является именно взаимное уважение государствами добрососедских отношений между государствами с различным общественным строем. Точное соблюдение этого особого положения в международных отношениях несомненно содействует укреплению международного мира и безопасности народов.

Однако предоставленные иностранным военным кораблям и их экипажам иммунитеты не могут быть никоим образом использованы в реакционных целях, для вмешательства во внутренние дела других государств и для подготовки военных авантюр против миролюбивых народов.⁸²

Всякие подобные действия являются грубым нарушением общепризнанных норм и принципов современного международного права и составляют серьезную угрозу международному миру и безопасности.

SÕJALAEVADE ÕIGUSLIK SEISUND VÄLISRIIKIDE SADAMATES

Õigusteaduse doktor A. Uustal

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

Resümee

Rahvusvahelise õiguse üldtunnustatud normide alusel kuuluvad sadamad riigi territooriumi koosseisu ja alluvad suveräänsu-

⁸¹ См. В. Н. Дурденевский, М. И. Лазарев, Пять принципов мирного международного права, М. 1956, с. 26, 27; Е. А. Корогин, Основные проблемы современных международных отношений, М. 1959, с. 11.

⁸² Так, например, в 1954 году находящиеся в водах Гватемалы американские военные корабли, поддерживая мятежников, помогли свергнуть избранное народом демократическое правительство. В 1958 году под лицемерной вывеской «охраны» своих граждан США отправляют свои военные корабли в порты Ливана для подготовки интервенции против нового правительства Ирана; (См. Международные отношения и внешняя политика СССР, 1950—1959 под ред. В. П. Никитина, II полутом, М. 1960, стр. 238—324).

В декабре 1961 г. во время освобождения Гоа Англия послала туда свой военный корабль с явным намерением поддержать португальских колонизаторов; в тот же период, а также в апреле 1965 г., США послали свои военные корабли в воды Доминиканской Республики для поддержания реакционного антинародного правительства (см. «Правда» от 23 и 24 ноября 1961 г. от 2 мая 1965 г.) и др.

sele. Riigid võivad nõuda välisriikide sõjalaevadelt sissesõiduks oma sadamatesse diplomaatilisel teel saadud eelnevat luba. Üldtunnustatud praktika alusel ei vaja eelnevat luba ainult need sõjalaevad, kes halva ilma korral otsivad varju sadamates või sõidavad sinna avarii tagajärjel saadud vigastuste parandamiseks.

Selline kind sõjalaevade sissesõiduks sadamatesse kehtib sotsialismileeri maades, aga samuti ka paljudes kapitalistlikes riikides. Hoolimata sellisest praktikast, püüavad paljud kodanlikud autorid väita, nagu kaldariikidel ei oleks õigust nõuda eelnevat luba välisriikide sõjalaevade sissesõiduks nende sadamatesse. Need väited on ilmses vastuolus riikide suveräänsete õigustega sadamates, aga samuti ka nende julgeoleku kindlustamise vajadustega. Üksikud kodanlikud riigid (USA, Inglismaa, Prantsusmaa, Belgia, Holland jt.) nõuavad välisriikide sõjalaevade sissesõiduks nende sadamatesse ainult eelnevat teatamist. Kuid selline praktika ei ole üldtunnustatud rahvusvahelise õiguse norm ja seega ka mitte kohustuslik teistele riikidele.

Sõjalaevadel on keelatud välisriikide sadamates igasugused sõjalise iseloomuga tegevused: manöövrid, torpeedo-, miini- ja laskeharjutused, kauguste mõõtmised, kaardistamised jm. Allveelaevad peavad sõitma veepealses seisundis. Kui välisriikide sõjalaevad rikuvad kaldariikide poolt kehtestatud eeskirju, võidakse nõuda nende viivitamatut lahkumist sadamast.

Sõjalaevad välisriikide sadamates kasutavad erilisi eesõigusi, mida nimetatakse immuunsuseks. Kaldariigi ametiisikud võivad minna välisriigi sõjalaeva pardale ja teostada seal ametiülesandeid ainult komandöri loal. Sõjalaevadele on keelatud panna aresti, hoida neid kinni sadamates administratiivkorras, esitada nende vastu hagnosisid ja teostada nende suhtes kohtuotsuste sundtäitmist. Igasugused nõuded sõjalaevade vastu tuleb esitada diplomaatilisel teel lipuriigile.

Välisriigi sõjalaeva meeskond võib külastada sadamalinna kohaliku merejõudude juhataja nõusolekul ja selle poolt kehtestatud korras. Tuleb eraldada ühelt poolt välisriikide sõjalaevade ja teiselt poolt tema ekipaaži immuunsust. Sõjalaeva eriline õiguslik seisund — immuunsus — laieneb tema meeskonnaliikmetele sel juhul, kui nad viibivad kaldariigi territooriumil ametiülesannete täitmisel. Neil juhtudel toimepandud kuriteod ei allu kaldariigi jurisdiktsioonile. Sellistel juhtudel kannavad kurjategijad vastutust sõjalaeva lipuriigi seaduste alusel ja neis ettenähtud korras. Kaldariigi jurisdiktsioonile ei allu ka sõjalaeva pardal toimepandud kuriteod.

Immuunsus ei laiene välisriigi sõjalaeva meeskonnaliikmetele sel juhul, kui nad viibivad sadamariigi territooriumil väljaspool ametiülesannete täitmist. Viimasel juhul võidakse neid kaldariigis vastutusele võtta seal kehtivate seaduste alusel ja neis ettenähtud korras.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ

Канд. юрид. наук И. Я. Сильдмэе

Кафедра государственного и административного права

В «Известиях Академии Наук Эстонской ССР», серия общественных наук, 1963, № 1, опубликована статья Х. Лиги и Ю. Кахка, в которой выдвинут вопрос о методах изучения развития сельского хозяйства и положения крестьянства. Проблема весьма существенна и актуальна, поскольку прежний «традиционный» метод исследования развития сельского хозяйства и экономического положения крестьян, опирающийся на сопоставление гаковых чисел — «гаков», оказывается ошибочным и негодным. Эту точку зрения мы изложили подробно в нашей монографии, опубликованной в 1962 году.¹ Приятно отметить, что теперь Х. Лиги и Ю. Кахк в своей статье также признают несостоятельность старого метода. В порядке самокритики Ю. Кахк указывает на одну из своих ранее опубликованных статей. Однако вопрос не в одной случайной статье, в которой при применении несостоятельного метода были получены ошибочные результаты, как старается представить дело Ю. Кахк, а в том, что на основе этого метода соответствующие вопросы истории Эстонской ССР трактовались в течение довольно продолжительного времени. Этот применявшийся на протяжении вот уже десятилетий метод теперь оказался ошибочным и негодным. Вполне естественно, чтобы и результаты, полученные при применении этого ошибочного метода, также подверглись всесторонней проверке. Разумеется, не все старые результаты непременно должны быть ошибочными, но многие из них весьма легко могут быть таковыми.

В возникшем положении на странную позицию стали Х. Лиги и Ю. Кахк. Хотя они теперь и признают несостоятельность метода, базирующегося на сопоставлении гаковых чисел,

¹ См. I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, глава I и параграф I главы II.

мы не находим в их статье ни критики прежних, весьма распространенных ошибок, ни новых конструктивных положений, которые заполнили бы возникшие пробелы. Напротив, обходя молчанием прежние исследования по истории Эстонской ССР, авторы стараются вызвать у читателя впечатление, будто в этих работах относительно трактовки вопросов, касающихся развития сельского хозяйства в XVIII веке, никаких принципиальных ошибок не имеется. Такая позиция не содействует достижению научной истины в исследовании истории Эстонской ССР.

Какие же это основные вопросы, связанные с развитием сельского хозяйства и с положением эстонского крестьянства в XVIII веке, в отношении которых исследователи, применив один или другой метод исследования, пришли к различным результатам?

В первую очередь к ним относится вопрос об уровне производства зерна и о его динамике роста. Трактовка XVIII века как периода застоя в сельском хозяйстве Эстляндии была долгое время традиционной, опираясь на сопоставление гаковых чисел XVII и XVIII столетий. В первом томе истории Эстонской ССР на эстонском языке (Таллин, 1955 г.) также не опровергается эта установка и остаются не освещенными как большой рост эстонского сельского хозяйства, так и вызвавшие этот рост благоприятные условия, возникшие после присоединения Эстляндии к России. Мы рассматривали эти вопросы критически в статье «Об уровне сельского хозяйства Эстляндии в XVIII веке», опубликованной в журнале «Коммунист Эстонии»², и во второй главе нашей монографии.³ В русском издании «Истории Эстонской ССР» (1961) по этому вопросу излагается правильная позиция и приводятся данные, показывающие большой рост производства зерна в Эстляндии на протяжении XVIII века. Теперь Х. Лиги и Ю. Кахк в своей статье снова ставят под сомнение развитие зернового хозяйства Эстляндии в XVIII веке.

Прежде всего их не устраивают наши данные о размерах крестьянских посевов в конце XVII века. Они утверждают, что находившаяся в пользовании крестьян посевная площадь была на 40% больше, чем были размеры посевов по положенным нами в основу исследования ревизионным данным, и стараются вызвать впечатление, будто бы и посевы были соответственно настолько же больше. То обстоятельство, что посевная площадь в тонштелях⁴ по картам имений была больше, чем посевы, исчисленные в бочках по данным вакенбухов, не представляет из себя никакого довода, позволяющего признать данные вакенбухов неправильными. Бесспорным фактом является то,

² «Eesti Kommunist» 1960, nr. 5.

³ I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaami kast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962.

⁴ В Эстляндии мерой зерна была бочка (тундер), а мерой земли — тонштель (тундерное место).

что крестьяне не высевали полной бочки зерна на т. н. геометрическом тонштеле (14.000 квадратных локтей), положенном в основу при составлении карт. В приказе шведского короля, в котором рассматривается вопрос о величине гака, отмечается, что фактически на высев одной бочки зерна требуется больше земли. Чтобы выяснить фактическую густоту посева, землемеры проводили на местах многочисленные контрольные измерения. Из этих данных видно, что на высев одной бочки ржи использовали 18000—19000 квадратных локтей земли. Это значит, что на одном тонштеле земли высевали лишь 0,7—0,8 бочки ржи (в отдельных случаях еще меньше). Поэтому нечего удивляться и нет никакого противоречия в том, что посеы в бочках по вакенбухам меньше, чем посевная площадь в тонштелях по картам. Рассмотрению этих вопросов в нашей монографии посвящен третий параграф главы II — «Густота посева и урожайность» (стр. 91—106). То обстоятельство, что Х. Лиги и Ю. Какх в своей статье обходят все это молчанием и стараются представить дело таким образом, будто мы объясняем различие между картами и вакенбухами исключительно наличием многочисленных межей (в нашей монографии этому посвящен лишь один абзац), не свидетельствует о силе аргументации авторов статьи.

По-видимому, поняв это, они обещали рассмотреть данный вопрос более основательно в работе «Сельскохозяйственное землепользование в Эстонии в XVI—XVII веках», которая должна была появиться в ближайшее время. Теперь эта работа вышла в свет. Однако обещанной убедительной аргументации мы в ней не находим. Отметив, что между данными о размерах запашки, приведенными в картах XVII века, с одной стороны, и в ревизионных (инквизиционных) материалах того же времени, с другой, «имеются поразительные расхождения»,⁵ Х. Лиги ставит вопрос о том, какому из двух источников отдать предпочтение. Вскоре же выясняется, что «в отношении помещичьих полей расхождения между инквизиционными и землемерными данными весьма невелики».⁶ Весьма отраднo, что еще через несколько страниц Х. Лиги в отношении помещичьей запашки соглашается с установкой, что на помещичьих полях высевали меньше одной бочки ржи на один тонштель земли.⁷ Именно этим и объясняется, почему приведенные в вакенбухах данные о посевах, выраженные в бочках, в общем несколько ниже, чем размер посевной площади в тонштелях. Нет никакой необходимости ставить воп-

⁵ H. Ligi, Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, Tallinn 1963, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 25.

⁷ Там же, стр. 27.

Мы утверждали, что на помещичьей запашке высев составлял 0,8—0,9 бочки зерна на один тонштель пашни.

рос о предпочтении одних источников другим. Одни источники показывают посев, исчисленный в бочках, другие — размер посевной площади в тонштелях. При определении количества высева следует исходить из приведенных в вакенбухах данных о посевах, как мы это сделали, а не из указанных на картах тонштелей посевной площади.

В отношении крестьянских посевов расхождения между приведенными в вакенбухах бочками высева и показанными на картах тонштелями посевной площади по нашим данным также таких размеров, что в подавляющем большинстве случаев они объясняются теми же самыми причинами. Х. Лиги, однако, утверждает, что «в отношении крестьянских полей расхождения так значительны, что они должны иметь веские причины».⁸ В подтверждение своего утверждения он приводит по собственному выбору в таблице сравнительные данные относительно девяти имений, между посевами и посевной площадью которых якобы имеются более значительные расхождения. К сожалению, не указаны источники, откуда эти данные взяты. Архивные данные, которыми располагаем мы, показывают в отношении ряда имений несколько иные размеры посевов.⁹ Из выбранных Х. Лиги в качестве примера 9 имений имеются лишь два-три имения, в которых соотношение крестьянских посевов и крестьянской посевной площади меньше 0,7. Это густота посева у крестьян, на которую указывал и А. В. Гупель и которую Х. Лиги приводит в своей работе без всякой критики,¹⁰ признавая, что крестьяне высевали значительно меньше бочки на тонштель. Таким образом, мы видим, что и при выбранных в целях возражения примерах подавляющее большинство данных не дает основания поставить вопрос о противопоставлении одних источников другим или о предпочтении одних другим. Как при помещичьей, так и при крестьянской запашке вакенбухи показывают посеvy, а карты — посевную площадь. Так и следует понимать эти источники. Нет никакого фактического основания утверждать в виде общего положения, как это делает Х. Лиги, что во время инквизиционного обследования имений размеры крестьянских посевов были показаны значительно меньшими, чем они были в действительности. Что касается тех отдельных имений, в которых крестьяне высевали меньше 0,7 бочки зерна на тонштель, то такой посев, как правило, был обусловлен особыми частными причинами, которые большей частью выясняются при более под-

⁸ H. Ligi, Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, Tallinn 1963, стр. 27.

⁹ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 3, оп. 1, с. 940.

¹⁰ H. Ligi, Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, Tallinn 1963, стр. 27.

По данным А. В. Гупеля у лифляндских крестьян еще во второй половине XVIII века густота высева составляла 0,7—0,9 бочки ржи на один тонштель.

робном рассмотрении положения этих имений. Поэтому также в этих имениях нет никакого основания при определении размера посевов исходить из указанных на картах тонштелей посевной площади или утверждать в общей форме, что приведенные в вакенбухах данные о посевах не являются достоверными.

Выдвигая такое утверждение, Х. Лиги и Ю. Какх пренебрегают не только вакенбухами, но и всей перепиской и документами, относящимися к тому времени. Все указанные материалы — как официальные, так и частные документы помещиков — подтверждают достоверность приведенных именно в вакенбухах данных о посевах. Также кажется невероятным, чтобы шведские землемеры, проводившие в Эстляндии составление карт имений, обошли молчанием такой большой подлог в отношении показанных в вакенбухах посевов (около 40%), как это полагают Х. Лиги и Ю. Какх. Можно думать, что при наличии такого крупного обмана, совершаемого в отношении государства на протяжении многих лет, землемеры упомянули бы об этом в своей переписке и, по всей вероятности, вокруг этого дела должен был бы разыграться скандал. Но ничего подобного мы в архивных данных не находим. Если Х. Лиги и Ю. Какх располагают такими документами, ставящими под сомнение или опровергающими данные о посевах вакенбухов, то они могли бы в подтверждение своей гипотезы привести их или по крайней мере сослаться на них. Но этого они не сделали, потому что таких материалов в архивах нет! Нам кажется, что Х. Лиги и Ю. Какху не стоит своими гипотезами стараться защищать интересы шведского государства задним числом там, где этого не делали в свое время даже шведские землемеры.

Должно быть ясно, что выдвинутое Х. Лиги и Ю. Какхом в их статье на основе посевных площадей, приведенных на картах, утверждение о том, будто у нас крестьянские посевы были значительно (около 40%) меньше фактических, не нашло подтверждения в этой более поздней работе Х. Лиги. Наоборот. Если иметь в виду, что в брошюре Х. Лиги теперь признается то обстоятельство, что на тонштель пашни высевали значительно меньше бочки зерна (0,9—0,7 бочки, т. е. на 10—30% меньше бочки), мы можем констатировать, что Х. Лиги и Ю. Какх значительно приблизились к нашей позиции и что первоначальное большое расхождение (40%) весьма уменьшилось.

По-видимому, Х. Лиги сам понимает, что данное в статье обещание осталось невыполненным. В порядке извинения приводится мысль, будто наша монография вышла в свет, когда брошюра Х. Лиги была уже сдана в набор.¹¹ Однако на последней странице брошюры мы читаем, что брошюра была сдана в набор

¹¹ H. Ligi, Põllumajanduslik maakasutus Eestis XVI—XVII sajandil, Tallinn 1963, стр. 33.

18 октября 1962 года, т. е. спустя два месяца после выхода в свет нашей монографии. Таким образом у автора было вдоволь времени для выполнения своего обещания. Нам кажется, что правильное было бы вместо выдвигания подобных «аргументов» открыто и полностью отказаться от перенятой у буржуазных историков ошибки, заключающейся в отождествлении посевной площади в тонштелях и посевов в бочках.¹² Тем более, что первый шаг в этом направлении в брошюре Х. Лиги уже сделан. Если у историков буржуазного периода такое извращение служило мифу о «добром шведском времени», то Х. Лиги и Ю. Какх ничего не должны бы иметь против выяснения истины. Тем более, что даже эмигрантская историческая литература уже давно освободилась от этой ошибки и при определении размеров посевов исходит из данных о посевах в бочках, а не из приведенных на картах имений тонштелях пашни.¹³

Другой аргумент, который в статье Х. Лиги и Ю. Какха направлен на опорочение достоверности данных о посевах, приведенных в вакенбухах, на наш взгляд, говорит не в пользу их преуменьшения, как полагают авторы статьи. Х. Лиги и Ю. Какх утверждают правильно, что в конце XVII века величина крестьянской зерновой повинности была в непосредственной зависимости от размера крестьянских посевов. Так как крестьяне были заинтересованы в возможно более низких зерновых повинностях, то они, как полагают Х. Лиги и Ю. Какх, представляли властям преуменьшенные данные о своих посевах. Но при всем этом по какой-то причине вне внимания оставлена другая сторона — помещики и государственная власть, которые были заинтересованы в возможно более высоких зерновых пошлинах крестьян. Непонятным остается, почему по мнению Х. Лиги и Ю. Какха помещики и шведская государственная власть так легко давали себя обмануть со стороны крестьян? (даже до 40%, как они утверждают). Зная большой интерес шведской государственной власти и прибалтийско-немецких помещиков к увеличению доходов — особенно в виде зерна, такое «дружелюбие» в отношении эстонского крестьянина кажется невероятным, если не принять буржуазную концепцию о «добром шведском времени», восхваляющую заботу шведской государственной власти об эстонском крестьянине. Более вероятным является то, что как шведские власти, так и помещики пристально сделали за тем, чтобы в вакенбухи были внесены все крестьянские посева. Ведь соответст-

¹² О. Лийв, который в буржуазной Эстонии считался лучшим знатоком порядков XVII века, отождествлял тонштель пашни с бочкой посева и пришел в вопросе о размерах посевов к ошибочным результатам. *Die Wirtschaftliche Lage des estnischen Gebietes am Ausgang des XVII Jahrhunderts*, Tartu 1935.

Ту же ошибку повторяет *Экономическая история Эстонии*, Тарту 1937.

¹³ См. например А. Соом, *Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert*, Lund 1954.

венно увеличивались их доходы. То обстоятельство, что зерновым повинностям соответствуют как раз приведенные в вакенбухах посевы в бочках, а не числа тонштелей, указанные на картах,¹⁴ наглядно говорит именно в пользу достоверности содержащихся в вакенбухах данных о посевах.

Если ознакомиться в русском издании «Истории Эстонской ССР» с вопросом о величине посевов зерновых, то обнаруживается, что здесь посевы XVII века оцениваются еще ниже, чем оцениваем их мы (см. стр. 529, 615).¹⁵ Автором или соавтором соответствующих разделов является Ю. Кахк. Но так как в статье Х. Лиги и Ю. Кахка ничего не говорится о названной установке Ю. Кахка, то возникает вопрос: на какой же позиции Ю. Кахк находится фактически? Или это в большей мере зависит от соответствующего соавтора? Во всяком случае установки, приведенные в русском издании «Истории Эстонской ССР», являются более правильными, и их не в состоянии опровергнуть статья, опубликованная в «Известиях Академии Наук Эстонской ССР». Нам кажется, что у Ю. Кахка нет никакого основания в этом вопросе снова отходить от правильных позиций, занятых им в «Истории Эстонской ССР», соответствующие разделы которой написаны им в соавторстве с Я. Конксом.

Если данные о посевах, содержащиеся в шведских вакенбухах конца XVII века, кажутся Х. Лиги и Ю. Кахку, как мы видели, слишком низкими, то приведенные в вакенбухах 1803 данные кажутся им, наоборот, преувеличенными. По их мнению при составлении этих вакенбухов помещикам было известно, что повинности крестьян в пользу имения должны быть в соответствии с крестьянской запашкой. Поэтому помещики якобы путем подлога данных привели в вакенбухах крестьянские посевы, искусственно преувеличивая их, в соответствии с барщиной по соотношению 1 : 1, т. е. 1 конный день регулярной барщины в неделю круглый год за одну бочку высева ржи на крестьянском поле. Это настолько важное утверждение, что авторы в подтверждение его должны были бы привести из вакенбухов хоть некоторые примеры. Ведь в подтверждение своих менее существенных тезисов они охотно приводят примеры и даже графики. Но в настоящем случае они этого не делают. Причина состоит в том, что вся несостоятельность этого утверждения тотчас же бросается в глаза, если обратиться к вакенбухам. В вакенбухах мы такого общего соответствия не находим. Поэтому Х. Ли-

¹⁴ См. I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 205.

¹⁵ «История Эстонской ССР» находится на позиции, что на протяжении XVIII века посевы почти удвоились. Мы в нашей монографии оцениваем рост посевов на 70—80% (см. стр. 90). Так как в данных, относящихся к началу XIX века, расхождений нет, то ясно, что «История Эстонской ССР» оценивает уровень посевов имений в XVII веке несколько ниже, чем мы.

ги и Ю. Какх таких примеров привести и не могли. Наоборот, соотношение крестьянской конной барщины и крестьянских посевов по имениям весьма различно.¹⁶ В нашей монографии мы привели соответствующие соотношения в отношении 24 имений (табл. 71 на стр. 236), откуда видно, что соотношение колебалось от 1:0,49 до 1:1,90. О каком приведении в соответствие, как утверждают авторы статьи, здесь может быть речь? Никакого приведения в соответствие посевов с барщиной в вакенбухах 1803 года не было. Опять-таки мы имеем дело с несостоятельной гипотезой авторов, которую они выдвинули лишь для того, чтобы скомпрометировать данные вакенбухов, а не для выявления истины.¹⁷ Во всяком случае эта недоказанная гипотеза, — а других доказательств авторы не приводят, не является серьезным основанием для признания содержащихся в вакенбухах 1803 года данных о посевах в общем неправильными. К тому же данные вакенбухов 1803 года находятся в согласии с общегубернскими данными, достоверность которых признается и «Историей Эстонской ССР» (как эстонским, так и русским изданием). Отдельные случаи обмана, а также некоторые неточности встречаются во всяких источниках. На основании их нельзя же объявить в целом источники неправильными — негодными, даже в том случае, если данные не нравятся авторам. Не нравятся потому, что их анализ дает совсем не ту картину периода кризиса феодально-крепостнического хозяйства, которую до сих пор рисовал Ю. Какх.¹⁸ Но эту проблему мы будем рассматривать подробнее несколько ниже.

Подытоживая вышесказанное, мы должны констатировать, что стремление Х. Лиги и Ю. Какха показать экономическое положение в конце XVII века в лучшем, а в начале XIX в худшем свете, чем оно было действительно, не находится в соответствии с источниками.

Х. Лиги и Ю. Какх пытаются представить дело в таком виде, будто весь вопрос в дискуссии о размере роста производства зерна в XVIII веке, т. е. будто и они признают этот рост, но не в такой мере, как мы. Однако, вопрос не только и не столько в оценке уровня или в величине роста за тот или другой период. Принципиальное расхождение состоит именно в том, что Ю. Какх полностью отрицает рост крестьянской запашки в

¹⁶ ЦГИА Эстонской ССР, ф. 864, оп. 1, с. х. 1—245.

¹⁷ Каждому, кто знаком с вакенбухами 1803 года, несостоятельность этой гипотезы так очевидна, что едва ли мы имеем здесь дело с некомпетентностью. По-видимому, выдвигание этого утверждения было обусловлено желанием все равно каким образом скомпрометировать вакенбухи 1803 года, руководствуясь принципом: цель оправдывает средства. Но выдвиганием этой гипотезы Х. Лиги и Ю. Какх лишили себя возможности видеть весьма дифференцированное положение в эстонской деревне на рубеже XVIII—XIX веков и правильно оценить существо норм закона 1804 года.

¹⁸ История Эстонской ССР I, Таллин 1955, 1961 (на русском языке).

XVIII веке и утверждает, будто обеспеченность крестьян землей в XVIII веке даже ухудшилась.

Так, в «Истории Эстонской ССР» он пишет: «Стремясь во что бы то ни стало увеличивать свои доходы, помещики расширяли барскую запашку, для того ликвидируя крестьянские дворы. В начале XIX века в Лифляндии в руках крестьян было почти столько же пахотной земли, сколько в конце XVII века. Между тем, численность населения выросла больше, чем на 40%, и крестьянами было поднято много нови. То обстоятельство, что общее количество земли, находившейся во владении крестьян, оставалось прежним, показывает, что помещики насильственно отняли у крестьян почти столько же земли, сколько последние подняли нови за этот отрезок времени».¹⁹ Итак, «История Эстонской ССР» находится на позиции, утверждающей, что обеспеченность крестьян землей на протяжении XVIII века ухудшилась весьма значительно — почти на 40% на человека. На этом основании указывается на разорение крестьянских дворов, которым был вызван «застой и даже упадок во всем сельском хозяйстве». Этот тезис знаком нам от буржуазных историков, стремившихся таким путем создать впечатление, будто XVIII век означал именно для эстонского крестьянства общее экономическое ухудшение по сравнению с «добрым шведским временем».²⁰

В возникновении этой неправильной установки, по-видимому, немалую роль опять-таки сыграл старый, опиравшийся на сопоставление гаковых чисел метод, который ввел авторов в заблуждение не только в оценке общих показателей сельскохозяйственного производства в XVIII веке, но и при рассмотрении положения крестьян. Так, например, «История Эстонской ССР» неоднократно рассматривает повинности крестьян применительно к крестьянскому двору величиной в 1/4 или в 1/2 гака. При этом не приводятся данные, характеризующие величину экономических показателей этих дворов (посевы, численность работоспособных людей, количество скота и т. д.) и происшедшие в них на протяжении XVIII века изменения.²¹ В «Истории Эстонской ССР» вообще не ставится вопрос о том, чтобы проследить, например, размер крестьянского посева, его особенности и динамику в расчете на одного работоспособного крестьянина. По этой причине в ней отсутствует дифференцированное, опирающееся на конкретные данные рассмотрение положения крестьян. Констатируется лишь рост крестьянских повинностей в XVIII веке в расчете на один гак, и непосредственно отсюда делается общий вывод о том, что положение крестьян повсюду и во всем ухудшилось.

¹⁹ Eesti NSV ajalugu I, Tallinn 1955, стр. 503.

²⁰ См. Eesti Majandusajalugu I, Tartu 1937, стр. 328—329. Eesti rahva ajalugu III, Tartu 1935, lk. 1350—1351.

²¹ Eesti NSV ajalugu I, стр. 427, 433, 434 и др.

Мы отбросили метод исследования, базирующийся на сравнении гаковых чисел, как негодный, и попытались проследить динамику экономических показателей в расчете на одного трудоспособного мужчину. На наш взгляд, такой метод изучения позволяет сравнивать величину феодальной ренты в различные столетия, в то время как крестьянский гак в Эстляндии характеризовался весьма различными экономическими показателями. Этот метод позволяет сравнивать развитие земельной ренты и при различных ее формах, когда размер крестьянской земли был неодинаков. Он позволяет сравнивать положение в различных имениях, уездах, губерниях и т. д., где обложение крестьян происходило на основе разных единиц обложения. Расчеты на одного трудоспособного мужчину легко сводятся к расчетам на душу мужского пола, являющуюся основой данных во внутренних губерниях России, где проводились ревизии душ и обложение происходило по душам мужского пола, «тяглам», «венцам» и т. д. Такое всестороннее сравнение неизбежно при изучении вопросов феодальной ренты, в особенности при изучении ее разных форм на территориях к востоку от Эльбы и при их сравнении с феодальной рентой на других территориях.²²

Примененный нами метод — расчеты на работоспособного мужчину — выявил не только рост посевов в Эстляндии в XVIII веке вообще, но и рост посевов у крестьян.

Вместо того, чтобы в своей статье прямо сказать, находятся ли они по вопросу об обеспеченности крестьян землей на старой, защищаемой «Историей Эстонской ССР» позиции, или отказались от нее, Х. Лиги и В. Какх развивают ход мыслей, который должен набросить тень на приведенные нами данные, а, следовательно, и на полученные нами результаты. Пространно доказывают они, что в в акенбухи XVII века включены не только работоспособные мужчины, но и малолетние. Дальше, уже без всяких доказательств, они утверждают, что мы в нашей монографии ошибочно причислили малолетних к взрослым и вследствие этого преувеличили количество работоспособных мужчин в среднем на 20—25%, в некоторых имениях даже на 50% по сравнению с их фактическим числом. Но Х. Лиги и Ю. Какху следовало бы доказать не то, что в вакенбухи включены и малолетние, а то, что этих малолетних мы в своей работе причислили к взрослым мужчинам. Таких примеров они не привели и привести не могли, так как в нашей монографии такой ошибки нет. Авторам статьи не трудно было бы убедиться в своем заблуждении, если бы они пожелали проверить свое утверждение, прежде чем представить его в виде факта. В таблице 21 нашей монографии приведено, сколько работоспособных людей приходится на крестьянский гак. Сравнение этих данных с соответствующими вакенбухами

²² См. I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 80 и сл.

которыми Х. Лиги и Ю. Какх воспользовались при составлении своей статьи, тотчас же показало бы им, что в случае, если мы приняли бы в расчет и мальчиков, как утверждают Х. Лиги и Ю. Какх, на крестьянский гак приходилось бы в Ляэнемаа по меньшей мере 16 работоспособных, а не 12—14 работоспособных, как приведено у нас; в Ярвамаа — по меньшей мере 13, а не 10—12, как показано у нас и т. д. Но, по-видимому, авторы статьи считали более важным представить свою догадку в виде истины, чем проверить ее раньше на фактах.

Обнаруживается, что Х. Лиги и Ю. Какху не нравится именно то обстоятельство, что в конце XVII века под шведской властью урожай зерновых у крестьян был весьма низок. Они выражают мнение, что урожай не мог быть таким низким. К сожалению, в подтверждение этого мнения они не приводят никаких опирающихся на источники данных, а вместо того производят ошибочные манипуляции над числами. Именно, Х. Лиги и Ю. Какх утверждают (стр. 15), будто по нашим данным в конце XVII века на одного человека приходилось не больше, чем 0,5 бочки продовольственного зерна. При этом они принимают в расчет лишь рожь, преуменьшая и ее количество. Ссылаясь на XIX век, они утверждают, что нормальной годовой нормой потребления считалось 3 бочки ржи на душу крестьянина. Таким образом они и получают «серьезные» основания сомневаться в наших данных. Нарочно или случайно здесь перепутаны все зерновые и рожь? Или Х. Лиги и Ю. Какх думают серьезно, что в рассматриваемый период каждый крестьянин — от младенца до дряхлого старика — потреблял 381 литр (бочка равняется 127 литрам) ржи в год, а сверх того еще и другие виды продовольственного зерна? Быть может, они действительно полагают, что в XVII веке других видов зерновых, кроме ржи, не употребляли в пищу? По-видимому, все это сделано не в интересах выяснения истины, а для того, чтобы выразить свои сомнения в возможно более сгущенных красках. Как известно, по данным эстляндской губернской канцелярии даже целый век спустя, т. е. после значительного роста производства зерна, в крестьянских дворах на каждого человека всего хлебного зерна оставалось в Ляэнемаа 2,3 бочки, в Хярьюмаа 2,6 бочки. Из этого количества лишь около половины составляла рожь (см. нашу таблицу № 82, стр. 262).

Нам представляется, что в этом вопросе, т. е. в обеспечении крестьян землей, Ю. Какху следовало бы открыто отречься от инспирированного мифом о «добром шведском времени» взгляда, будто обеспеченность крестьян землей была тогда на таком высоком уровне, что на протяжении XVIII века было возможно ее ухудшение в среднем на 40% на человека. Это было бы правильнее, чем обходить этот принципиальный вопрос молчанием или даже скрыто, разными догадками, стараться защищать его.

Принципиальное расхождение имеется еще в одном вопросе. Наши вычисления в расчете на одного трудоспособного мужчину показали, что посевы зерновых в расчете на одного человека в различных имениях были весьма различны как на барской, так и на крестьянской запашке. Прежние исследования, исходившие из крестьянского гака, ничего подобного не обнаружили. Теперь Х. Лиги и Ю. Какк также признают в своей статье (стр. 80) этот очень важный факт. Этой новой установке следует непременно открыть путь и на страницы «Истории Эстонской ССР». Это значительно улучшило бы нынешнюю трактовку данного вопроса, в которой проблема экономической дифференциации имений и крестьянства излагается голословно и поверхностно.

Хотя Х. Лиги и Ю. Какк теперь вынуждены признать эту разницу в посевах, они не видят ее экономической основы. Они стремятся все различие в посевах в расчете на работоспособного мужчину свести к вопросу о качестве почвы. В качестве фактора, обуславливающего различный уровень посевов в различных имениях, они признают плодородие земель (стр. 81). Без сомнения, качество почвы играло известную роль. Это обнаруживается уже при поездных средних, по которым посевы в расчете на работоспособного крестьянина в Ярвамаа и Вирумаа, обладающих лучшими почвами, по нашим данным выше, чем в Ляэнемаа и Харьюмаа с их плохой почвой (см. таблицу № 22 нашей монографии, стр. 128). Эти различия мы подчеркиваем в ходе всего нашего изложения. Однако неверно было бы наряду с этим не учитывать другие экономические факторы, как-то; экономическое принуждение, развитие товарного производства, размеры имений и крестьянских дворов, уровень животноводства и т. д. Но как раз на этот путь встали Х. Лиги и Ю. Какк. Они стараются лишить феодальное производство его внутренних экономических факторов.

В подтверждение наших взглядов мы приводим в своей работе данные, которые показывают, что именно в тех имениях, в которых в конце XVIII века на помещичьей запашке посев в расчете на одного работоспособного крестьянина был более значителен, более значителен был он также и на крестьянской запашке, т. е. что посевы на помещичьей и крестьянской запашках, так сказать, шли рука об руку. Нет таких данных, из которых было бы видно, что более крупные посевы на помещичьей запашке сопровождались менее значительными посевами на крестьянских полях, как это следует из «Истории Эстонской ССР», где расширение помещичьей запашки непосредственно связывается с сокращением крестьянской запашки. Это весьма существенная, принципиальная проблема. Мы показываем, что наряду с неэкономическим принуждением помещики применяли экономическое принуждение и что в результате этого обеспеченность землей одной части крестьян улучшалась и дифференциация в крестьянстве углублялась. «История Эстонской ССР» признает лишь не-

экономическое принуждение (произвол, порку розгами и т. д.). Возможность применения экономического принуждения она исключает и данных о нем не приводит.

Эту установку Х. Лиги и Ю. Какх пытаются защищать и в своей статье. Для опровержения нашего тезиса они подвергают анализу данные о 20 имениях, выбранных ими самими (стр. 82). Они вынуждены признаться, что в 12 случаях из 20 данные подтверждают нашу установку. В то же время они не приводят ни одного противоположного примера, т. е. такого, из которого видно, что крупному посеву в расчете на одного работоспособного крестьянина на помещичьей запашке соответствовал мелкий посев на крестьянской запашке. Вместо этого они утверждают, что в 8 случаях помещичий посев ниже поуездного среднего, тогда как крестьянский посев выше этого среднего, и отмечают эти случаи знаком (—), т. е. как противоречащие нашей установке. Однако эти случаи не противоречат нашей установке, по которой «расширение помещичьей запашки в расчете на одного работоспособного человека в XVIII веке не происходило за счет крестьянской запашки. Та и другая возрастали параллельно, одна в зависимости от другой — рост одной сопровождался ростом другой».²³ Это главное направление, которое характеризует соотношение помещичьих и крестьянских посевов в расчете на одного работоспособного человека в XVIII веке. В опровержение нашей установки Х. Лиги и Ю. Какху нужно было бы привести такие данные, по которым помещичий посев превышал бы поуездное среднее, а крестьянский посев был бы ниже поуездного среднего. И если бы такие имения составляли большинство, то установка «Истории Эстонской ССР» казалась бы неуязвимой. Среди 20 имений, приведенных Х. Лиги и Ю. Какхом, нет ни одного такого имения. Почему же тогда установка «Истории Эстонской ССР» и авторов статьи, не обоснованная ни одним примером, должна считаться более доказанной, чем наша позиция, которая подтверждается по крайней мере 12 надежными примерами из числа 20 примеров, выбранных самими Х. Лиги и Ю. Какхом? Притом данные о 8 остальных имениях также не противоречат нашей позиции.

То обстоятельство, что в ряде случаев посевы в расчете на одного работоспособного крестьянина были более крупные в имениях, расположенных на лучших почвах, не подтверждает утверждения авторов статьи, будто все зависит от качества почвы. С этим можно было бы согласиться лишь в том случае, если именно в этих имениях помещичий посев в расчете на одного работоспособного крестьянина был бы весьма крупен, а крестьянский посев мал. В таком случае мы могли бы утверждать, что

²³ I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 133.

именно имения, расположенные на лучших почвах, расширяли свою запашку и производили это за счет крестьянской запашки, как указывается в «Истории Эстонской ССР». Фактически это было не так. Из данных, приведенных Х. Лиги и Ю. Какком, видно также, что в этих имениях как раз крестьянские посевы превышали средние посевы. В то же время на лучших почвах встречались и имения, имевшие в расчете на одного трудоспособного крестьянина мелкие помещичьи и крестьянские посевы, а на худых почвах — имения с крупными помещичьими и крестьянскими посевами в расчете на одного работоспособного крестьянина. Все это показывает, что не качество почвы являлось фактором, заставлявшим помещиков при расширении барской запашки допускать расширение крестьянской запашки. Но внутренние экономические закономерности, в том числе рост крестьянской запашки, Х. Лиги и Ю. Какк отрицают. В установке, по которой причиной различной обеспеченности крестьян землей является лишь качество почвы, с предельной ясностью отражается непризнание внутренних экономических факторов феодального производства со стороны Х. Лиги и Ю. Какка. А в этом как раз заключается один из спорных вопросов.

Подобные ошибки уже раньше наблюдались также у некоторых исследователей аграрной истории Англии. Их критика дана Е. А. Косминским.²⁴ По-видимому, Х. Лиги и Ю. Какк перед написанием статьи недостаточно изучили сущность этого вопроса взгляды К. Маркса, на которые они ссылаются.

Несколько слов хотелось бы здесь сказать и о выборе материала. Авторы статьи упрекают нас в том, будто выбор имений у нас произведен произвольно — исходя из цели доказывания нашей установки. Думаем, что если бы в числе эстляндских имений имелось много таких имений, данные о которых подтвердили бы установку «Истории Эстонской ССР» и Х. Лиги и Ю. Какка, то последние среди выбранных ими же 20 имений привели бы хоть некоторые такие имения. Но, по-видимому, таких имений они не нашли и поэтому были вынуждены привести данные об имениях, которые подтверждают не положения «Истории Эстонской ССР», а наши взгляды. Это показывает, что вопрос не в произвольном выборе имений, а все мы вынуждены пользоваться данными тех имений, материалы о которых сохранились в архивах. О том, исходя из чего мы привели свои данные, во второй главе нашей монографии («О методике использования сохранившихся данных») сказано: «Чтобы по возможности избегать ошибок при использовании средних показателей, наряду с поездными «средними», выведенными на основе данных о нескольких сотнях имений, в работе приведены соответствующие

²⁴ Е. А. Косминский, Исследования по аграрной истории Англии, М.-Л. 1947, стр. 197, 277.

средние показатели 24 имений по имениям. Из них 15 имений выбрано таких, в которых посев в расчете на одного работоспособного крестьянина превышает поуездный средний посев, и 9 имений таких, в которых он ниже поуездного среднего» (стр. 83—84). При этом не имелось в виду привести имения с наибольшими и наименьшими посевами, а были выбраны такие имения, в которых данные вакенбухов 1803 года о численности работоспособных людей в имении близки к данным ревизии душ 1795 года. По некоторым имениям расхождения в указанных данных по разным причинам весьма значительны, поэтому такие имения, как сомнительные, были нами отвергнуты. Таких имений, данные о которых можно проследить на протяжении всего XVIII века и сравнить с данными, относящимися к концу XVII века, кроме приведенных нами, имеется очень немного. Поэтому, как мы бы ни хотели, возможность выбора весьма ограничена и роль произвольности в выборе крайне незначительна.

Что же касается данных относительно определенного периода, например, относительно 1803 года, то при исчислении соответствующих «средних» были использованы данные всех тех имений, в вакенбухах которых данные существенно не расходились с данными, приведенными в ревизских сказках 1795 года. То, что при использовании данных по 142 имениям результаты характеризуются тем же направлением, как и при приведенных в работе «средних» и данных о 24 имениях, показывает разработка этих данных на электронной вычислительной машине.

Нам кажется, что наша дискуссия была бы более аргументированной, если бы Х. Лиги и Ю. Какх хотя бы по своему выбору привели данные таких имений, которые опровергли бы наши взгляды по основным вопросам, вместо того, чтобы ограничиваться вымыслом всяких догадок о произвольном выборе данных.

То обстоятельство, что Ю. Какх не видит дифференцированного развития крестьянских посевов на протяжении XVIII века, привело его к отрицанию товарного производства и положительного влияния последнего. В русском издании «Истории Эстонской ССР», вышедшем в свет в 1961 году, Ю. Какх безо всякого основания утверждает (стр. 618), что «интенсивный рост товарного производства в имениях отрицательно сказался на развитии товарно-денежных отношений крестьян». Это свидетельствует об идеализации господствовавших в шведское время отношений натурального хозяйства, весьма распространенной в работах буржуазных историков. Какую роль играет развитие товарного производства с точки зрения общественного развития, это уже давно выяснено классиками марксизма. В дифференцированном развитии, имевшем место в результате товарного производства, проявляется одна из сторон общественного развития в указанном веке. Присоединение Эстляндии к России в начале

XVIII века имело с точки зрения сельского хозяйства именно то прогрессивное значение, что оно создало благоприятные условия для развития товарного производства. У нас много фактического материала, свидетельствующего о первостепенном значении российского рынка для развития сельского хозяйства Эстляндии в XVIII веке. Благодаря большому спросу количество реализуемого зерна увеличилось в несколько раз. Также скот и продукты животноводства в значительном объеме стали объектом товарно-денежных отношений. Это положило конец односторонности эстляндского сельского хозяйства — его исключительно хлебопашескому характеру, господствовавшему в шведское время. Развитие животноводства повлекло за собой повышение урожайности, рост урожаев, углубление дифференциации крестьянского хозяйства и т. д. Все эти обстоятельства следует включить в трактовку истории Эстонской ССР, как весьма существенные факты, которые показывают конкретно, в чем выразилось экономическое значение присоединения Эстляндии к России в XVIII веке. Никаким образом нельзя обходить их молчанием и вместо того говорить о воображаемом отрицательном влиянии товарного производства на развитие сельского хозяйства.

С вышесказанным тесно связано расхождение взглядов по вопросу о динамике размера крестьянского двора. Выдвигая предположение, как выше отмечено, что обеспеченность крестьян землей в XVIII веке ухудшилась, «История Эстонской ССР» не видит того факта, что на протяжении этого века крестьянские дворы стали более крупными. Напротив, исходя из формального, выраженного в крестьянских гаках, размера крестьянских дворов, она оставляет впечатление, будто на протяжении XVIII века крестьянские дворы стали меньше, так как средний размер крестьянского двора в гаках в некоторой мере уменьшился. Такая установка в корне неправильна, ибо в конце XVIII века основные экономические показатели крестьянского двора величиной в 1/4 гака нередко достигали той же величины, какой они были у 1/2-гакового крестьянского двора в последние десятилетия XVII века. Некоторое уменьшение выраженного в гаках среднего размера крестьянских дворов совсем не означает их раздробления. Таким путем помещики, опасавшиеся увеличения государственных налогов, стремились скрыть фактическое увеличение крестьянских дворов в отношении их экономических показателей.²⁵

Авторы статьи критикуют нашу установку, по которой крестьянские дворы на протяжении XVIII века стали более крупными по всем своим экономическим показателям (по численности работоспособных мужчин, количеству тягловых животных, посеву

²⁵ См. подробнее I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII saj., Tartu 1962, стр. 68 и сл., стр. 254 и сл.

ржи). Они не согласны с тем, что мы в основу группировки положили количество всего рабочего скота в крестьянском дворе, не делая различия между лошадьми и волами. По мнению Х. Лиги и Ю. Какха следовало бы пару волов считать равной одной лошади (см. стр. 85 статьи).

При нашей группировке мы исходили из того, что в действовавших в то время т. н. привилегиях один вол считается равным одной лошади и пара волов — паре лошадей.²⁶ Такое соотношение включено и в «Эстляндское рыцарское и земское право»,²⁷ которое практически имело действие на протяжении всего XVIII века и даже в начале XIX века. Никким образом нельзя утверждать, что на пахоте или в подводах одна лошадь была в состоянии работать наравне с двумя быками, как полагают Х. Лиги и Ю. Какх. Очевидно, что при приравнивании одного вола к одной лошади мы «обижаем» лошадь, при приравнивании же одной лошади к двум волам мы «обижаем» волов. Никак нельзя сказать, что один метод лучше или точнее другого или что приравнивание одной лошади к двум волам помогло бы избежать ошибок, как утверждают авторы статьи.

Что же касается сущности вопроса, т. е. того, увеличились или уменьшились крестьянские дворы на протяжении XVIII века по своим экономическим показателям, то, положив в основу какой угодно экономической показатель, мы получим результаты в том же направлении, как и исходя из количества рабочего скота. А спорный вопрос в настоящее время заключается именно в направлении развития. Дальнейшие исследования, при применении сравнительного метода, смогут внести некоторые уточнения в этом вопросе, но никоим образом не опровергнут наши выводы о направлении развития крестьянских дворов, которое характеризуется дифференцированным ростом основных экономических показателей крестьянского двора, а не их общим понижением, как до сих пор утверждалось на основе анализа гаковых чисел крестьянских дворов. Именно увеличение крестьянских дворов было одной из причин, повлекших с другой стороны за собой увеличение доли батраков, бобылей и т. п. в крестьянстве.

К каким парадоксам можно прийти при группировке крестьянских дворов по их названиям (например, бобыль, двор в 1/4 гака и т. д.), а не по количеству рабочего скота или по какому-нибудь другому экономическому показателю, о том Х. Лиги и Ю. Какх сами приводят целый ряд примеров. Надеемся, что все это поможет «Истории Эстонской ССР» окончательно освободиться от классификации, проведенной по названиям крестьянских дворов (бобыль, двор в 1/4 гака, 1/2-гаковый двор),

²⁶ См., например, привилегию Густава Адольфа от 24 окт., 1617 г., пожалованную эстляндскому рыцарству.

²⁷ Эстляндское рыцарское и земское право, книга 6, титул 4. арт. 3.

являющейся формальной и неправильно показывающей направление экономического развития крестьянских дворов в XVIII веке.

Неясная и неправильная установка в основных вопросах развития сельского хозяйства в XVIII веке неизбежно обуславливает и соответствующую трактовку кризиса, наступившего в феодально-крепостническом сельском хозяйстве на рубеже XVIII и XIX веков. Недооценка экономического развития, принижение значения внутренних экономических факторов, нередко даже их отрицание, непризнание весьма дифференцированного экономического положения, — все это приводит к отсутствию экономического анализа и дифференцированности, сохраняя в большой мере влияние традиционной идеологической трактовки кризиса.²⁸ Это наследие буржуазных историков, которые, видя в XVIII веке лишь экономический застой, объясняли причины кризиса и попытки его разрешения не экономическими, а идеологическими факторами, как-то доброжелательством российского императора, либеральным мировоззрением одной части прибалтийских баронов и т. д. Но попытку разрешить кризис изданием крестьянского закона 1804 года нельзя считать каким-либо либеральным и тем более прогрессивным мероприятием. Издание закона 1804 года является реакционной попыткой укрепить эксплуатацию крестьян феодальнокрепостническими методами. Однако такого опирающегося на факты анализа крестьянского закона и такой его оценки мы в «Истории Эстонской ССР не находим.

Х. Лиги и Ю. Какк пытаются в своей статье (стр. 86 и др.) представить дело таким образом, будто при издании крестьянского закона весь вопрос состоял в вакенбухах 1803 года, а не в нормах закона. Они подчеркивают, как выше уже было отмечено, что эти вакенбухи были составлены по произвольному усмотрению помещиков, причем крестьянские повинности и крестьянская запашка будто бы были приведены в соответствие. Таким образом, закон 1804 года с его реакционными нормами по сравнению с установленными в вакенбухах остается у них на заднем плане. Они утверждают, будто законом 1804 года крестьянские повинности не были повышены по сравнению с вакенбухами. Однако, как мы уже знаем, вакенбухи 1803 года совсем не представляют из себя какого-либо общего подлога, приведшего к одинаковым результатам, а показывают весьма дифференцированное положение по имениям. Исходя из этого дифференцированного положения и были помещиками составлены нормы закона 1804 года. При этом они не повторяют повинностей, содержащихся в вакенбухах 1803 года, а устанавливают новые нормы,

²⁸ История Эстонской ССР I, Таллин 1961, стр. 690, 692. Автор соответствующих разделов Ю. Какк.

позволяющие усилить эксплуатацию крестьян по сравнению с вакенбухами 1803 года во всех имениях — как в имениях с большим, так и в имениях с малым посевом в расчете на одного работоспособного крестьянина. Это обнаруживается, если сравнить между собой вакенбухи 1803 года и нормы закона 1804 года. Мы видим, что в имениях с большим посевом в расчете на одного работоспособного крестьянина по данным вакенбухов 1803 года крестьянские посеы в свете норм 1804 года были «слишком» большие, что давало помещику право повышать повинности. Как сказано в статье 5 закона, в том случае, когда «земля превышала силу» (т. е. когда посев ржи был больше, чем одна бочка на работоспособного человека), можно было за эту землю увеличить регулярную барщину на 1/3. Это надо оценить как удар по тем экономическим преимуществам, которые возникли в крестьянских дворах этих имений на протяжении XVIII века.²⁹ В имениях с маленьким посевом — в расчете на одного работоспособного крестьянина — как крестьянский посев, так и барщина были ниже установленных законом норм. Повышая барщину в расчете на одного трудоспособного крестьянина, помещик был вынужден разрешить своим крестьянам расширить их запашку, но при весьма невыгодном соотношении крестьянского посева и барщины. И так как установленные законом 1804 года уроки тоже были весьма высоки, то этому должен был сопутствовать рост интенсивности крестьянского труда на барской запашке. Рост барщины и рост интенсивности труда вместе взятые должны были повлечь за собой расширение помещичьей запашки и увеличение доходов во всех имениях.

Пренебрежительное отношение Ю. Какка к экономическим проблемам закона 1804 года доходит даже до того, что он упрекает нас в анализе положения на основе «еще более абстрактных частных, полученных при арифметическом делении числа тюндеров зерна на количество трудоспособных мужчин» (стр. 86 статьи). Но это «абстрактное арифметическое деление» выдумали не мы, оно предусмотрено текстом закона 1804 года. Авторы закона 1804 г. сделали это не случайно. Они нашли (вакенбухи 1803 года тоже показывают это), что установление законом такого соотношения позволит повысить эксплуатацию во многих имениях.³⁰ Так это в тексте закона и сказано.

То обстоятельство, что после издания закона тотчас же не началось введение его норм в жизнь везде и в полной мере, объясняется классовой борьбой крестьян и рядом других факторов, а не тем, что «нормы повинностей в вакенбухах 1803 г. были составлены самими помещиками с соблюдением их

²⁹ См. I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 233 и сл.

³⁰ См. I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 233 и сл.

собственных интересов и поэтому не было необходимости уже по прошествии двух лет приступить к очередному увеличению этих повинностей», как утверждают Х. Лиги и Ю. Какх (стр. 86).

Особенно странно то, что в своей статье «О размере крестьянской барщины в Северной Эстонии в 1796 и 1839 годах», опубликованной не так давно, Ю. Какх как раз утверждалось, напротив, что реформой 1804 года барщина не была ограничена, а была поднята до небывалого уровня, превышающего фактически мощь крестьянских дворов». ³¹ Теперь же Х. Лиги и В. Какх ставят нам в вину, что мы показываем в своей работе, что нормы закона 1804 года позволили повысить повинности крестьян, и утверждают, что повышения повинностей не произошло. Очевидно, что здесь Ю. Какх опять-таки противоречит сам себе. Возникает вопрос: какова же позиция Ю. Какха в действительности при оценке норм закона 1804 года? Такое колебание во взглядах может быть объяснимо лишь тем, что Ю. Какх не сравнивал вакенбухов 1803 года с нормами закона 1804 года. Это предположение подтверждают и его не соответствующие действительности утверждения, будто помещики в вакенбухах 1803 года привели крестьянские посевы в соответствие с барщиной, и его совсем непонятное пренебрежительное отношение к математическому соотношению (действию), предусматриваемому законом 1804 года. Волей-неволей возникает вопрос: каким образом при всем этом было возможно написать книгу, претендующую на изложение и оценку обстоятельств и событий на рубеже XVIII и XIX веков в Эстляндии? ³²

К. Маркс неоднократно подчеркивал, что развитие капитализма на селе зависит от общего развития капиталистического производства вне сельского хозяйства. ³³ Сравнительно низкий уровень этого развития в Эстляндии на рубеже XVIII—XIX веков тормозил развитие капиталистических отношений в деревне. В известном смысле это обстоятельство явилось также предварительным условием, позволившим прибалтийско-немецким помещикам установить по существу реакционные нормы повинностей. Эти нормы в свою очередь затормозили развитие капиталистических отношений в деревне. Однако рассмотрение экономической стороны, которое должно составлять один из существенных моментов в анализе и оценке закона 1804 года, отсутствует как в «Истории Эстонской ССР», так и в монографии Ю. Какха «Волнения и реформы». Очевидно это обусловлено тем, что их автор, завязший в методе сопоставления гаковых чисел, не видел весьма дифференцированного положения, господствовавшего как в имениях, так и в крестьянских дворах

³¹ Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, 1957, nr. 2, стр. 188.

³² J. K a h k, Rahutused ja reformid, Tallinn 1961.

³³ К. М а р к с, Капитал, том III, 1949, стр. 812.

Эстляндии на рубеже XVIII и XIX веков, не видел также расхождений между вакенбухами 1803 года и нормами закона 1804 года. Эти расхождения обнаруживаются лишь при анализе материала не применительно к гаку, а применительно к работоспособному человеку (мужчине) или к посевам (т. е. так, как предусматривается нормами закона 1804 года). Однако такого анализа мы в работах Ю. Какха не находим.

Вышеизложенным мы постарались указать на те основные вопросы, по которым имеются расхождения в позициях, и привести аргументацию в подтверждение наших взглядов. Далее, нам хотелось бы в нескольких словах коснуться и приведенных в статье высказываний Х. Лиги и Ю. Какха, направленных на опровержение утверждений, которых в нашей работе вовсе не имеется. Приводим несколько примеров.

Уже основа и название применяемой нами группировки имений искажены в статье, опубликованной в «Известиях Академии Наук Эстонской ССР». Мы говорим о «передовых» и «отстающих» имениях с точки зрения посева, приходящегося на одного трудоспособного мужчину (стр. 130, 131 и сл.). Это означает, что при группировке имений мы исходим из одного из основных экономических показателей. Нарочно употребляется термин «eesmised» и его антоним, а не «eesrindlikud» и его антоним. Соответствующие термины на русском языке приведены в резюме монографии: «отстающие» и его противоположность «передовые» (стр. 362). Но Х. Лиги и Ю. Какха говорят в своей написанной на русском языке статье: «Все объясняется выделением из господствующего класса двух группировок — «передовых» и «отсталых» помещиков». Таким образом в статье Х. Лиги и Ю. Какха группировка имений по одному из основных экономических показателей (посевам) подменена группировкой помещиков по их идеологическим воззрениям. Это нужно авторам для того, чтобы утверждать, будто наше изложение не основано на экономическом анализе (стр. 81), и затем решительно осудить эту «ошибку».

Далее авторы утверждают, будто мы находимся на позиции, согласно которой различие в посевах в расчете на работоспособного мужчину возникло в XVIII веке, и опровергают эту позицию несколькими примерами. Однако в нашей работе мы говорим не о возникновении различия, а о том, что «это различие в уровнях, которое при феодализме наблюдается всегда, в Эстляндии на протяжении XVIII века значительно увеличилось».³⁴ Мы также приводим данные, которые показывают, что различие в посевах наблюдалось уже в конце XVII века и существенно углубилось на протяжении XVIII века. По-видимому, авторам

³⁴ I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 132.

статьи опять потребовалось подменить углубление различия возникновением различия для того, чтобы было, что опровергнуть.

С такою же решимостью Х. Лиги и Ю. Какх атакуют позицию, что с точки зрения посевов не все мелкие имения передовые и не все крупные имения отстающие. Но в своей работе мы говорим дословно следующее: «При господствовавшей феодально-крепостнической системе результаты труда в крупных имениях были сравнительно слабее, чем в мелких и средних имениях. Имеющиеся исключения, например, имение Саастна в Ляэ-немаа, показывают, что это могло быть и иначе. Типичным же для Эстляндии XVIII века являлось положение, при котором производительность труда в крупных имениях была ниже, чем в средних и мелких имениях».³⁵ Таким образом, если Х. Лиги и Ю. Какх имели желание возражать нам, им пришлось бы доказать не наличие исключений, что утверждали и мы, а отсутствие типичности. Но этого они не сделали. Авторам понадобилось их утверждение лишь для того, чтобы подменить им нашу установку и затем опровергнуть! Так, в статье Х. Лиги и Ю. Какха неоднократно в основу группировки положен не посев в расчете на одного работоспособного мужчину, а только размер имения (на странице 83 приведена даже соответствующая таблица), т. е. применяемая нами основа группировки подменена другой группировкой, которую они затем и критикуют.

Рассматривая вопрос о значении присоединения Эстляндии к России, авторы статьи утверждают, будто мы в нашей работе «ни слова не упомянули о дальнейшем складывании боевого союза между эстонскими и русскими трудящимися в их борьбе с эксплуатацией» (стр. 74). Если это было бы действительно так, то это было бы существенным недостатком нашей монографии. Но уже в введении, где рассматриваются вопросы актуальности и значения работы, об этом сказано: «Еще ярче значение исторических событий XVIII века для нашего народа выступает в виде боевого союза эстонских и русских трудящихся, результатом чего является установление самой передовой общественной формации — социализма-коммунизма в нашей стране».³⁶ Такими же мыслями заканчивается заключение работы.

Можно привести еще другие примеры того, как авторы статьи пытались представить наши установки в ложном свете или даже подменить их (система обложения в XVIII веке, количество скота, использование продукции винокурных устройств и т. д.). Все это можно объяснить надеждой авторов, что русским читателям (работа опубликована в «Известиях Академии Наук Эстонской ССР» на русском языке) текст нашей моно-

³⁵ II. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 162.

³⁶ I. Sildmäe, Feodaal-pärisorjusliku tootmise ja feodaalrendi dünaamikast Eestimaal XVIII sajandil, Tartu 1962, стр. 5.

графии, написанной на эстонском языке, недоступен. Или они этим путем просто пытаются заменить обмен аргументами по основным вопросам отвлечением внимания на всякие вымышленные ошибки.

На таких «противоречиях», которые характеризуют в большей мере авторов статьи, чем спорные вопросы, мы дальше не останавливаемся. Хотелось бы надеяться, что они являются безобидными заблуждениями. В противном случае они напоминают в связи с предъявленным в конце статьи требованием не обмен научными аргументами и свободу дискуссии, а попытку монополизировать свои взгляды любыми средствами.

Из всего вышеизложенного должно быть ясно, что по ряду основных вопросов истории Эстонской ССР, связанных с таким поворотным событием в жизни эстонского народа, как присоединение Эстляндии к России, возникло расхождение во взглядах. На протяжении длительного времени у нас господствовали концепции прибалтийско-немецких историков, старавшихся по политическим соображениям всячески набросить тень на это событие и на его непосредственные и далеко идущие последствия.

Для эстонского крестьянина XVIII век был весьма тяжелым временем. Это был век крепостнической жестокости и мракобесия, но при всем этом далеко не период экономической стагнации. Это был век, когда тяжелым кабальным трудом наших предков был достигнут значительный рост сельскохозяйственного производства в Эстляндии. В этом развитии получили начало явления, которые на рубеже XVIII и XIX веков привели к кризису феодально-крепостнического производства в Эстляндии.

Работы буржуазных историков о XVIII веке, в которых многословно говорится об усилении крепостничества, но не осознаются его экономические последствия, являются односторонними. Поскольку в них развитие помещичьего и крестьянского хозяйства остается невыясненным, их авторы не видят роста товарности сельского хозяйства. Этим обусловлена недооценка товарно-денежных отношений вообще, в особенности же недооценка возникших после Северной войны благоприятных рыночных условий. Вместе с тем остаются на заднем плане те изменения, которые произошли в общественных, междуклассовых и внутриклассовых отношениях. Отсутствие дифференцированной трактовки и в этой связи у некоторых авторов даже идеализация господствовавших в шведское время отношений натурального хозяйства, а также недооценка колониального характера шведской власти — все это доля того наследства, которое оставили нам прибалтийско-немецкие и буржуазные исследователи. Освободиться от остатков этого наследства поможет нам выяснение исторических фактов и исторического развития во всем их разнообразии и противоречивости.

Нам кажется, что еще не по всем этим вопросам историческая наука Эстонской ССР заняла ясную и правильную позицию. Весьма желательно, чтобы и другие авторы, занимающиеся этими проблемами, высказали свое мнение.

FEODAALRENDI UURIMISE MÕNEDEST KÜSIMUSTEST

Õigusteaduse kand. I. Sildmäe

Riigi- ja haldusõiguse kateeder

Resümee

Artiklis käsitletakse Eestimaa XVIII sajandi põllumajanduse uurimisel tekkinud mõningaid vaieldavaid küsimusi, mis on seotud erinevate uurimismeetodite rakendamise ja mõnede allikate erineva hindamisega. Autor on seisukohal, et põllumajanduse arengu ja talupoegade majandusliku olukorra käsitlemisel ei saa lähtuda adramaadest nii, nagu seda senini ajalookäsitlustes on kasutatud, vaid on vajalik jälgida majanduslike näitajate dünaamikat mingi stabiilse üksuse kohta. Selliseks üksuseks võiks autori arvates olla tööjõuline mees. Niisugune mõiste oli XVIII sajandi agraarstatistikas ja dokumentides kindel ning stabiilne. Selline käsitusviis võimaldab: 1) võrrelda feodaalrendi suurust erinevatel sajanditel, kui talupoja adramaa Eestimaal oli väga erinevate majanduslike näitajatega; 2) võrrelda maarendi arengut ka erinevate rendivormide puhul, kui üldine talupoegade kasutuses oleva maa suurus oli erinev, 3) võrrelda olukordi erinevates mõisates, maakondades, kubermangudes jm., kus talupoegade maakasutamine toimus erinevate üksuste alusel. Selline igakülgne võrdlemine on aga feodaalrendi arengu küsimuste uurimisel paratamatult vajalik, eriti mitmesuguste vormide uurimisel ida pool Elbet ja võrdlemisel maarendiga teistel territooriumidel.

Artiklis näidatakse, et XVII sajandi viimaste aastakümnete rukkikülvide ja -saakide määramisel tuleb lähtuda vakuraamatutes esitatud külvidest tündrites, mitte aga kaartidel esitatud põllupindadest tündrimaades, sest tündrimaale ei külvatud täit tündrit rukist. Need autorid, kes on külvide määramisel aluseks võtnud tündrimaade arvud kaartidelt vastavaid parandusi tegemata, on tulnud vääratele järeldustele XVII sajandi lõpu aastate külvide ja saakide määramisel.

Mis puutub XIX sajandi esimestel aastatel Eestimaa külas valit-
senud olukordade hindamisse, siis peegeldavad seda hästi 1803. a.
vakuraamatud. Nende ja ka teiste andmete põhjal ilmneb, et tera-
viljatootmise tase ja ka koormised olid erinevates mõisates väga
erinevad. Selle pinnalt siis ka erinevad tendentsid mõisnikkonna
hulgas 1804. a. seaduse väljatöötamisel ning vastavad normid sea-
duses eneses.

SISUKORD — ОГЛАВЛЕНИЕ

A. Uustal, Professor V. E. Grabar — progressiivne vene ja põukogude rahvusvahelise õiguse teadlane (100. sünni-aastapäevaks)	3
A. T. Уусталь, Профессор В. Э. Грабарь — прогрессивный русский и советский ученый — международник. Резюме	19
Э. Л. Пloom, Ответственность по договору проката легковых автомобилей	23
E. Ploom, Vastutus sõiduautode elukondliku üürimise lepingu järgi. Resümee	41
B. П. Кельдер, Система средств правовой охраны колхозной собственности	43
V. Kelder, Kolhoosliku omandi õiguslike kaitsevahendite süsteem. Resümee	74
J. Mäll, Tööliste ja teenistujate materiaalsest vastutusest	77
И. Мялл, О материальной ответственности рабочих и служащих. Резюме	94
B. П. Кельдер, Правосубъектность и правоспособность колхоза	108
V. Kelder, Kolhoosi õigussubjektsus ja õigusvõime. Resümee	110
A. T. Уусталь, Правовое положение военных кораблей в иностранных портах	110
A. Uustal, Sõjalaevade õiguslik seisund välisriikide sadamates. Resümee	137
И. Я. Сильдмяэ, О некоторых проблемах изучения феодальной ренты	139
I. Sildmäe, Feodaalrendi uurimise mõnedest küsimustest. Resümee	162

Тартуский государственный университет ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18.

ТРУДЫ ПО ПРАВОВЕДЕНИЮ

III

На эстонском и русском языках

Vastutav toimetaja E. Laasik

Korrektorid A. Pravdin, E. Võhandu ja E. Seveljova.

Ladumisele antud 25. II 1965. Trükkimisele antud 27. VII 1965. Paber 60×90, 1/16. Trüki-
poognaid 10,25. Arvestuspoognaid 11,62. Trükiarv 500. MB-06378. Tellimise nr. 1700. Hans
Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Ülikooli 17/19. III

Hind 81 kop.